

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

МОСКВА 2022

1-2(34-35)

ISSN 2712-8121

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 1–2(34–35)

МОСКВА
2022

ISSN 2712-8121

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалын (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихмедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), А.М. Молдован (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хахимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Ответственный секретарь: З.К. Кочакаева (Москва)

Члены редколлегии: А.А. Акматалиев (Бишкек), Т.А. Аникеева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Б.Т. Койчурев (Бишкек), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), В.Г. Родионов (Чебоксары), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), Т.М. Хаджиева (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходившего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2022
© Российский комитет тюркологов, 2022

№ 1–2(34–35)

COMMITTEE OF RUSSIAN TURKOLOGISTS
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS
DEPARTMENT OF HISTORICAL AND PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian TURKOLOGY

Founded by

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
The Committee of Russian Turkologists, Russian Academy of Sciences,
Department of Historical and Philological Sciences

Advisory Board

K. Abdulla (Azerbaijan), Ş.H. Akalın (Turkey), Kh.Ch. Alishina (Tyumen), M.V. Bavuu-Syuryun (Kyzyl), A.A. Chechenov (Moscow), M. Erdal (Israel), N.Kh. Gadzhiakhmedov (Makhachkala), T.M. Garipov (Ufa), Yu.N. Isayev (Cheboksary), J. Janhunen (Finland), M.S. Kachalin (Turkey), F.S. Khakimzyanov (Kazan), F.G. Khisamitdinova (Ufa), A.B. Kudelin (Moscow), I.V. Kul'ganek (Saint-Petersburg), K.M. Minnullin (Kazan), A.M. Moldovan (Moscow), A. Róna-Tas (Hungary), Zh.S. Syzdykova (Moscow), M.Z. Ulakov (Nal'chik), I. Vásáry (Hungary), N.I. Yegorov (Cheboksary), P. Zieme (Germany), M.Z. Zakiyev (Kazan)

Editorial Board

Editor-in-Chief: I.V. Kormushin (Moscow),
Deputy Editor-in-Chief: E.A. Oganova (Moscow), N.N. Telitsin (Saint-Petersburg)
Scientific Editor: Z.N. Ekba (Moscow)
Executive Secretary: Z.K. Kochakaeva (Moscow)

Members of the editorial board: A.A. Akmataliyev (Bishkek), T.A. Anikeyeva (Moscow), A.V. Dybo (Moscow), M.D. Chertykova (Abakan), F.N. Dyachkovsky (Yakutsk), D.A. Funk (Moscow), L.L. Gabysheva (Yakutsk), L.S. Kara-ool (Kyzyl), T.M. Khadzhdiyeva (Moscow), B.T. Koychuyev (Bishkek), A.V. Kuznetsov (Cheboksary), I.L. Kyzlasov (Moscow), K.M. Minnullin (Kazan), O.A. Mudrak (Moscow), M.Kh. Nadergulov (Ufa), I.A. Nevskaya (Frankfurt), F.Sh. Nuriyeva (Kazan), M. Ölmez (İstanbul), Yu.V. Psyanchin (Ufa), M.M. Repenkova (Moscow), V.G. Rodionov (Cheboksary), S.B. Sarbasheva (Gorno-Altaysk), A.V. Savelyev (Moscow), L.S. Selendili (Simferopol), I.V. Shentsova (Novokuznetsk), K.-M.A. Simchit (Kyzyl), V.N. Tuguzhekova (Abakan), L.N. Tybykova (Gorno-Altaysk)

The scientific journal "Russian Turkology" is a continuation of the journal "Soviet Turkology" that was published from 1970 to 1990 as a scientific and theoretical print media of two academies – the Academy of Sciences of the USSR and the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR.

After 1991 in Azerbaijan the "Türkologiya" journal is being published.

The journal "Russian Turkology" is being published since 2009.

© Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2022

© The Committee of Russian Turkologists, 2022

№ 1–2(34–35)

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛАКУНАРНОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА)

Р.П. Абдина

г. Абакан

Резюме: В статье приводится краткий анализ использования хакасской безэквивалентной лексики в русском языке. Освоение такой лексики осуществляется на графическом, фонетическом, грамматическом, семантическом уровнях. На сегодняшний день не разработана четкая система обозначения безэквивалентной лексики хакасского языка средствами русского алфавита, в связи с чем возникают и трудности ее фонетического освоения. Некоторые подобные лексические единицы, попадая в русский язык, подстраиваются под его грамматическую систему.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, хакасский язык, заимствование, русский язык.

Одним из сложных вопросов в межкультурной коммуникации является вопрос перевода на другой язык таких элементов, которые не имеют эквивалента или аналога в другом языке. Эта группа слов в каждом языке обозначает предметы, понятия, явления, связанные с местным колоритом. Проблема выявления такой лексики тесно связана с проблемами ее непереводимости на другой язык. В российской и зарубежной лингвистике этому явлению посвящен ряд исследований (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, Л.С. Бархударов, Л.Т. Микулина, Б.М. Минкович, А.Д. Швейцер, Г.В. Чернов, Г.В. Шатков, Г.Д. Томахин, Я.И. Рецкер, В.Г. Гак, А.В. Федоров, С. Влахов, С. Флорин, В.Н. Крупнов, Н.Г. Комлев, А.О. Иванов, А.А. Брагина, Л.К. Латышев, Л.Х. Самситова и др.). В их работах содержатся различные подходы к решению вопроса взаимосвязи языка и мышления, языка и культуры, языка и личности. Непереводимые языковые конструкции являются результатом различия культур и многими учеными трактуются по-разному. Чаще всего в литературе встречаются термины «безэквивалентная лек-

Абдина Раиса Петровна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора языка Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, e-mail: rabdina@mail.ru.

сика», «экзотизмы», «реалии», «этнокультурная лексика» или «этнокультуроведческая лексика», «лексические лакуны», «слова с нулевым эквивалентом» и др.

Наиболее дискуссионной проблемой относительно выбора слова, характеризующего национально-культурную специфику языка, является вопрос о соотношении понятий «лакуна», «безэквивалентная лексика», «реалия». Так, З.Д. Попова и И.Л. Стернин отмечают, что «безэквивалентные единицы и лакуны всегда выявляются в парах: если в одном языке есть лакуна, то в сопоставляемом языке – безэквивалентная лексика» [Попова, Стернин 2007: 24]. Например, в хакасском языке есть слова *пого* (хакасское женское свадебное нагрудное украшение в форме плоского полусферического изделия, вышитого бисером, пуговицами, перламутром, раковинами каури), *хут* (душа живого человека либо умершего до сорока дней), *орамыс* (блюдо, приготовленное из внутреннего бараньего сала, переплетенного тонкими кишками) и др., для русского языка такие слова будут являться лакунами, а для хакасского языка это будет безэквивалентная единица на фоне русского языка.

В общем понимании безэквивалентная лексика (БЛ) – это слова, которые нельзя семантизировать с помощью перевода (они не имеют устойчивых соответствий в других языках, не имеют смысловых соответствий в системе содержания, свойственной другому языку), т. е. «слова, план содержания которых невозможно сопоставить с какими-либо иноязычными лексическими понятиями» [Верещагин 1980: 52]. Поэтому понятие «безэквивалентная лексика» включает в себя не только отсутствие эквивалента, но и причину такого отсутствия – «отражение словом специфической материальной и духовной культуры» [Егодурова 2017: 15].

Словом, в наибольшей степени отражающим национально-культурную специфику сопоставляемых языков, по мнению исследователей, является слово «лакуна», под которым понимается лингвокультурный феномен, обнаруживаемый при сопоставлении языков/культур, не имеющий эквивалента в зеркале другого языка, характеризующий национально-культурную специфику языкового сознания того или иного этноса [Попова, Стернин 2007: 29]. В обобщенном виде проблема лингвистической лакунарности – это проблема, вскрывающая соотношение «язык – национальная история и культура – история и культура других народов» [Шумагер 1986: 17]. Данная проблема приобретает особое значение в условиях межкультурной коммуникации: «Даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур» [Верещагин, Костомаров 1990].

В процессе эволюции культура и язык любого народа, поколения не может развиваться и существовать изолированно от других этнических коллективов с их обычаями, традициями, языком. Развитие языка, как и живого организма, совершается постоянно и осуществляется на всех уровнях: подвергается различным изменениям звуковая система, меняется морфологический и лексический состав, семантика слов и т. д. Это языковое развитие обусловлено подвижностью языковой системы, ее словообразовательными и семантическими законами, их отношением к изменяющимся потребностям коммуникации языковых сообществ [Шайхулов 1988: 38]. Такая языковая динамика объясняет внимание к процессам, наблюдаемым при лексическом заимствовании из других языков, а также к по-

полнению центра лексической системы языка такими словами. Несмотря на то что исследованию заимствований посвящено немало работ в отечественной лингвистике (Э.Ф. Володарская, А.В. Зеленин, Е.А. Земская, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин и др.), актуальность этой темы со временем не уменьшается, а, наоборот, усиливается, так как динамика процесса заимствования растет. Исследования об освоении безэквивалентной лексики другим языком разработаны все еще недостаточно полно, нет ее четкой и единой классификации, единого терминологического аппарата. Первой ступенью иноязычного влияния является лексическое заимствование. Попадая в языковую среду, заимствованное слово приобретает грамматические связи, которые устанавливаются путем включения его в определенную парадигму. Таким образом, слово подчиняется тем или иным грамматическим категориям заимствующего языка. Более того, слово, заимствованное по тем или иным причинам, может приобретать такие синтаксические связи, которые характерны для соответствующего исконного слова. Несмотря на то что в лингвистике нет единого общепринятого определения «заимствованное слово» и «иноязычное слово», многие языковеды определяют заимствованные слова как слова, вошедшие в лексическую систему заимствующего языка, а иноязычные слова как лексические единицы, еще не принятые в лексическую систему.

Главным условием заимствования иноязычных слов традиционно считается наличие контакта языка-реципиента (здесь – русский язык) с языком-источником (хакасский язык). В данной работе рассмотрим хакасскую БЛ, которая заимствуется русским языком, а также проблемы, встречающиеся при ее оформлении.

БЛ используется в целях коммуникации во всех сферах функционирования русской речи на территории Хакасии: в разговорно-бытовой речи жителей городов, сел, аалов, в художественной и специальной литературе, в СМИ, в соцсетях. Активное вхождение такой лексики в русский обусловлено, прежде всего, возрастающим интересом к хакасской традиционной культуре. Вхождение такой лексики происходит устным и письменным путями, и соответственно она интегрируется в систему русского языка при помощи фонетических и графических средств.

По мнению Л.П. Крысина, достаточным условием для заимствования является выполнение четырех требований:

- 1) написание слова с помощью графических единиц заимствующего языка;
- 2) произношение в соответствии с фонетикой заимствующего языка;
- 3) грамматическое оформление слова;
- 4) употребление слова в определенной подсистеме языка.

Л.П. Крысин считает, что «иноязычные слова, не удовлетворяющие хотя бы одному из этих требований, не являются заимствованиями» [Крысин 1965: 41]. Хакасская БЛ отвечает этим требованиям, и ее освоение осуществляется на следующих уровнях: графическом, фонетическом, грамматическом, семантическом. Остановимся на этих уровнях подробнее.

Графическое освоение – передача БЛ на письме средствами русского алфавита. Здесь отметим, что хакасская письменность основана на русской графике. Современный хакасский алфавит содержит 33 знака русского алфавита и шесть знаков, обозначающих, в том числе, звуки, которые отсутствуют в русском языке: *z, i, ɲ, ö, ý, ɟ* (или, как вариант, *ç*). Поэтому, если БЛ обозначается знаками,

присущими только русскому алфавиту, проблем в написании нет. Например: *ай-ран* ‘кисломолочный напиток особой закваски’, *чатхан* ‘хакасский музыкальный инструмент, имеющий форму продолговатого ящика, прямого или расширенного к основанию с прикрепленными вдоль металлическими струнами’, *моркам* ‘манжета – деталь национального платья’, *Тун пайрам* ‘хакасский национальный праздник, который посвящен одной из форм традиционного хозяйствования хакасов’. Если же слова содержат буквы хакасского алфавита, то возникают сложности как в графическом оформлении, так и в фонетическом. Представим это на примерах:

Знак *ɣ* [(gh) /ɣ/]. В хакасском языке в начале слова не встречается и по месту и способу артикуляции соответствует глухому *х*. Обычной позицией является позиция в середине и конце слова [Баскаков 1975: 33]. В русском языке БЛ, содержащая этот звук, передается следующими знаками: *г*, *х*, реже буквой *к*: *талган* ‘традиционное блюдо хакасов – обжаренный и мелко смолотый ячмень или пшеница, употребляемые с молоком, черемухой, маслом’ в русском языке может обозначаться словами *талган*, *талкан*; *пого* в русском языке обозначается словом *пого*; *алыптыг ныхмах* ‘общепринятое народное и научное название отдельного образца, а также в целом жанра героического сказания хакасов’ в русском языке обозначается *алыптых/алыптыг ныхмах*.

Знак *ч* (*ч*). В начале и конце слова не встречается. В сочетании с гласными заднего ряда (твердыми) произносится как *ж*. Слово *нанчых* ‘небольшой кисет, мешочек, носимый на боку’ в русском языке обозначается вариантами *нанжых/нанчых*; слово *хайчы* ‘исполнитель горловым пением героических сказаний, тахпахов (*тахпах* – четырех-, восьми- или двенадцатистишная лирическая, обычно соизвещательная песня, основанная на художественном параллелизме)’ в русском языке обозначается словом *хайджи*.

Знак *й*. Слова с этим знаком в русском языке обозначаются следующими средствами: если *й* стоит в начале слова, то переходит в *у*, причем нередко следующий за ним согласный смягчается: *ўлгер* ‘созвездие Ориона’, *Ўлгер* – название хакасского национального ансамбля, в русском языке обозначается словом *ульгер*. Этот знак может обозначаться буквой *ю*, если находится в середине слова: *тўнўк* ‘дымовое отверстие юрты’ – рус. *тюнюк*, *тўўр* ‘шаманский бубен’ – рус. *тюр*.

Фонетическое освоение – приспособление БЛ к фонетическим условиям русского языка. Освоение звуков, обозначающих буквы хакасского алфавита, происходит так же, как и графическое освоение, например: хак. *хайчы* – рус. *хайджи*. Зачастую трудности возникают в следующих процессах:

Ударение. Для хакасского языка, как и для всех тюркских языков, характерно силовое ударение, при котором ударный слог произносится с большей напряженностью, а не протяжностью гласного звука, как в русском языке. Н.Ф. Катанов по этому поводу писал: «Ударение в урянхайском языке, как и в других тюркских наречиях, всегда стоит на последнем слоге и состоит не в протяженном произношении гласного, а в паузе, поставляемой после конечного слога...» [Катанов 1903: 35]. Потому в хакасском языке гласные звуки не попадают под процессы редукции: хак. [*пого*] – рус. [*паго*], хак. [*моркам*] – рус. [*маркам*], хак. [*потхы*] – рус. [*потхэ*].

Долгота гласных. В хакасском языке (в отличие, к примеру, от русского языка) долгота гласных имеет фонематическое значение, в связи с этим возникают проблемы в произношении БЛ, содержащей долгие гласные фонемы: *аал* – хак. [а:л], рус. [аал], *таар* – хак. [та:р], рус. [таар].

Грамматическое освоение – это приспособление БЛ к грамматической системе русского языка. В хакасском языке, как и в других тюркских языках, отсутствует грамматическая категория рода, присущая русскому языку. Тем не менее лексические единицы БЛ хакасского языка включаются в морфологическую систему русского языка и приобретают определенную родовую характеристику. Обычно существительные, оканчивающиеся на *о*, *е* получают в русском средний род, например: *алтын погозы айга частал турадыр, кўмўс погозы кўнгс сустал турадыр фольк.* – золотое **пого** при луне блестит, серебряное **пого** на солнце сверкает [ХРС 2006: 373]. Существительные, оканчивающиеся в хакасском языке на согласный, получают в русском языке обычно мужской род и, следовательно, изменяются в соответствии с парадигмой мужского рода: вкусный айран, семиструнный чатхан.

Вместе с вхождением в один из грамматических классов русского языка и приобретением родовых признаков некоторые хакасские лексемы получают возможность словоизменения, включаясь в разнообразные грамматические конструкции. Например: *Первые капли айрана, первые кусочки мяса были предназначены для хакасского божества Худая* [БИА 2010: 340]. Слово *айран* в данном предложении относится ко второму склонению, имеет форму мужского рода и родительного падежа.

Существительные, оканчивающиеся на *а*, *я*, приобретают категорию первого склонения в русском языке. Например: Днем и ночью идет дым из юрты во дворе Хапына – это значит, что батрачка Ату, у которой от огня постоянно красные веки, гонит **араку**. А коль начали у Хапына готовить **араку**, значит скоро будет Хапын собирать помочь, иначе зачем понадобилось бы столько **араки** [БИА 2010: 342] (арага ‘водка, молочное вино, алкогольный напиток’).

Следующим шагом освоения БЛ, вслед за обеспечением их словоизменения, является дальнейшая деривация с образованием новых слов при помощи словообразовательных аффиксов русского языка. Например:

Алтон аның сўрмезі
Аргаа толдыра чайылып парган,
Иліг чахсы сўрмезі
Иңніне чайыла тўс парган.

Шестьдесят **сюрмесов** ее
Спину полностью закрывают,
Пятьдесят хороших **сюрмесов** ее
По плечам спускаются [АХ 204].

Сўрмес – девичьи косички, которые заплетают до замужества (после замужества женщины носят две косы, называемые *тулун*). Слово *сўрмес* в хакасском языке относится к собирательным существительным. Как видно из примера перевода, для обозначения множественности слова *сюрмес* в русском языке используются средства, обозначающие категорию числа.

Некоторые лексические единицы БЛ хакасского языка, используя средства русского языка, образуют другие части речи. Например: *Алыптых нымах начинается с чатханного наигрыша с одновременным горловым припевом-возгласом «Эй-и!»* [АА 1988: 577].

Семантическое освоение. На начальном этапе семантического освоения БЛ семантика лексических единиц еще не полностью усвоена носителями русского языка. Наблюдается неопределенность и неточность границ значения. Например, *пого* трактуется в русском языке как хакасское нагрудное украшение. Для носителей хакасской культуры это не только украшение, а прежде всего оберег, символ плодородия, символ будущего семейного благополучия, который являлся принадлежностью богини Умай – покровительницы плодородия, детей и рожениц, поэтому *пого* носили исключительно замужние женщины.

Очевидно, что соотношение безэквивалентной лексики по определенным группам неравномерно, и в языке, прежде всего, преобладают лексические единицы, обозначающие реалии, наиболее распространенные в обиходе носителей языка, кроме того, количество этнокультурных лексических единиц в определенном языке напрямую зависит от количества предметов и явлений, не находящихся аналогии в культуре носителей другого языка. Обзорный анализ использования такой лексики в русском языке говорит о необходимости ее унификации и создания лексико-тематического словаря безэквивалентной лексики хакасского языка.

Сокращения

- АА — Алтын-Арыг. Хакасский героический эпос / Зап. и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – М.: Наука, 1988. – 592 с. {Alтын-Арыг. Khakass heroic epos / Recording and preparation of text, translation, introduction, notes, and commentary, appendix by V.Ye. Maynogasheva. – Moscow: Nauka, 1988. – 592 p.}
- АХ — Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В.Е. Майногашевой. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 479 с. {Khakass heroic epos: Ay-Khuuchin / Recording and preparation of text, translation, introduction, notes, and commentary, appendix by V.Ye. Maynogasheva. – Novosibirsk: Nauka. The Siberian publishing, polygraphic and bookselling enterprise of the Russian Academy of Sciences, 1997. – 479 p.}
- ХРС — Анжиганова О.П., Баскаков Н.А., Боргояков М.И., Инкижекова-Грекул И.А., Патачакова Д.Ф., Субракова О.В., Белоглазов П.Е., Каскаракова З.Е., Кызласов А.С., Сунчугашев Р.Д., Чертыкова М.Д. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с. {O.P. Anzhiganova, N.A. Baskakov, M.I. Borgoyakov, I.A. Inkizhekova-Grecul, D.F. Patachakova, O.V. Subrakova, P.Ye. Beloglazov, Z.Ye. Kaskarakova, A.S. Kyzlasov, R.D. Sunchugashev, M.D. Chertykova. Khakass-Russian dictionary = Ĥakas-oris söstik. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 1114 p.}
- БАА — Доможаков Н.Г. Ыраххы аалда. В далеком аале. Роман. На хакасском и русском языках. – Абакан: Хак. кн. изд-во, 2010. – 492 с. {N.G. Domozhakov. Irahñi aalda. = V dalëkom aale. = In the faraway aal. A novel. In Khakass and Russian. – Abakan: Khakass publishing house, 2010. – 492 p.}

Литература

- Баскаков 1975 – Баскаков Н.А. Грамматика хакасского языка. – М.: Наука, 1975. – 420 с. {N.A. Baskakov. Grammar of the Khakass language. – Moscow: Nauka, 1975. – 420 p.}
- Верещагин 1980 – Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Наука, 1980. – 320 с. {Ye.M. Vereshchagin. Linguistic and cultural theory of the word. – Moscow: Nauka, 1980. – 320 p.}
- Верещагин, Костомаров 1990 – Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Наука, 1990. – 248 с. {Ye.M. Vereshchagin, V.G. Kostomarov. Language and culture. – Moscow: Nauka, 1990. – 248 p.}
- Егодурова 2017 – Егодурова В.М. Безэквивалентная бытовая лексика в романе А.А. Бальбурова «Поющие стрелы» как отражение особенностей регионального русского языка // Вестник бу-

- рятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2017. – Вып. 1 – С. 12–20. {*V.M. Yegodurova. Non-equivalent household vocabulary in A.A. Balburow's novel «Singing Arrows» as a reflection of the peculiarities of the regional Russian language // Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture. – 2017. – No. 1 – PP. 12–20.*}
- Катанов 1903 – *Катанов Н.Ф.* Опыт исследования урянхайского языка, с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань: типо-лит. Имп. Казанск. ун-та, 1903. – [2], XLII, 1540, LX с. {*N.F. Katanov. An attempt at studying the Uriankhai language, indicating its main relations to other Turkic languages. – Kazan: Typo-lithographical board of the Kazan University, 1903. – [2], XLII, 1540, LX p.*}
- Крысин 1965 – *Крысин Л.П.* К определению терминов «заимствование» и «заимствованное слово» // Развитие лексики современного русского языка. – 1965. – С. 104–116. {*L.P. Krysin. To the definition of the terms «borrowing» and «borrowed word» // Development of the vocabulary of the modern Russian language. – 1965. – PP. 104–116.*}
- Попова, Стернин 2007 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – Воронеж: АСТ, 2007. – 315 с. {*Z.D. Popova, I.A. Sternin. Cognitive linguistics. – Voronezh: AST, 2007. – 315 p.*}
- Шайхулов 1988 – *Шайхулов А.Г.* Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона (аспекты системной характеристики). – Уфа: Изд-во БГУ, 1988. – 88 с. {*A.G. Shaikhulov. Historical and dialect vocabulary of the Turkic-speaking peoples of the Volga-Kama-Ural region (aspects of system characteristics). – Ufa: Publishing House of the Bashkir State University, 1988. – 88 p.*}
- Шумагер 1986 – *Шумагер Е.И.* Слова-этнореалии в составе лексики современного немецкого языка (на материале словарей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1986. – 28 с. {*Ye.I. Schumager. Words-ethnic elements as a part of the vocabulary of modern German language (based on dictionaries): Ph.D. diss. abstract. – Kalinin, 1986. – 28 p.*}

Problem of linguistic lacunarity in intercultural communication (the case of non-equivalent vocabulary of the Khakass language)

R.P. Abdina

Abakan

Summary: The article provides a brief analysis of the use of Khakass non-equivalent vocabulary in the Russian language. The development of such vocabulary is carried out at the graphic, phonetic, grammatical, semantic levels. To this day a clear system of designation of the non-equivalent vocabulary of the Khakass language by means of the Russian alphabet has not been developed, and therefore difficulties arise in its phonetic development. Some lexical units of such vocabulary, getting into the Russian language, adapt to its grammatical system.

Key words: non-equivalent vocabulary, Khakass, borrowings, Russian.

Raisa Petrovna Abdina – Ph.D. in philology, senior researcher of the language sector of Khakass Research Institute of Language, Literature and History, e-mail: rabdina@mail.ru.

**АРХАИЧЕСКИЕ ГРАФИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
В ПЕРВЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ ПАМЯТНИКАХ
НА ШОРСКОМ НАРЕЧИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ
«УКАЗАНИЕ ПУТИ В ЦАРСТВИЕ НЕБЕСНОЕ...»)**

А.В. Есипова, Ю.В. Норманская

г. Москва

Резюме: В статье был проанализирован отгlossированный корпус и конкорданс книги «Указание пути в Царствие Небесное...» на шорском языке, которые находятся в открытом доступе на онлайн-платформе ЛингвоДок lingvodoc.ispras.ru. Было установлено, что книга написана на мрасском диалекте шорского языка. В корпусе были выявлены систематические случаи отличия первой книги от современного языка, которые не были ранее описаны: соответствия шорский глухой в корпусе vs. звонкий согласный в нормативном языке в начале слова и отсутствие в книге «Указание пути в Царствие Небесное...» сингармонистических изменений узкого гласного второго слога после *o* первого слога. Задачей нашего исследования был анализ регулярности этих явлений, а также введение в научный оборот материалов недостаточно изученного младописьменного шорского языка, находящегося под угрозой исчезновения. В результате было установлено, что в 59% случаев во всех фонетических позициях слова с ПТю **d*- озвончаются, при этом нет ни одного надежного случая озвончения у слов с надежным ПТю **t*-. Узкий гласный *y* во втором слоге в основах с гласным первого слога *o* никогда не становится огубленным. Мы предполагаем, что в рассматриваемой книге отражено более архаическое состояние мрасского шорского с точки зрения губной гармонии. Отметим, что и в хакасском языке, более близком мрасскому шорскому, чем кондомское наречие, в такой позиции сингармонизм отсутствует, см. аудиословари на платформе lingvodoc.ispras.ru.

Ключевые слова: шорский язык, мрасский диалект, кондомский диалект, первые книги, графические особенности.

Издание православной литературы на языках народов, населявших Российскую империю и не исповедовавших православие, обусловлено проводимой в XIII–XIX вв. политикой интеграции этих народов в социокультурное пространство России. Во второй половине XIX в. на шорском языке большим тиражом было издано несколько книг, в том числе: «Священная история на шорском наречии» [История 1883], «Указание пути в Царствие Небесное на шорском наречии

Есипова Алиса Васильевна – ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, e-mail: aves7760@mail.ru.

Норманская Юлия Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая лабораторией «Лингвистические платформы» ИСП РАН, ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, e-mail: julianor@mail.ru.

[Указание 1884], а также «Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа» [Букварь 1884], включавший наряду с шорским алфавитом на кириллице и несколько кратких молитв на шорском языке.

Вероучительная книжка «Указание пути в Царствие Небесное» – переложение на шорский язык одноименной книги святителя Иннокентия Московского (Вениаминова), апостола Аляски, переведенной им на алеутский язык и другие языки народов Севера. Книга опубликована без указания автора, так как миссионеры трудились во славу Божию и для пользы дела, а не для личной славы. Считается, что издание книги на шорском наречии подготовил священник Алтайской духовной миссии Иоанн Матвеевич Штыгашев, отец Иоанн, обучавшийся в Казанской семинарии в то время, когда семинаристы принимали участие в переводах христианской литературы на языки народов России.

Отец Иоанна Штыгашева был шорцем, а мать сагайкой. Он родился и вырос в улусе Матур, который располагался на самой окраине Кузнецкого округа, Томской губернии, на границе Восточной и Западной Сибири (там, где сегодня Хакасия граничит с Горной Шорией). Туда в XIX в. переселилась часть шорцев, гонимых голодом. В то время население этого района составляли только одни инородцы – носители хакасского, шорского и алтайско-телеутского наречий. Отдельными языками эти наречия были признаны значительно позже, а тогда выделяли один язык сибирских алтайских инородцев, который для о. Иоанна был родным. Он также прекрасно владел русским языком, на котором не только говорил и писал, но и создавал свои литературные произведения. По собственному его признанию, главной целью своей жизни он считал обучение шорских детей грамоте, евангельскую проповедь в местах проживания алтайских инородцев и переводы книг религиозного содержания с алтайского языка на свое шорское наречие [Абакумова 2016].

В 1869 г. в г. Казани в университетской типографии вышла «Грамматика алтайского языка» [Грамматика 1869], в подготовке которой принимал участие Н.И. Ильминский. В ней было описано грамматическое устройство языка алтайских инородцев, включавшего алтайско-телеутское и, в меньшей степени, шорское наречие (в качестве примеров-иллюстраций к некоторым грамматическим правилам). Следовательно, фрагменты описания грамматики шорского наречия и образец описания грамматики близкородственных тюркских наречий уже существовали, когда о. Иоанн создавал свои православные тексты.

С 1868 г. в г. Казани действовала постоянная переводческая комиссия при Братстве святителя Гурия (подробнее см.: [Нуриева 2015]). В задачи комиссии входило: а) обеспечение высокого качества и соответствия религиозных текстов на татарском языке оригиналам – православным текстам на русском языке, б) создание письменности и учебной литературы для национальных школ, а также в) подготовка надежного переложения русских православных текстов на другие языки инородцев их носителями, обучавшимися в Казанской семинарии.

Книга «Указание пути в Царствие Небесное. Тегрідін чарыгынга кірчен чолды кӧдүсче» была издана Миссионерским обществом, занимавшимся публикацией христианской литературы на языках инородцев Российской империи. Издание осуществлено при участии переводческой комиссии при Братстве святителя Гу-

рия. Изложение православного текста на шорском языке основывается на выработанных этой комиссией принципах:

- печать русским шрифтом с добавлением графем, отражающих специфические звуки конкретного инородческого языка;
- использование: а) живого разговорного языка хорошего качества, понятного простым людям, в массе своей безграмотным; б) записи на слух, т. е. как слышим, так и пишем.

Последний принцип ничего общего с безграмотностью не имеет. Речь идет об отражении диалектных особенностей речи носителей языка. Это обусловлено тем, что одно время переводческой комиссией при Братстве святителя Гурия руководил Н.И. Ильминский. Он был сторонником простых, понятных инородцам переводов и предлагал переводчикам учитывать в своей работе особенности родного языка будущих читателей. Такой подход позволил сохранить для потомков живую разговорную речь и особенности произношения.

Книга «Указание пути в Царствие Небесное. Тегрідін чарыгынгга кірчең чолды кӱдӱсче» написана на кириллице, на основе графики и орфографии русского языка до орфографической реформы 1917–1918 гг., когда еще сохранялись буквы «ѣ» (ять), «Ѹ» (фита), «і» (и десятеричное) и некоторые другие.

Несколько замечаний о графике памятника.

Обозначение согласных

Следующие буквы употребляются в памятнике только в заимствованных словах: *ф*, *ц*, *Ѹ*: *фарисей* ‘фарисей’, *просфор* ‘просфора’, *Афон* ‘гора Афон’, *Ефес* ‘Послание к Ефесянам’, *церкве* ‘церковь’. Фита неоднократно встречается в сокращении *МатѸ.*, означающем ‘Евангелие от Матфея’.

В графику памятника добавлена специальная согласная буква *н* для обозначения заднеязычного носового [ŋ] (в современной шорской орфографии *н*).

Буквы *з*, *к* в тексте передают не только велярные (заднеязычные) взрывные [g], [k] (в современной орфографии *з*, *к*), но и заднеязычные (увулярные) взрывные [g], [q] (в современной орфографии *з*, *к*), а также звонкий велярный щелевой [ɣ] (в современной орфографии *з*) и звонкий увулярный щелевой [ɣ] (в современной орфографии *з*). Описание звуков дано согласно «Графике и орфографии шорского языка» [Чиспияков 1992а].

Мягкий знак *ь* используется для обозначения фонетической мягкости сонорных согласных в переднерядных словах перед следующим согласным в середине слова (*дӱльгӱчи* ‘гадатель, ворожея’) или в конце слова (*бӱнь / пӱнь* ‘сегодня’¹). Отметим, что в современной шорской орфографии, несмотря на то что некоторые согласные в переднерядных словах шорского языка могут звучать смягченно (например, конечные согласные в словах *кӱс* ‘глаз’, *кӱл* ‘озеро’, *кел-* ‘приходить’), в исконно шорских словах мягкий знак не употребляется. Такая мягкость согласного обусловлена фонетически, рядностью слова, однако лексико-фонетических противопоставлений (ср. русск. *плот* – *плоть*) в шорском языке нет [Чиспияков 1992а: 19–20].

¹ Последний пример взят из другого источника того же автора – «Священная история на шорском наречии» [История 1883].

Обозначение гласных

Только в заимствованиях употребляются буквы *ъ* ‘ять’ (в русских переводах названий глав и в слове *объдня* в шорском тексте) и восьмеричное *и*. Десятеричное *і* употребляется в русских словах в соответствии с правилами тогдашней орфографии (*Антоній Великій*) и в исконно шорских словах для обозначения шорского [i] (в современной орфографии *и*) и шорских сочетаний [jɨ], [ji] (в современной орфографии *йы, йи*), например, *іженген кіжі* (ср. совр. *иженген кижи* ‘человек’ [ШКС 1993]) ‘надеющийся человек’, *кыиш* ‘вкось’ (ср. совр. *кыйыштыра* ‘наискосок’ [ШКС 1993]), *эдеін* ‘делая’ (совр. *эдейин*).

Йотированная буква *я* содержится в русских переводах названий глав и в русских словах в шорском тексте (например, *Золотая струя де-п* «‘Золотая струя’ называемая’) или в заимствованных через русский язык (например, *проскомидія* ‘проскомидия (часть церковной службы православных христиан)'), а также в шорских словах, где отражает сочетание согласная + гласная *ја* (в современной орфографии *йа*). Таких шорских основ встречено две: а) *кыял* ‘грех’ (много форм) и его производное *кыялыг* ‘грешный’. Слова с корнем *кыял* встречаются в тексте книги 54 раза; б) *чаяна-* ‘отпевать’ (от *чаян* ‘гроб’) употреблено в тексте всего один раз. Еще в одном слове с сочетанием *ја* – послелого *сайа* – в памятнике, как и в современной орфографии, пишется сочетание *йа*.

Буква *ю* для обозначения *йу*, как и само это буквосочетание, в данном источнике нам не встретились.

Буква *э*, как и в современной орфографии, используется в памятнике «для абсолютного начала слова во избежание йотирования по аналогии с русской буквой ‘е’ [йэ]. Во всех остальных случаях пишется *е* (середина и конец слова)» [Чиспиков 1992а: 12–13]. Ср. в памятнике, например, *эт-* ‘делать’, *эдок* ‘тоже’, ‘также’, *эрліг* ‘замужняя’, *эді-тыны* ‘тело и душа’, *эді-каны* ‘плоть и кровь’ и *шени* ‘словно’, *күреш-* ‘бороться’, *чүрек* ‘сердце’, *керек* ‘нужно’, *берерге* ‘давать’, *честек* ‘ягода’, ‘плод’. Но иногда это правило нарушается и в инициальной позиции появляется буква *е*, например, *ебезе* ‘или’ наряду с *эбезе* и др.

Для отображения специфических гласных шорского языка – переднерядных огубленных – используются соответствующие буквы русского алфавита с двумя точками: *ö, ü*, например *кös* ‘глаз’ (совр. *кös*), *чүрек* ‘сердце’ (совр. *чүрек*).

Кратко остановимся на принадлежности текста к кондомскому и мрасскому диалектам с точки зрения диалектно-дифференцирующих признаков. Как известно, в основе литературного языка лежит мрасское шорское наречие. Как отмечается в «Грамматике шорского языка» [Дыренкова 1941], основными отличиями между шорскими диалектами являются соответствия мрасс. *с, з* – конд. *й*, в не первых слогах мрасс. *а* – конд. *ы*, мрасс. *у* – конд. *о*, различия между стяженными формами причастия на *-чаткан* (ср. мрасс. *турчаган* – кондомское *турчыган/турчын* ‘стоящий’), формами 1-го лица мн. ч. прошедшего времени (мрасс. *пардыбыс* – конд. *пардыс* ‘мы ушли’). В [Дыренкова 1941] указано, что губная гармония более характерна для мрасского диалекта, а в кондомском она часто нарушается.

Для анализа текста А.В. Есиповой был сделан глоссированный корпус книги, который доступен онлайн (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/2569/16/perspective/2569/19/view>), и конкорданс (<http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4702/70/perspective/>

4702/71/view), что позволяет проверить наши выводы на полном материале любому исследователю.

С точки зрения первого наиболее важного признака мрасс. *с, з* – конд. *й*, диалект памятника является мрасским, ср. *казыр* ‘грозный’ см. [VEWT: 218], *чыстыг* ‘запах имеющий’ [VEWT: 199]. Если говорить об употреблении *а* или *ы* во втором слоге, то в памятнике чаще, чем в литературном языке встречаются «а-образные рефлексy» ср. *парчан* – лит. *парчын* ‘весь, все’, что, скорее, свидетельствует о его принадлежности к мрасскому диалекту; употребление *о* вместо *у* в памятнике не отмечено, но есть многочисленные, даже системные случаи употребления *ы* вместо *у*, которые будут рассмотрены ниже во II части статьи, и они свидетельствуют о том, что в рассматриваемой книге губная гармония была представлена в меньшей степени, чем в современном мрасском диалекте, что, вероятно, отражает архаическую ситуацию, которая представлена и в хакасских диалектах (см. хакасские аудиословари на lingvodoc.ispras.ru), с которыми мрасский шорский составляет более близкое генетическое единство, чем с кондомским, см. подробнее [Дыбо и др. 2020], а губная гармония, представленная в современном литературном языке, имеет инновационный характер. Формы на *-чаткан* в тексте употребляются как в нестяженном (*-чаткан*), так и в стяженном (*-чыган, -чан*) виде [Есипова 2018: 44–45], ср. *пажыр-чаткан* ‘молившийся, молящийся’, но *шым-чыган* ‘затихнувший, молчащий’, *кыйнал-чан* ‘варящийся’, глаголы в 1-м лице мн. ч. прошедшего времени в тексте не представлены.

В рассматриваемом тексте можно отметить еще ряд особенностей, которые считаются характерными скорее для верхне-кондомских и верхне-мрасских говоров, например, употребление аффиксов *Асс, Gen* на *-д-* в позиции после гласных, в то время как в литературном языке в такой позиции суффиксы начинаются на *-н-*, ср. *копчы-дын* – лит. *қопчы-ның* ‘клеветник-Gen’, *оргы-дын* – лит. *оргы-ның* ‘кража-Gen’, *чакишы-ды* – лит. *чакишы-ны* ‘добро-Асс’. Эта особенность присутствует также и в матурском говоре хакасского языка (поличному сообщению А.В. Дыбо, которая там неоднократно бывала в экспедициях), который находится на шорском мрасском субстрате. Таким образом, матурские хакасские говоры подтверждают особенности, зафиксированные в первой книге на мрасском шорском. Показателем настоящего времени в книге является *-чар-*, реже *-ча-*, а в литературном языке, основанном на мрасском диалекте, – *-ча-*, ср. *арыглат чар-лар* – лит. *арыглат-ча-лар* ‘очищать-Praes-Pl’. Эта черта также присутствует в хакасском литературном языке, ср. лит. *полысча* ‘помогает’, в то время как еще в 1893 г. в хакасской книге «Беседы готовящимся к крещению об истинном Боге и истинной вере на наречии абаканских инородцев» употребляется форма с аффиксом *-чар-*, ср. *полысчары* ‘помогает’, см. подробнее: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3148/26875/perspective/3148/26878/view>.

Таким образом, рассматриваемая книга является памятником истории мрасского шорского и весьма точно отражает те особенности, которые были в нем 150 лет назад. Еще раз отметим, что большинство из них свойственны и говорам хакасского языка: отсутствие губной гармонии гласных второго слога после *о* в первом слоге, *Асс, Gen* на *-д-* в позиции после гласных, показатель настоящего времени *-чар-*. В целом, несмотря на отмеченные выше различия, текст весьма близок к литературному, но при знакомстве с ним в глаза бросаются частотные особенности, которые отличают язык автора от современного нормативного

шорского языка. В том числе это и случаи соответствия шорскому глухому в нормативном языке звонкого согласного в начале слова в книге «Указание пути в Царствие Небесное на шорском наречии» и, как было сказано выше, отсутствие губного сингармонизма после *o* первого слога. Задачей нашего исследования был анализ регулярности этих явлений, а также введение в научный оборот материалов недостаточно изученного младописьменного шорского языка, находящегося под угрозой исчезновения. Ниже в I части статьи будут рассмотрены особенности употребления согласных, во II части – сингармонизм гласных второго слога.

Часть I. Появление в тексте звонких согласных в соответствии с литературными глухими

I. Как свидетельствуют наши материалы, во многих случаях озвончение глухого согласного в анлауте слова происходит после конечного гласного предыдущего слова:

- (1) «⟨...⟩, чүрег-і де-зе Каан Кудай-дан рап чар-ы».

⟨...⟩, сердце-3Pos а Господь Бог-Abl удаляться-NF Praes-3Sg
‘⟨...⟩, а сердце свое от Господа Бога удаляет’.
- (2) ⟨...⟩ дөльгүчү кіже-е ажындыра біл-ер-і-нга ⟨...⟩.

⟨...⟩ гадатель человек-Dat наперед знать-Fut-3Pos-Dat ⟨...⟩.
‘⟨...⟩, гадателю-человеку сверх известного ⟨доверять не нужно⟩’.
- (3) кайзы брезі-нен кубул-уп ⟨...⟩.

который один из многих-Abl изменяться-Conv1 ⟨...⟩.
‘которые, изменяясь, ⟨из сердец своих бесов своих выгоняют⟩’.
- (4) Кудайдын Поз-ы бер-ген малитва-зы-нда: ⟨...⟩.

Господь-Gen Сам-3Pos дать-Past молитва-3Pos-Loc: ⟨...⟩.
‘В молитве, (которую) дал Господь Сам: ⟨...⟩’.

Примеры озвончения инициального глухого согласного слова после конечного гласного предшествующего слова объединены нами в Таблице 1. В ней и в других таблицах показаны закономерности соответствия глухому согласному в анлауте слова в современном шорском языке звонкого согласного в языке книги «Указание пути в Царствие Небесное на шорском наречии. Тегрідін чарыгынга кірчен чолды көдүсче». В них представлены конкретные примеры из памятника (курсив) и их эквиваленты в современном шорском языке (не курсив) и указано количество выявленных примеров. В отдельных графах дается перевод лексем, подвергающихся в языке памятника озвончению, а также их формы в пратюркском языке. Эти формы были взяты из «Этимологического словаря алтайского языка» [EDAL]. В анализируемом памятнике присутствует небольшая группа таких слов, однако некоторые из них широко употребляются в шорском языке.

В таблицы включены не только все основы, которые в нормативном шорском языке никогда не озвончаются, но и те, у которых озвончение начальных глухих согласных происходит позиционно. Это послелог *пыла*, который выражает совместность, взаимность, орудийность и имеет значение ‘с’, ‘вместе с’; ‘и’; ‘и, и’, а также частица *та* ‘тоже’, ‘даже’, ‘хотя’, ‘и’.

Таблица 1. Озвончение начальных глухих согласных после конечного гласного

№	Словоформа «Указание...» / лит.	Значение	Пратюрк
	Начало б / п		
1–2.	айдын-ала баз-ок / айдын-ала паз-оқ	‘снова’	*bAsa
3.	кат-ы бала-лар-ы-н / қат-ты пала-лар-ы-н	‘дитя’	*bāla
4.	сана-за беде / сана-за педе	‘так’	*bEd-le
5.	ікінші глава-да беде / ийгинчи глава-да педе	‘так’	*bEd-le
6.	міңі-і-нде беде / миңиг-и-нде педе	‘так’	*bEd-le
7.	Поз-ы бер-ген / Поз-ы пер-ген	‘дать’	*bēr-
8.	ра-а бер-ген / ыра-а пер-ген	‘дать’	*bēr-
9.	по беріг / по периг	‘дар’	*bēr-
10.	ажындыра біл-ер-і-нга / ажындыра пил-ер-и-нге	‘знать’	*bil-
11.	Ангел-ы білдір-ген / Ангел-ы пилдир-ген	‘знать’	*bil-
12.	қайзы брезі-нег / қайзы пирези-нең	‘один (из многих)’	*bir (*bīr)
13.	ндыг пол-ган-да біс / андыг пол-ган-да пис	‘мы’	*bi-ı
14.	сағыш-ка қал-ар-ы біс-тің / сағыш-қа қал-ар-ы пис-тиң	‘наш (мы)’	*bi-ı
	Начало б / б		
15–16.	Айт-қан-ы-была / айт-қан-ы-ба	‘по’	*bilä (bir+lä)
17.	Аба-іче-зі-біле / Аба-иче-зи-бе	‘с’	*bilä
18.	айна-была / айна-ба	‘с’	*bilä
19.	айдын-ар-ы-была / айдын-ар-ы-ба	‘и’	*bilä
20.	кіжі-зі-біле / кижзи-зи-бе	‘с’	*bilä
21.	арагы-была / арагы-ба	‘и’	*bilä
22–23.	кіжі-біле / кижзи-бе	‘и’	*bilä
24–28.	шын-ы-была / шын-ы-ба	‘по, с’	*bilä
29.	чакшы-зы-была / чақшы-зы-ба	Instr	*bilä
30.	пажыр-га-нар-ы-была / пажыр-ган-нар-ы-ба	Instr	*bilä
31.	чаж-ы-была / чаж-ы-ба	‘со’	*bilä
	Начало д / т		
32.	Золотая струя де-п / Золотая струя те-п	‘говорить’	*dē-
33.	Позарак-была де-ген / Позарак-па те-ген	‘говорить’	*dē-
34.	но-даа де-п / ноо да те-п	‘говорить’	*dē-
35.	Қудай-дың Оол-ар-ы де-п / Қудай-дың Оол-ар-ы те-п	‘говорить’	*dē-
36.	тазыл-ы де-п / тазыл-ы те-п	‘говорить’	*dē-
37.	ташта де-п чар-быс / ташта те-п-ча-быс	‘говорить’	*dē-
38.	чі-бе де-ен / чи-бе те-ген	‘говорить’	*dē-
39.	чүрег-і десе / чүрег-и тезе	‘ибо, а’	*dē-
40.	өл-ген-де десе / өл-ген-де тезе	‘ибо, а’	*dē-
41.	айна десе / айна тезе	‘ибо, а’	*dē-
42.	кіжі-ді десе / кижзи-ни тезе	‘ибо, а’	*dē-
43.	кіжі-лер-ді десе / кижзи-лер-ди тезе	‘ибо, а’	*dē-
44.	арій-даа дег-ер-ге керек чок / арій да тег-ер-ге керек чоқ	‘трогать, касаться’	*deg-

45.	<i>орнынга дегребе-е / орнынга тегребиге</i>	‘церковь’	*teŋri+*eb
46.	<i>лар-ды дегребі-де / ылар-ды тегребі-де</i>	‘церковь’	*teŋri+*eb
47.	<i>јр-ген-и-нге денге-п / јр-ген-и-нге теңне-п</i>	‘уподобляться’	*deŋ
48.	<i>адай-га дөй / адай-га төй</i>	‘подобный’	*deg
49.	<i>лар-га дөй / лар-га төй</i>	‘подобный’	*deg
50.	<i>мен-і дыы-т-ар / мен-и тыыт-т-аар</i>	‘укрепить’	*diŋ
	Начало <i>д / д</i>		
51–57.	<i>но-даа / ноо-да</i>	‘даже, хотя, и’	*d(i)aki
58.	<i>но была-даа / ноо-ба-да</i>	‘даже, хотя, и’	*d(i)aki
59–60.	<i>но-даа / по-да</i>	‘даже, хотя, и’	*d(i)aki
61.	<i>дегребі-де / тегребі-де</i>	‘даже, хотя, и’	*d(i)aki
62.	<i>Кудай-га-даа / Кудай-га-да</i>	‘даже, хотя, и’	*d(i)aki
63.	<i>кіжі-лер-ге-даа / кижі-лер-ге-де</i>	‘даже, хотя, и’	*d(i)aki
64.	<i>слер-ді-даа / силер-ди-де</i>	‘даже, хотя, и’	*d(i)aki

Примечание 1. Если один и тот же пример повторяется в тексте несколько раз, то в таблице он приводится всего один раз, а в графе «Номер по порядку» указывается количество примеров в тексте. Например, цифры 1–2 означают, что таких примеров два, а цифры 24–28 – что таких примеров пять.

Примечание 2. В нашей выборке нет примеров на озвончение инициальных *к, қ* в данной позиции.

Примечание 3. В наших материалах есть 20 примеров, когда приведенные в Таблице 1 корни в этой же позиции не озвончаются. К ним относятся: *паза* (1), *пер-* (4), *піл-* (1), *піс* (5), *пол-* (9). В скобках приводится количество словоупотреблений.

Примечание 4. В наших материалах имеется 130 примеров, когда в позиции после конечного гласного предшествующей основы производные от других корней не озвончаются. Например: *но-да пайрам-нар-ды* ‘что-Add праздник-Pl-Acc’; *эт-кен-ер-і пар-даа* ‘делать-Past-Pl-3Pos иметься-Add’; *оразы-лар-ды нек* ‘пост-Pl-Acc строго’; *кіже-е тарын-ып* ‘человек-Dat сердиться-Conv1’; *оразы тут-кан-ы* ‘пост держать-Past-3Pos’; *паат-ка түжүр-чен* ‘ад-Dat попасть-Nab’.

Примечание 5. Все корни с *п-* и *т-* в анлауте, как озвончающиеся, так и не озвончающиеся, в языке книги «Указание пути в Царствие Небесное на шорском наречии», а также монгольские заимствования с начальными согласными *к* и *с* даны в Таблице 6.

II. Озвончение глухого согласного в анлауте слова происходит и после конечного сонорного согласного предыдущего слова. Например:

- (5) *Кіжі* ⟨...⟩ *Кудай-га көблен-чен* *біл-бен-че*, ⟨...⟩
 человек ⟨...⟩ Бог-Dat любить-Dur.Past знать-Neg.Conv-Lim,
 ‘Человек ⟨...⟩ пока к Богу любовь не познает, ⟨...⟩’.
- (6) *Ол* *біс-ке пер-ер*, ⟨...⟩.
 он мы-Dat дать-Fut, ⟨...⟩.
 ‘Он (Бог) нам даст, ⟨...⟩’.
- (7) *Кыял-ар-ым-была* ⟨...⟩ *ачыглан-дыр-д-ым* ⟨...⟩.
 грех-Pl-1Pos-Instr ⟨...⟩ скорбеть-Dur-R.Past-1Sg ⟨...⟩.
 ‘⟨...⟩ своими грехами я заставлял скорбеть ⟨...⟩’.

- (8) <ip> карындаш-ка Кудай-дын Ангел-ы билдир-ген бол-гон.
 (один) брат-Dat Бог-Gen Ангел-3Pos дать знать-Past быть-Past
 ‘(одному) брату Божий Ангел дал знать’.

Все примеры озвончения инициального глухого согласного слова после предшествующего сонорного согласного, а также после звонкого велярного щелевого согласного *ɣ* приведены нами в Таблице 2.

Как показано в таблице, озвончение инициального глухого согласного происходит после всех сонорных согласных в ауслауте предыдущего слова, а также после звонкого велярного щелевого согласного *ɣ*.

Таблица 2. Озвончение начальных глухих согласных после конечного сонорного согласного и после звонкого велярного щелевого согласного *ɣ*

№	Словоформа «Указание...» / лит.	Значение	Пратюрк
	<i>После сонорного согласного</i>		
	<i>Начало б / п</i>		
1.	<i>Апостол беде / Апостол педе</i>	‘ли, ведь, так’	*bEd-le
2–3.	<i>Кудай беде / Кудай педе</i>	‘ли, ведь, так’	*bEd-le
4.	<i>күн-зай беде / күн сай педе</i>	‘ли, ведь, так’	*bEd-le
5.	<i>ол беде айт-кан / ол педе айт-қан</i>	‘ли, ведь, так’	*bEd-le
6.	<i>Кудай-дын ед-і-кан-ы-н бер-ер-ге / Кудай-дың эд-и-қан-ы-н пер-ер-ге</i>	‘давать’	*bēr-
7.	<i>көблен-чең біл-бен-че / көблен-чең пил-беен-че</i>	‘знать’	*bil-
8.	<i>Кудай билдир-ген / Кудай пилдир-ген</i>	‘знать’	*bil-
9.	<i>өкүс-тер-біле / өкүс-тер-бе</i>	‘вместе, с, и’	*bilä
10.	<i>зай біс-тиң / сай пис-тиң</i>	‘мы’	*bi-ı
11.	<i>кыял біс-тиң / қыйал пис-тиң</i>	‘мы’	*bi-ı
12.	<i>Ол біс-ке / Ол пис-ке</i>	‘мы’	*bi-ı
13.	<i>билдир-ген бол-гон / пилдир-ген пол-ган</i>	‘быть’	*bōl-
	<i>Начало б / м</i>		
14.	<i>аба-іче-н-біле / аба-іче-ң-ме</i>	‘вместе, с, и’	*bilä (bir+lä)
15.	<i>аның-была / аның-ма</i>	‘вместе, с, и’	*bilä
16.	<i>қан-была / қан-ма</i>	‘вместе, с, и’	*bilä
17.	<i>кіжі-ң-была / кижі-ң-ма</i>	‘вместе, с, и’	*bilä
18.	<i>Кыял-ар-ым-была / Қыйал-лар-ым-ма</i>	‘вместе, с, и’	*bilä
	<i>Начало д / т</i>		
19.	<i>Де-ген-ең де-ген / Те-ген-нең те-ген</i>	‘говорить’	*dē-
20.	<i>чөр-д-аар де-ер / чөр-д-аар те-ер</i>	‘говорить’	*dē-
21.	<i>Афон де-н / Афон те-н</i>	‘говорить’	*dē-
22.	<i>чабал-бын де-н / чабал-бын те-н</i>	‘говорить’	*dē-
23.	<i>кыялыг-бын де-н / қыйаллыг-бын те-н</i>	‘говорить’	*dē-
24.	<i>эт-пес-ім де-н / эт-пес-сүм те-н</i>	‘говорить’	*dē-
25.	<i>эт-пол-бас-ар де-н / эт-пол-бас-саар те-н</i>	‘говорить’	*dē-
26.	<i>чақшы эд-еін де-еле / чақшы эд-ейин те-еле</i>	‘говорить’	*dē-
27.	<i>чөр-аар де-н / чөр-аар те-н</i>	‘говорить’	*dē-
28.	<i>ачыгландыр-д-ым де-н / ачыгландыр-д-ым те-н</i>	‘говорить’	*dē-

29.	<i>польши-сың де-п / польши-сың те-п</i>	‘говорить’	* <i>dē-</i>
30–31.	<i>лар дезе / ылар тезе</i>	‘ибо’	* <i>dē-</i>
32.	<i>миң дезе / меең тезе</i>	‘ибо’	* <i>dē-</i>
33.	<i>сал-ган дем-ни / сал-ган тем-ни</i>	‘время’	* <i>dēm</i>
34.	<i>өл-ер деб-и-нге / өл-ер теб-и-нге</i>	‘срок’	* <i>teb</i>
35.	<i>кыял-дың длаз-ы-н қыял-дың тилез-и-н</i>	‘новость’	* <i>dil + *Agiř</i>
36.	<i>коштаа-лар-ы-н дүб-и / қоштаа-лар-ы-н түб-и</i>	‘бездна’	* <i>dūp</i>
	Начало <i>ð / ð</i>		
37.	<i>анаң-даа / анаң-да</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
38–39.	<i>арій-даа / арий-да</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
40.	<i>астаң-даа / астаң-да</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
41–46.	<i>качан-даа / қачан-да</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
47.	<i>Мең-даа / Мең-да</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
48–49.	<i>ол-даа / ол-да</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
50.	<i>өлген-даа / өлген-де</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
51.	<i>нар-даа / нар-да</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
52–53.	<i>пір-даа / пир-де</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>
	После звонкого велярного щелевого <i>g</i>		
	Начало <i>ð / t</i>		
54.	<i>аг-арыг дегребі-дінг / аг-арыг тегребі-ниң</i>	‘церковь’	* <i>teŋri+*eb</i>
	Начало <i>ð / ð</i>		
55.	<i>пралыг-даа / пралыг-да</i>	‘даже, хотя, и’	* <i>d(i)aki</i>

Примечание 1. В нашей выборке нет примеров на озвончение инициальных *к, қ* в этой позиции.

Примечание 2. Регулярному озвончению подвергаются частица *та/таа* ‘даже’, ‘хотя’, ‘и’, ‘также’ и послелог-аффикс *пыла* ‘вместе’, ‘с’, ‘и’, ‘и, и’. Причем начальный глухой согласный послелога-аффикса *пыла* в нормативном шорском языке изменяется согласно правилам сандхи для клитик и после конечных сонорных *м, н* и *ң* изменяется на *м*, а после основ на *р* и гласных – на *б*. В нашем источнике варианты на *м* послелога-аффикса *пыла* отсутствуют.

Примечание 3. В нашей выборке содержится 24 примера озвончающихся корней, которые в этой же позиции не озвончаются. Это корни *пала* (1), *пер-* (3), *піл-* (1), *піс* (3), *пол-* (14).

Примечание 4. В наших материалах имеется 79 примеров, когда в позиции после конечного сонорного согласного предшествующей основы производные от других корней не озвончаются. Например: *пос-тар-ы-ның пала-лар-ы-н* ‘сам-Pl-3Pos-Gen ребенок-Pl-3Pos-Acc’; *кыял-ар-по* ‘грех-Pl этот’; *кыял-ар-ы-наң пож-ып чар* ‘грех-Pl-3Pos-AbI освободить-NF Praes’; *закон-ар-дың пүд-ер-і* ‘закон-Pl-Gen создавать-Fut-3Pos’; *чабал-дың тазыл-ы* ‘плохой-Gen корень-3Pos’; *агрыг-лар түжүр-чар* ‘болезнь-Pl впадать-Praes’; *тын-ар тут-ур-ып чат-кан* ‘душа-Pl удерживать-Dur-NF Dur-Past’; *чабал тіл-іг* ‘плохой язык-Attr²’; *үжүң туружа-ачы-біс* ‘за заступаться-Part.Ag-1Pos.Pl’ и др.

² Как отдельная морфема аффикс *-лыг* выделяется нами только тогда, когда он имеет свое прямое значение «имеющий» (подробнее см.: [Есипова 2011: 36–39]).

В нашей выборке есть два примера на озвончение начального глухого согласного после звонкого велярного щелевого *z*:

- (9) <...> *кіжі аг-арыг дегребі-дін үргет-чат-кан-ы-н* <...>
 человек святой церковь-Gen учить-Dur-Past-3Pos-Acc
 <...> *шебер туд-уп,* <...>
 бережно держать-Conj1,
 ‘<...> человек Святой Церкви учение <...> бережно сохранив, <...>’.

- (10) *Апостол айт-кан: пралыг-да пол-за-н,* <...>.
 апостол говорить-Past: виноватый-Add быть-Cond-2Pos.Sg, <...>.
 ‘Апостол сказал: «Если ты даже виноват, <...>’.

Основы со звонким велярным щелевым согласным *z* в ауслауте, как правило, не влияют на качество последующего глухого согласного. Например: *улуг пол-ор* ‘великий быть-Fut’; *от-ыг наа-та* ‘огонь-Attr топь-Loc’; *коргыштыг праа-лар-ды* ‘страшный вина-Pl-Acc’; *чажытыг табаг-ы-н* ‘тайный пища-3Pos-Acc’; *кыялыг тын-ар* ‘грешный душа-Pl’. Таких примеров 34, и они включены в таблицу ниже.

Таблица 3. Примеры неозвончения начальных глухих согласных после звонкого велярного щелевого согласного *z*

№	Словоформа «Указание...» / лит.	Значение
1.	<i>агрыг кіжі-лер-ге</i>	‘человек’
2.	<i>ндыг кіжі</i>	‘человек’
3.	<i>кыялыг кіжі</i>	‘человек’
4.	<i>улуг кӧӧлен-ип</i>	‘любить’
5.	<i>Аг-арыг Кудай-дын</i>	‘Бог, Господь’
6.	<i>чажытыг кыял-ар-ы-н</i>	‘грех’
7.	<i>ӧлүмныг кыял</i>	‘грех’
8–11.	<i>отыг наат-ыг (наат-ка, наат-ты, наат-та)</i>	‘топь; ад’
12.	<i>Аг-арыг Петр Апостол</i>	‘Петр (имя собств.)’
13–16.	<i>ндыг пол-ган-да (пол-чан)</i>	‘быть’
17.	<i>улуг пол-ор</i>	‘быть’
18.	<i>шайгак сагыш-тыг пол-чар-лар</i>	‘быть’
19.	<i>коргыштыг пол-чар-ы</i>	‘быть’
20–22.	<i>праалыг пол-ар (пол-ар-быс, пол-бас-ар)</i>	‘быть’
23.	<i>күреш-чат-кан-дыг пол-ып</i>	‘быть’
24.	<i>јиш пос-тыг Кудай-дын</i>	‘тело; ипостась’
25.	<i>коргыштыг праа-лар-ды</i>	‘вина’
26–29.	<i>чажытыг табак (табаг-ы-н)</i>	‘еда, пища; св. дары’
30.	<i>улуг туза-лыг</i>	‘польза’
31.	<i>Агарыг Тын-нын</i>	‘(Св.) Дух’
32–33.	<i>кыялыг тын-га (тын-нар)</i>	‘душа’
34.	<i>бериг тын</i>	‘очень, сильно’

Примечание 1. В скобках указаны словоформы, с которыми сочетаются основы с конечным *z* в данных словосочетаниях.

Примечание 2. Примеры на озвончение инициальных *k, q* в этой позиции отсутствуют.

Примечание 3. Как показано в Таблице 3, в анализируемом источнике имеется 13 основ, инициальные глухие согласные которых не озвончаются после звонкого веллярного щелевого согласного *g*. Это – *кіжі* (3), *кӱӱлен-* (1), *Кудай* (1), *кыял* (2), *паат* (4), *Петр* (1), *пол-* (6), *пос* (1), *праа* (1), *табак* (4), *туза* (1), *тын* (3) и *тыг* (1). В скобках дано количество словоупотреблений.

Очевидно, что, хотя основы с глухим инициальным согласным после звонкого веллярного щелевого согласного *g* озвончаются редко (2 случая) в анализируемом источнике, встречаются такие основы часто (36 случаев). Это обусловлено высокой продуктивностью словообразовательного аффикса *-лыг* [Есипова 2008а, 2008б], производные которого нередко стоят перед основами с начальным глухим согласным.

III. Интересны случаи озвончения глухих начальных согласных после предшествующих глухих согласных в ауслaute впереди стоящего слова. Например:

- (11) <...> *Кудай-га кан-ы чок беріг четір-чен*; <...>
 <...> Бог-Dat кровь-3Pos без жертва приносить-Наб <...>
 ‘<...> Богу бескровная жертва приносится; <...>’.
- (12) «*кайд-ын бис алым-нар-ыбис-ті пожыт-чар-быс*, <...>».
 «как будет-Convl мы долг-Pl-1Pos.Pl-Асс отпустить-Praes-1.pl.br»
 ‘«как мы долги наши отпускаем <...>»’.
- (13) *эде пажыр-за-быс пістін керег-ібіс дабрак-таа*, <...> *эділер*.
 так молиться-Cond-1.pl.br наш дело-1Pos.Pl быстро-Add совершаться-Fut
 ‘<...> так помолимся если мы, наше дело быстро и ... совершится’.
- (14) <...> *ачы-га түй-се сӱз-і-біле тогыш-біле полуж-ар* <...>
 скорбь-Dat падать-Cond слово-3Pos-Instr дело-Instr помогать-Fut.
 ‘<...> в скорбь впадет если, словом своим, и делом поможет себе’.

В приведенных фразах озвончение инициального согласного слова происходит после конечных глухих согласных *к, п, с, ш* предшествующего слова.

Все примеры озвончения глухого согласного в начале слова после глухого согласного в конце предыдущего слова приведены в таблице ниже.

Таблица 4. Озвончение начальных глухих согласных после конечного глухого согласного

№	Словоформа «Указание...» / лит.	Значение	Пратюрк
	Начало <i>б / п</i>		
1.	<i>пош бер-бен / пош пер-беен</i>	‘давать’	* <i>bēr-</i>
2.	<i>каны чок бериг / қаны чок периг</i>	‘жертва’	* <i>bēr-</i>
3.	<i>кайд-ын бис / қайд-ын пис</i>	‘мы’	* <i>bi-ř</i>
4-5.	<i>позарак-была / позарак-па</i>	‘вместе, с, и’	* <i>bilä (bir+lä)</i>
6.	<i>саас-была / саас-па</i>	Instr	* <i>bilä</i>
7.	<i>тогыш-біле / тогыш-па</i>	Instr	* <i>bilä</i>
8.	<i>Христос-была / Христос-па</i>	Instr	* <i>bilä</i>
9.	<i>чабал сагыш-была / чабал сагыш-па</i>	Instr	* <i>bilä</i>

10–11.	<i>чамаи-была / чамаи-на</i>	Instr	*bilā
12.	<i>чүрег-ибис-биле / чүрег-ибис-не</i>	‘вместе, с, и’	*bilā (bir+lā)
	Начало <i>д/т</i>		
13.	<i>керег-ибис дабрактаа / кере-гибис табрак-та</i>	‘быстро’	*da:bra
14.	<i>бис дезе / пис тезе</i>	‘ибо’	*dē-
15.	<i>аргалан-ар-бис де-н, / аргалан-ар-бис те-н,</i>	‘ибо’	*dē-
16.	<i>пожа-р-быс де-н, / пожа-р-быс те-н,</i>	‘ибо’	*dē-
17.	<i>ташта-бас де-н, / ташта-бас те-н,</i>	‘ибо’	*dē-
18.	<i>чөр-үн дыыд-ып / чөр-ип тыыд-ып</i>	‘укрепить’	*diŋ

Примечание 1. В тексте книги отсутствуют примеры на озвончение инициальных *к, қ* в этой позиции.

Примечание 2. В нашей выборке есть 15 примеров, когда в такой же позиции производные от тех же корней не озвончаются. Это корни *пала* (1), *пер-* (2), *пис* (3), *пол-* (6), *пыла* (1) и *таа* (2). Например: *үле-н пер-зін* ‘уделить-NF дать-Impr.3Sg’; *пажыр-за-быс пістин* ‘молиться-Cond-1.pl.br наш’; *чажытыг табак пис-ми* ‘тайный пища мы-Асс’; *көбік піле* ‘пена-Instr’.

Примечание 3. В наших материалах имеется 31 пример, когда в такой же позиции производные от других корней не озвончаются. Например: *сөс пар* ‘слово иметь’; *тур-ун пажыр-чат-кан* ‘стоять-Conv1 молиться-Dur-Past’; *бис позы-бис-тынг* ‘мы сам-1Pos.Pl-Gen’; *табак-таа* ‘пища-Add’; *кыс пала-ды* ‘девочка ребенок-Асс’; *өл-бес курт-ка* ‘умирать-Neg.Fut червь-Dat’; *пис-таа* ‘мы-Add’; *де-н таг-да* ‘говорить-Conv1 гора-Loc’.

IV. После паузы тоже происходит озвончение глухого согласного в анлауте некоторых слов. Например:

- (15) (...), чүрег-и <...> Каан Кудай-дан ра-н чар-ы,
 <...>, сердце-3Pos ... Господь Бог-Abl удаляться-NF Praes-Pred
 де-ен. (Перем. 17. 5).
 говорить-Past.
 ‘<...>, сердце свое от Господа Бога удаляет, – сказал’.
- (16) <керек.> Дегребі-нінг үргедечи-лер-і-нінг сөс-тер-і-н
 Церковь-Gen учитель-Pl-3Pos-Gen слово-PL-3Pos-Асс
 уг-ар керек, <...>
 слушать-Fut нужно.
 ‘Церкви учителей слова слушать нужно, <...>.’
- (17) (...) пажазы пашка небе сура-н пажыр-ар; бис де-зе <...>
 <...> другой иной вещь просить-Conv1 молиться-Fut; мы же
 ‘<...> другой другое прося, молиться будет; мы же <...>.’
- (18) «<...> слер-ді качыр-ган-ы, Мен-і качыр-ган-дыз» де-ен.
 «<...> вы-Асс гнать-Past-3Pos Я-Асс гнать-Past-Comp» говорить-Past.
 ‘«<...> вас гонящий, Меня (Господа) гонящий-словно», сказал’.

В данном примере какой-либо знак препинания в тексте отсутствует, однако здесь кавычками выделена прямая речь, после которой всегда наблюдается пауза.

Все примеры озвончения глухого согласного в начале слова после паузы представлены в Таблице 5.

Таблица 5. Озвончение начальных глухих согласных после паузы

№	Словоформа «Указание...» / лит.	Значение	Пратюрк
	Начало б/п		
1.	<i>ачыглан-ып, база / ачыглан-ып, паза</i>	‘снова’	*baz
2.	<i>каднап кел-чар; база / қаднап кел-ча; паза</i>	‘еще, снова’	*baz
3.	<i>керек; база / керек; паза</i>	‘еще, снова’	*baz
4.	<i>пулга-ан-ы, база / пулга-ган-ы, паза</i>	‘еще, снова’	*baz
5.	<i>айдын-чар-быс; беде / айдын-ча-быс; педде</i>	‘так’	*bEd-le
6.	<i>сурап-чар-быс: беде / сурап-ча-быс: педде</i>	‘так’	*bEd-le
7.	<i>ал-ар-быс. Біс / ал-ар-быс. Пис</i>	‘мы’	*bi-ı
8.	<i>сагыш. Біс / сагыш. Пис</i>	‘мы’	*bi-ı
9.	<i>сана-р-ы. Біс / сана-р-ы. Пис</i>	‘мы’	*bi-ı
	Начало д/т		
10.	<i>керек. Дегребі-ниң / керек. Тегреби-ниң</i>	‘церковь’	*teŋri+*eb
11.	<i>чарабас, дегребі / чарабас, тегреби</i>	‘церковь’	*teŋri+*eb
12.	<i>аргазтан-ар-ы, деб-і-нен ажыра / аргастан-ар-ы, теб-и-нең ажыра</i>	‘срок’	*dep
13.	<i>агыл сагыштыг-бын, де-ен / агыл сагыштыг-бын, те-ген</i>	‘говорить’	*dē-
14.	<i>аргала-п чар, де-ен / аргала-п ча, те-ген</i>	‘говорить’	*dē-
15.	<i>дөй, де-ен / төй, те-ген</i>	‘говорить’	*dē-
16.	<i>качыр-ган-дыг" де-ен / қачыр-ган-дыг" те-ген</i>	‘говорить’	*dē-
17.	<i>күн аш пар-ба-зын, де-ен. / күн аш пар-ба-зын, те-ген.</i>	‘говорить’	*dē-
18.	<i>пар-ба-зын, де-ен / пар-ба-зын, те-ген</i>	‘говорить’	*dē-
19.	<i>Аба-быс, де-п / Аба-быс, те-п</i>	‘говорить’	*dē-
20.	<i>керек. Де-ге-нен / керек. Те-ген-нең</i>	‘говорить’	*dē-
21.	<i>кіжі қопта-бас, де-ен / кижі қопта-бас, те-ген</i>	‘говорить’	*dē-
22.	<i>поз-ы-нда-бын, де-п / поз-ы-нда-бын, те-п</i>	‘говорить’	*dē-
23.	<i>ра-п чар-ы, де-ен / ыра-п-ча, те-ген</i>	‘говорить’	*dē-
24.	<i>чуну-біс, де-п-чар. / чуну-бис, те-п-ча.</i>	‘говорить’	*dē-

Примечание 1. Как показано в Таблице 5, в тексте книги отсутствуют примеры на озвончение инициальных к, қ в этой позиции.

Примечание 2. В нашей выборке есть 7 примеров, когда в такой же позиции следующие корни не озвончаются: *паза* (1), *піл-* (1), *піс* (3) и *пол-* (2). Например: *чунун-ала, паз-ок* ‘мыться-Lim, снова-Ass’; *пожыт-чар-быс, пис-тин* ‘отпустить-Praes-1.pl.br, мы-Gen’. Подробнее об этом будет сказано ниже.

Примечание 3. В наших материалах имеется 44 примера, когда в такой же позиции производные от других корней не озвончаются. Например: *де-п, нарча-дан* ‘говорить-Conv1, все-Ab1’; *ачыг-лар, пашка* ‘скорбь-Pl, другой’; *керег-и. Тайба* ‘дело-3Poss. Ложный’; *садыж-ар-га, тогыш* ‘торговаться-Fut-Dat, работа’; *пожы-п чар; тын-ы-н* ‘освободить-NF Praes; душа-3Pos-Acc’; *түд-уп, тайба* ‘держать-Conv1, ложный’.

Как установлено выше, в определенных вышеперечисленных позициях анлаутный согласный некоторых основ может озвончаться, а в других никогда не озвончается. Возникает вопрос, с чем это может быть связано. В поисках ответа мы обратились к этимологии исконных тюркских слов в шорском с анлаутными *m-d*- в связи с тем, что в этих основах в литературном шорском языке произошла унификация ПТю **t-* и **d-*, которые совпали в *m*-³. Однозначная реконструкция звонкого или глухого согласного в пратюркском языке возможна на основании огузских данных⁴. При отсутствии рефлексов в этих языках невозможно однозначно реконструировать пратюркский звонкий или глухой согласный в анлауте: *табақ* ‘еда’, *тайба* ‘ложный’, *тегри* ‘небо’ + *тегреби* ‘церковь’, *тенери* ‘скитание’, *тöй* ‘подобный, равный’, *тазыл-ы* ‘корень’.

Таблица 6. Сводная таблица озвончения / неозвончения начальных глухих согласных корней в памятнике «Указание пути в Царствие Небесное...»

№	Основа	Общее количество форм в тексте	Количество форм основы с озвонченным началом	Количество форм основы с НЕозвонченным началом
<i>ПТю *d</i> - ⁵				
1.	<i>таа</i> ‘Add’	30	28	2
2.	<i>тарт-</i> ‘тянуть’	1	0	1
3.	<i>ташта-</i> ‘бросать’	5	0	5
4.	<i>те-</i> ‘говорить’ + <i>тезе</i> ‘ибо’	46	46	0
5.	<i>тег-</i> ‘касаться’	1	1	0
6.	<i>табырақ</i> ‘быстрый’	1	1	0
7.	<i>таг</i> ‘гора’	1	0	1
8.	<i>тем</i> ‘время’	2	2	0
9.	<i>тең</i> ‘ровно’, ‘вместе’ + <i>теңне-</i> ‘уподобляться, сравнивать’	2	1	1
	<i>теп</i> ‘время’, ‘срок’	2	2	0
10.	<i>тилес</i> ‘новость’, ‘молва’ + <i>тиллиг</i> ‘язык имеющий’	2	1	1
11.	<i>тиш</i> ‘зуб’	1	0	1
12.	<i>тогра</i> ‘поперек’	1	0	1
13.	<i>тос-</i> ‘насыщать’, ‘насыщаться’	1	0	1
14.	<i>тур-</i> ‘стоять’ + <i>туруш-</i> ‘бороться’	4	0	4
15.	<i>тöрт</i> ‘четыре’	1	0	1
16.	<i>түп</i> ‘дно’, ‘бездна’	1	1	0

³ Основы с аналаутным *n-/b-* нерелевантны, поскольку в ПТю не противопоставлены **p-* и **b-*, и авторы [EDAL] реконструируют только **b-*. А основы с озвончением *s-* и *k-* встретились только по одному разу.

⁴ Реконструкция пратюркских звонких, предложенная в [EDAL] кроме данных внутреннего сравнения (огузских языков) поддерживается и данными внешнего сравнения (монгольскими и тунгусо-маньчжурскими формами), в которых присутствует звонкий анлаутный согласный в соответствии с огузскими звонкими.

⁵ ПТю реконструкция анлаутного согласного приведена по [EDAL].

17.	<i>түжүр-</i> ‘спустить’; ‘вводить (в грех)’ + <i>түш-</i> ‘спуститься’; ‘впадать (в грех)’	17	0	17
18.	<i>түш</i> ‘сон’	1	0	1
19.	<i>тын</i> ‘душа’	13	0	13
20.	<i>тың</i> ‘очень’ + <i>тыыт-</i> ‘ободрять’	10	2	8
21.	<i>туган</i> ‘родить’	1	0	1
		144	85	59
<i>ПТю *t-</i>				
	Основа	Общее количество форм в тексте	Количество форм с озвонченным началом	
22.	<i>таптыр-</i> ‘подвергнуться’	1	0	
23.	<i>тары-</i> ‘сердиться’	1	0	
24.	<i>тогаи-</i> ‘встретить(ся), случиться’	2	0	
25.	<i>тоо-</i> ‘уважать, почитать’	2	0	
26.	<i>тут-</i> ‘держат, быть одержимым, воздерживаться’	22	0	

Итак, статистика показывает, что в 59% случаев во всех фонетических позициях слова с ПТю **d-* озвончаются, при этом нет ни одного надежного случая озвончения у слов с надежным ПТю **t-*.

Часть II. Губная гармония гласных

Основное отличие текста книги «Указание пути в Царствие Небесное...» от литературного шорского языка заключается в полном отсутствии сингармонизма на узком гласном (*ы*) в основах с гласным первого слога *о*, даже в тех случаях, когда в литературном языке он присутствует, ср. *позы* – лит. *позу* ‘сам’, *коруыг-* – лит. *қоруқ-* ‘бояться’, *постыг* – лит. *постуг* ‘взрослый’, *кортык* – лит. *қортуқ* ‘боязливый’, *отыг* – лит. *отуқ* ‘огниво’ (но *оттыг* ‘огненный’), *орнынга* – лит. *орнуна* ‘взамен’, *одыр-* – лит. *одур-* ‘сидеть’, *кынык* – лит. *қонуқ* ‘сутки’, ‘жизнь’, ‘хозяйство’, *одыс* – лит. *одус* ‘тридцать’. Лишь в одном случае гармония в памятнике присутствует в виде дублета *польшы-* (4 раза: *польшып:* *польшж-*(Ы)П, *помогать-NF* (2 раза); *польшпанче:* *польш-*П(А)Ан.че, *помогать-Neg.Lim*; *польшсын:* *польш-*СЫн, *помогать-Imр.3*) / *полуж-* (2 раза: *полужар:* *полуж-*Ар, *помогать-Fut*; *полужар керек:* *полуж-*Ар *керек*, *помогать-Fut.(Dat)* нужно) – лит. *полуш-* ‘помогать’.

После других огубленных гласных в первом слоге (*ö, ü*) в тексте книги «Указание пути в Царствие Небесное...» присутствуют формы как с гармонией на узких гласных второго слога (*ы, и*), так и без нее. Если в первом слоге есть гласная *у*, то во втором слоге на узких гласных всегда присутствует губная гармония, см. Таблицу 7.

Как было сказано выше, мы предполагаем, что в рассматриваемой книге отражено более архаическое состояние мрасского шорского с точки зрения губной гармонии, когда не было сингармонизма на узких гласных второго слога после *о* в первом слоге. Отметим, что и в хакасском языке, более близком мрасскому шорскому, чем кондомское наречие (см. подробнее [Дыбо и др. 2020]), в такой позиции сингармонизм отсутствует, см. аудиословари на платформе lingvodoc.ispras.ru.

Таблица 7. Наличие vs. отсутствие гармонии на узких гласных после у, ö, ü в первом слоге⁶

<i>ö-i</i>	<i>ö-ü</i>	<i>ü-i</i>	<i>ü-ü</i>	<i>у-у</i>
<i>cöz-i-bile</i> ‘слово-3Pos-Instr’ <i>cöz-i-n</i> ‘слово-3Pos-Acc’ <i>cös-mi</i> ‘слово-Acc’	<i>ködüs-</i> ‘указание’	<i>düb-i</i> ‘дно-3Pos’	<i>tüjür</i> ‘вводит’	<i>пурун-да</i> ‘прежде-Лос’
<i>kör-di-m</i> ‘видеть-R.Past-1Pos’	<i>öштүз</i> ‘враг’		<i>kүж-ү</i> ‘сила-3Pos’ (vs. лит. <i>kүж-и</i>)	<i>туруш-</i> ‘бороться’
<i>köi-n</i> ‘гореть-Conv’	<i>чör-үн</i> ‘Dur-Conv1’ (vs. лит. <i>чör-ин</i>)		<i>tүж-үн</i> ‘опускаться-Conv’	<i>уг-уп</i> ‘слушать-Conv’
<i>köbik-</i> ‘пена’ (vs. лит. <i>köbük</i>)	<i>örün</i> ‘радоваться’ (vs. лит. <i>үргүн-</i>)		<i>пүдүр-</i> ‘совершать’	<i>тудун-</i> ‘держаться’
	<i>körüш</i> ‘взгляд’			<i>курут-</i> ‘высушить’
	<i>körün-</i> ‘показаться, казаться’ (vs. лит. <i>körin-</i> ‘видеться’, ‘мерещиться’)			
	<i>ökүс</i> ‘сирота’ (vs. лит. <i>öksүс</i>)			
	<i>ölüm-</i> ‘смерть’			
	<i>ödür-</i> ‘убивать’			
	<i>mögү</i> ‘великий’			

Сокращения

Глоссы

Abl – аблатив (исходный)

Acc – аккузатив (винительный)

Add – аддитивная частица (и, ни, же, ведь и т. д.)

Ass – ассертивная (утвердительная) частица (также, тоже и т. д.)

Cond – условное наклонение

Conv1 – деепричастие на *-ын* («последовательное»)

Dat – датив (дательный)

Dur – дуратив (длительность действия)

Fut – будущее время

Gen – генитив (родительный)

Hab – хабитуалис (привычное действие в настоящем и прошедшем времени)

Imp – императив (повелительное наклонение)

Instr – инструментальный (творительный)

Lim – деепричастие предела в прошлом

Loc – локатив (местный)

Neg – отрицание

NF – неконечная форма (not finished | non finitum), грамматикализованный показатель

⁶ Если в литературном шорском языке, согласно словарю [ШКС 1993], в основах, вошедших в таблицу, есть отличие в губной гармонии, то они специально приводятся, в случае совпадения – нет.

Past – прошедшее время
 Pl – множественное число
 Poss – принадлежность
 Praes – настоящее время
 Sg – единственное число
 1, 2, 3 – лица

Общие сокращения

диал. – диалект	св. – святой
конд. – кондомский диалект шорского языка	см. – смотри
лит. – литературный шорский язык	табл. – таблица
мрасс. – мрасский диалект шорского языка	

Языки, диалекты и говоры

аб. – абаканский (по Вербицкому)	тат. – татарский
алт. – алтайский	тел. – телеутский
аз. – азербайджанский	тоф. – тофаларский
баш. – башкирский	тув. – тувинский
в.-б. – верхне-бийский (по Вербицкому)	тур. – турецкий
гаг. – гагаузский	турк. – туркменский
др.-уйг. – древнеуйгурский	уз. – узбекский
др.-тюрк. – древнетюркский	уйг. – уйгурский
каз. – казахский	хак. – хакасский
ккал. – каракалпакский	шор. – шорский
кир. – киргизский	к. – кондомский (диалект шорского языка)
куманд. – кумандинский (диалект алтайского языка)	в-к. – верхне-кондомский говор кондомско- го диалекта шорского языка,
монг. – монгольский	мат. – матырский (по Вербицкому)
саг. – сагайский (диалект хакасского языка)	як. – якутский
сарыг-югур. – сарыг-югурский	

Литература

- Абакумова 2016 – *Абакумова Е.* Отец Иоанн Штыгашев – светлая личность в истории Хакасии, важный деятель духовной культуры // Электронная энциклопедия Таштыпского района / Газета «Хакасия». – Абакан. – 07.06.2016. {*Ye. Abakumova.* Father John Shtygashev as a famous personality in the history of Khakassia and an important figure of spiritual culture // Electronic encyclopedia of Tashtypsky (Tashtyp) district / Newspaper “Khakassia”. – Abakan. – July 4, 2016.}
- Букварь 1884 – Шорский букварь для инородцев восточной половины Кузнецкого округа. – Казань, 1884. {*Shor primer for allogeneous people of the eastern part of the Kuznetsk district.* – Kazan, 1884.}
- Вербицкий 1884 – *Вербицкий В.И.* Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884. {*V.I. Verbitskiy.* Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language. – Kazan, 1884.}
- Грамматика 1869 – Грамматика алтайского языка / Составлена членами Алтайской миссии. – Казань: Унив. тип., 1869. {*Grammar of the Altai language / Comp. by members of the Altai mission.* – Kazan: Univ. typography, 1869.}
- Дыбо 2013 – *Дыбо А.В.* Этимологический словарь тюркских языков. – Том 9 (дополнительный). – Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана: Proper Print, 2013. {*A.V. Dybo.* Etymological dictionary of Turkic languages. – Volume 9 (additional). – Etymological dictionary of basic vocabulary of Turkic languages. – Astana: Proper Print, 2013.}
- Дыбо и др. 2014 – *Дыбо А.В., Крылов Ф.С., Мальцева В.С., Шеймович А.В.* Автоматический морфологический анализ для корпусов тюркских языков (на материале хакасского языка) // Филология и культура. – 2014. – № 2 (36). – С. 20–24. {*A.V. Dybo, F.S. Krylov, V.S. Maltseva, A.V. Sheimovich.* Automatic morphological analysis for the corpus of Turkic languages (based on the material of the Khakass language) // *Philology and culture.* – 2014. – No. 2 (36). – PP. 20–24.}

- Дыбо и др. 2020 – Дыбо А.В., Абубакирова Л.Ф., Айбазова З.К., Зимин М.М., Коровина Е.В., Мальцева В.С., Мудрак О.А., Ренковская Е.А., Савельев А.В., Хисамов О.Р., Шаров А.В., Шеймович А.В. Новые результаты в генеалогической классификации тюркских диалектов («случаи с аффрикатами») // *Oriental Studies*. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 696–713. {*Anna V. Dybo, Lidia F. Abubakirova, Zuhra K. Aibazova, Oleg R. Hisamov, Evgeniya V. Korovina, Vera S. Maltseva, Oleg A. Mudrak, Evgeniya A. Renkovskaya, Alexander V. Savelyev, Aleksandr V. Sharov, Alexandra V. Sheymovich, Mark M. Zimin*. Some new results in the genealogical classification of Turkic dialects: ‘cases of affricates’ // *Oriental Studies*. – 2020. – Vol. 13. – Issue 3. – PP. 696–713.}
- Дыренкова 1941 – Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. – М.–Л., 1941. {*N.P. Dyrenkova*. Grammar of the Shor language. – Moscow–Leningrad, 1941.}
- Есипова 2008а – Есипова А.В. Прилагательные на *-лыг* в шорском языке // Вопросы алтайской филологии. Памяти Э.Р. Тенишева. – М.: ТЕЗАУРУС, 2008. – Вып. 3. – С. 230–240. {*A.V. Esipova*. Adjectives ending with *-lyg* in the Shor language // Questions of Altai philology. In memory of E.R. Tenishev. – Moscow: THESAURUS, 2008. – Issue 3. – PP. 230–240.}
- Есипова 2008б – Есипова А.В. Словообразовательный статус аффикса *-лыг* // Вестник НГУ. Сер. история, филология. – Новосибирск, 2008. – Т. 7. – Вып. 2: Филология. – С. 77–81. {*A.V. Esipova*. The word-formation status of the affix *-lyg* // Bulletin of NSU [Novosibirsk State University]. History and philology series. – Novosibirsk, 2008. – Vol. 7. – Issue 2: Philology. – PP. 77–81.}
- Есипова 2011 – Есипова А.В. Теоретические проблемы словообразования в тюркских языках (на материале шорского языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2011. {*A.V. Esipova*. Theoretical problems of word formation in the Turkic languages (based on the data of the Shor language): Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 2011.}
- Есипова 2018 – Есипова А.В. Некоторые особенности языка книги «Указание пути в Царствие Небесное (на шорском наречии)» // Первая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Памяти А.П. Володина. Тезисы докладов международной научной конференции, Санкт-Петербург, 6–8 декабря 2018 г. – СПб.: ИЛИ РАН, 2018. – С. 43–45. {*A.V. Esipova*. Some features of the language of the book “Indication of the Way into the Kingdom of Heaven (in the Shor dialect)” // The first Conference on Uralic, Altaic and Paleoasiatic languages. In memory of A.P. Volodin. Abstracts of reports of the International Scientific Conference, St. Petersburg, December 6–8, 2018. – St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2018. – PP. 43–45.}
- История 1883 – Священная история на шорскомъ нарѣчїи для инородцевъ восточной половины кузнецкаго округа. Издание Православнаго Миссионерскаго Общества. – Казань: Типография В.М. Ключникова, 1883. {*The Sacred history in the Shor dialect for allogeneous people of the eastern part of the Kuznetsk district. Publication of the Orthodox Missionary Society. – Kazan: V.M. Klyuchnikov Printing House, 1883.*}
- Нурьева 2015 – Нурьева Ф.Ш. Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // http://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2015_17.pdf {*F.Sh. Nurieva*. Dialect basis of books in the “Baptismal/(Kryashen) Tatar” language of the second half of the nineteenth century // http://iling-ran.ru/library/ural-altaic/ua2015_17.pdf}
- Указание 1884 – Указание пути в Царствие Небесное на шорском наречии. Тегридин чарыгынга кирчен чолды кодүсче. Издание Православного Миссионерского Общества. – Казань: Типография В.М. Ключникова. – 1884. {*Indication of the Way into the Kingdom of Heaven in the Shor dialect. Tegrīdīn čarygynga kirčen čoldy ködüšče. Publication of the Orthodox Missionary Society. – Kazan: V.M. Klyuchnikov Printing House, 1884.*}
- Чиспияков 1992а – Чиспияков Э.Ф. Графика и орфография шорского языка: учеб. пособие для студентов и преподавателей / Сост. Ф.Г. Чиспияковой. – Кемерово: Кемеровское Кн. изд-во, 1992. {*E.F. Chispiyakov*. Graphics and orthography of the Shor language: textbook for students and teachers / Comp. by F.G. Chispiyakova. – Kemerovo: Kemerovo Publishing House, 1992.}
- Чиспияков 1992б – Чиспияков Э.Ф. Учебник шорского языка. – Кемерово: Кн. изд-во, 1992. {*E.F. Chispiyakov*. Shor textbook. – Kemerovo: Kemerovo Publishing House, 1992.}
- ШКС 1993 – Курпейко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шор-казак пазок казак-шор үргедиг сөстүк: Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1993. {*N.N. Tannagasheva, F.Ya. Aponkin*. Šor-kazak pazok kazak-šor ürgeđig söstük: Shor-Russian and Russian-Shor Dictionary. – Kemerovo: Kemerovo Publishing House, 1993.}

- EDAL – S.A. Starostin, A.V. Dybo, O.A. Mudrak. (With the assistance of I. Gruntov and V. Glumov.) An Etymological dictionary of the Altai languages. – Leiden, 2003.
- VEWT — Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türksprachen. – Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae 17, 1.; Suomalais-ugrilainen seura. – 1969. {M. Räsänen. An Attempt at Etymological Dictionary of Turkic languages. – Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae 17, 1.; Suomalais-ugrilainen seura. – 1969.}

**Archaic graphical and phonetic features
of first orthodox monuments [of writing] in Shor
(based on the data of the book
“Indication of the way into the kingdom of heaven...”**

A.V. Esipova, Yu.V. Normanskaya

Moscow

Summary: The article analyzed the glossed corpus and concordance of the book “Indication of the Way into the Kingdom of Heaven...” in the Shor language, which are publicly available on the *LingvoDoc* platform located at *lingvodoc.ispras.ru*. The analysis shows that the book was created in Mrass dialect of the Shor language. The corpus reveals previously unknown systematic differences between the book and the modern language: Shor voiceless consonants in the corpus vs. a voiced consonant in the modern language at the beginning of a word and the absence of synharmonic changes in the quality of narrow vowel of the second syllable after the first syllable in the book “Indication of the Way into the Kingdom of Heaven...”. The aim of our study was the analysis of the regularity of these phenomena, as well as the introduction of the materials of the early written Shor language, which is under the threat of extinction. As a result, it was found that in 59% of cases, in all phonetic positions, Proto-Turkic words starting with *d- are voiced, while there is not a single reliable case of voicing for words starting with *t-. The narrow vowel *ɨ* in the second syllable in stems with *o* in the first syllable never becomes rounded. We assume that the investigated book reflects the more archaic state of the Mrass Shor in terms of labial harmony. Note that in the Khakass language, which is closer to the Mrass Shor than the Kondom dialect, there is no vowel harmony in this position, see the audio dictionaries on the platform *lingvodoc.ispras.ru*.

Key words: Shor language, Mrass dialect, Kondom dialect, first books, graphic features.

Alisa Vasil'yevna Esipova – PhD in Philology, Leading Research Associate of Department of Ural-Altai languages of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: aves7760@mail.ru.

Yuliya Viktorovna Normanskaya – PhD in Philology, Chief Research Scientist, Director of Linguistic Platforms Laboratory of Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences, Leading Research Associate of Department of Ural-Altai languages of Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: julianor@mail.ru.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТУРЕЦКИХ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. ПАМУКА «СНЕГ»)

Е.М. Напольнова

г. Москва

Резюме: В тексте художественного произведения указательные местоимения *bu*, *şu*, *o* использованы в нарративном дейксисе в отношении неодушевленных объектов с целью указания на их положение относительно персонажей и отношение персонажей к ним; в отношении лиц – для характеристики отношения персонажей к ним, что соответствует особенностям их использования в прямом дейксисе. Местоимение *şu* используется ограниченно, с целью создания эффекта прямого диалога. С названиями временных интервалов *şu* фактически утрачивает собственную семантику. При анафорическом использовании указание на антецедент с помощью местоимения *bu* и на постцедент с помощью *şu* считается нормой современного турецкого языка, однако это положение касается только официального стиля и не распространяется на разговорный язык.

Ключевые слова: демонстративы, указательные местоимения, турецкий язык, нарративный дейксис, литературный турецкий язык, проза.

Введение

Турецкие указательные местоимения *bu*, *şu* и *o* одновременно являются дейктическими, анафорическими, адъективными, субстантивными и соотносятся с любыми видами объектов, сложность исследования которых обусловлена разнообразием их функций. Использование этих местоимений в дейктической ситуации в отношении неодушевленных объектов может отражать не только степень их удаленности от говорящего, но и его отношение к ним. Функции местоимений *bu*, *şu* и *o* в нарративном дейксисе непосредственно связаны с их функциями в прямом дейксисе. В официальном, юридическом, техническом стилях турецкого литературного языка указательные местоимения используются строго в анафорической функции – для указания на взаимосвязь между высказываниями или их частями. В языке художественного литературного произведения, целью которого является создание художественного образа и достоверной картины изображаемого мира, наблюдается смешение функций местоимений *bu*, *şu*, *o*, характерных для нарративного дейксиса и анафоры.

Все три местоимения представлены в тюркских языках с древнетюркского периода. Для турецкого языка в [ТДК] отмечается трехчленность дейктической

Напольнова Елена Марковна – кандидат филологических наук, старший преподаватель ИСАА МГУ, старший научный сотрудник Института системного программирования РАН, e-mail: elenapolnova142@mail.ru.

оппозиции, возможность использования указательных местоимений во временном, пространственном дейксисе и анафоре. *Bi*, *şu* и *o* именуются прилагательными или местоимениями в зависимости от выполняемых ими синтаксических функций; для *bi* и *şu* указывается возможность их использования с указывающим жестом; для *o* указывается значение личного местоимения 3 л. ед. ч. Значения и функции трех местоимений рассматриваются во всех грамматиках и учебниках ТЯ, а также в ряде специальных исследований, однако в этом вопросе по-прежнему имеются существенные разногласия, в особенности касательно местоимения *şu*. В нашем исследовании, касавшемся условий использования *bi*, *şu* и *o* в прямом пространственном дейксисе [Напольнова 2014], на основе наблюдений за речью носителей ТЯ и экспериментальных данных удалось установить, что в отношении неодушевленных объектов в именной и адъективной функциях:

1) местоимение *bi* указывает на отнесение объекта говорящим к собственно-му пространству и на локализацию в поле его зрения;

2) местоимение *şu* указывает на выведение объекта говорящим из личного пространства, несмотря на возможную пространственную близость;

3) местоимение *o* указывает на расположение объекта вне «пространства говорящего» или расположение в «пространстве собеседника».

Мы не обнаружили исследований, которые касались бы использования этих местоимений во временном и социальном дейксисе. Наблюдение за речевым поведением носителей ТЯ показывает, что наряду со стандартным местоимением 3 л. *o* в дейктической ситуации в отношении присутствующего младшего по возрасту или низшего по социальному положению лица возможно также использование *bi*; *şu* может быть оскорбительным и выражать возмущение словами, действием, внешним видом третьего лица, но, напротив, может подчеркивать особую симпатию говорящего к нему.

Продолжая исследование функций трех местоимений во вторичном или нарративном дейксисе (дейксисе пересказа, в том числе художественного повествования) мы обратились к роману О. Памука «Снег» [Orhan Pamuk 2021]. «Конституирующим свойством этого типа дейксиса является несовпадение места говорящего с пространственной точкой отсчета, дейктические слова используются для изображения чужого сознания и имеют, как правило, анафорическую или катафорическую функцию» [Апресян 1995: 632]. В романе «Снег» сочетаются значительное количество прямой речи и авторская речь – обращения повествователя к читателю, что позволяет оценить разные аспекты использования трех местоимений.

I. Местоимение *bi*

Местоимение *bi* используется в тексте романа более 1500 раз в именной и адъективной синтаксических функциях, в том числе в лексикализовавшемся сочетании *bi yüz-den* (этот причина-ABL) ‘по этой причине’. В адъективной функции *bi* преимущественно сочетается с наименованиями абстрактных сущностей (*bu öfke* ‘этот гнев’, *bu Kars yolculuğ-u* (этот Карс путешествие-POSS3SG) ‘эта поездка в Карс’, *bu ad-la* (этот имя-EXS) ‘под этим названием’); редко – с наименованиями локаций (*bu oda* ‘эта комната’, *bu sokak* ‘эта улица’), предметов (*bu ciltler* ‘эти тома’, *bu masa* ‘этот стол’, *bu güzel palto* ‘это красивое паль-

то'), временных интервалов (*bu ay* 'этот месяц, в этом месяце', *bu sene* 'этот год, в этом году'), лиц (*bu adam* 'этот мужчина', *bu kişiler* 'эти люди') и с личными именами (*bu Necip* 'этот Неджип', *bu Hans Hansen* 'этот Ханс Хансен'). Ограниченность использования *bu* в отношении предметов («близкий к персонажу») и лиц (неуважительное отношение) является следствием отсутствия ситуации прямого дейксиса, а отдельные примеры такого использования в нарративном дейксисе позволяют более наглядно описать ситуацию или выразить отношение персонажа или повествователя:

(1) *Ka, iyi ki bu palto-yu* (этот пальто-ACC) *almışım, diye düşündü*. '«Хорошо, что я купил **это пальто**», – подумал Ка' (о надетом на нем пальто);

(2) «*Biz de meslek icabı bu telsiz-den* (этот рация-ABL) *polislin konuşmalarını dinleriz*» '«По роду нашей деятельности мы тоже слушаем переговоры полицейских **с помощью этой рации**»' (*bu* указывает, что рация принадлежит говорящему, находится у него или непосредственно рядом с ним).

Наряду с наименованиями отдельных локаций субстантивное *bu* неоднократно использовано в отношении частей пространства для указания на причастность персонажа к происходящим там событиям:

(3) ⟨...⟩ *yağan karın altında dünya-nın bu köşe-si-nin* (мир-GEN этот угол-POSS3SG-GEN) *her şeyden uzaklığını ve inanılmaz ıssızlığını öylesine güçle hissetti ki* ⟨...⟩ '⟨...⟩ под падающим снегом он настолько остро ощутил абсолютную отдаленность и поразительную необитаемость **этого уголка мира**, что ⟨...⟩';

(4) «*Gece yarıları Frankfurt'un damlarına bakarken bütün bu dünya-nın* (этот мир-GEN), *hayatının boşuna olmadığını hissediyorum*» '«В полночь, глядя на крыши Франкфурта, я чувствую, что весь **этот мир** и моя жизнь существуют не просто так»';

(5) «*Biz seninle bu Kars şehr-i-nden* (этот Карс город-POSS3SG-ABL) *kaçalım,*» *dedi Ka* '«Давай мы с тобой убежим **из этого города Карса**», – сказал Ка'.

Bu используется с названиями различных по продолжительности временных интервалов (*bu ara* (этот промежуток) 'в это время', *bu sıra-da* (этот очередь-LOC) 'в это время', *bu üç gün boyunca* (этот три день вдоль) 'на протяжении трех этих дней', *bu ay* 'этот месяц, в этом месяце') и частей суток (*bu akşam* 'этот вечер, этим вечером', *bu gece* 'эта ночь, этой ночью'). Исходя из того, что в прямом временном дейксисе определение *bu* обозначает продолжающийся в момент речи или ближайший предстоящий временной интервал или часть суток (*bu-gün* (этот день) 'сегодня', *bu gece* 'эта ночь, этой ночью' (о продолжающейся или предстоящей ночи), *bu saat-te* (этот час-LOC) 'в этот (поздний, ранний) час'), в тексте романа *bu* в подавляющем большинстве случаев указывает на предстоящий (6) или продолжающийся (7, 8, 9, 10) в момент повествования временной интервал разной длительности или часть суток:

(6) «*Ama manşette bu akşam oyna-n-acak* (этот вечер играть-REFL-FUT) *oyunumuz yer almalı,*» *dedi Funda Eser* '«Но в заголовке должен быть указан спектакль, **который мы будем играть этим вечером**», – сказала Фонда Эсер';

(7) «*Mektupları sana veremem. Yani, bu ara* (этот промежуток), *herkes bakarken*» '«Я не могу отдать тебе письма. То есть **сейчас**, пока все смотрят»';

(8) «*Bu saat-ten* (этот час-ABL), *bu iş bu kadar ilan edildikten sonra* (после) *sahneye çıkmamak, çıkmaktan daha tehlikeli babacığım,*» *dedi Kadife* '«Папочка, те-

перь, после того как об этом столько объявляли, не выйти на сцену опасней, чем выйти на нее», – сказала Кадифе’;

(9) *Bu üç gün boyunca* (этот три день вдоль) *o kadar çok dedikodu yapılmıştı ki* (...) ‘**На протяжении этих трех дней** было столько сплетен (...)’;

(10) *Pek çok kişiyle birlikte Ka da bu sıra-da* (этот очередь-LOC) *yerinden kalktı* ‘**В это время** Ка, вместе со многими другими людьми, тоже поднялся с места’.

Однако наряду с этим в качестве художественного приема с целью актуализации более раннего события или ощущения персонажей встречаются отдельные случаи использования *bu* в отношении прошедших (по отношению к моменту повествования) временных интервалов в прямой речи (12) или при косвенной передаче высказываний (11):

(11) *Kızın anneanesi ona bu sıra-da* (ему этот очередь-LOC) «*nasıl olsa sen evlenmeyeceksin, demeye başlamış*» ‘(По слухам,) **мать в это время** начала говорить девушке: «Все равно ты замуж не выйдешь»’;

(12) «(...) *bir şiirimin bu ay yayımla-n-acağ-ı-nı* (этот месяц опубликовать-REFL-FUT-POSS3SG-ACC) *düşünerek kendimi yatıştırıyordum*» ‘«(...) я успокаивал себя, думая, что одно из моих стихотворений **будет напечатано в этом месяце**»’.

Bu в именной функции используется для выражения последовательности событий как в прямой, так и в авторской речи в сочетании с временными послелогоми: *bu-ndan sonra* (этот-ABL после) ‘после этого’, *bu-ndan (pek az) önce* (этот-ABL (очень мало) раньше) ‘незадолго до этого’, относительно момента повествования:

(13) «*Artık bu-ndan sonra* (этот-ABL потом) *gitmemeniz çok ayıp!*» ‘**После этого** вам уже стыдно не пойти’;

(14) *Bu-ndan pek az önce* (этот-ABL очень мало сначала) (...) *kar yeniden başlamıştı* ‘**Незадолго до этого** (...) снег пошел снова’.

Именное *bu* выполняет в тексте главным образом анафорическую функцию (15–16) и преимущественно имеет предикативный, редко – субстантивный antecedent – неодушевленные объекты (17–18), лица (19–20):

(15) «*Gazeteciyim,*» *diye fısıldadı Ka* (...) *Bu doğru değil-di* (этот правильный NEG-PAST). «*Belediye seçimleri ve intihar eden kadınlar için gidiyorum.*» *Bu doğru-ydu* (этот правильный-PAST). ‘«Я корреспондент», – прошептал Ка (...) **Это была неправда.** «Я еду (туда) из-за муниципальных выборов и самоубийств женщин». **Это была правда**’;

(16) «*Akşamları* (...) *küçük kira dairemde geride bıraktığım günü* (...) *hatırlardım ve bu bana şiir yazdırırdı*» ‘«По вечерам (...) в своей арендованной квартирке я вспоминал (...) прошедший день, и **это** побуждало меня писать стихи»’;

(17) «*Tarkut Ölçün bana* (...) *küçük seyahat çantasını gösterdi. Polis imza karşılığı vermişti bu-nu* (этот-ACC) *ona. Hemen açıp hırsla karıştırdım*» ‘«Таркут Ольчун показал мне маленькую дорожную сумку, которую (букв. **эту**) полицейский отдал ему под расписку. Я открыл (ее) и с ожесточением перерыл»’ (определение *bu* обусловлено контактом говорящего с сумкой; определенную роль также играет необходимость формального разделения antecedentов: *o* – в отношении лица, *bu* – в отношении предмета);

(18) «*Efendim, çayınızı bu masa-ya* (этот стол-DAT) *getireyim ister misiniz?*» / «*Yok, istemez. Şimdi kalkıyorum*» ‘«Мой господин, принести ваш чай **на этот стол?**» (официант находится у стола клиента) «Нет, не нужно. Я уже встаю»’;

(19) «⟨...⟩ *bu-nlar-ın hep-si* (этот-PL-GEN все-POSS3SG) *korkar bizden*» «**Все эти** нас боятся» (презрительное отношение);

(20) «*Alın bu-nu* (этот-ACC) *dayayın duvara, ısrar ederse kurşuna dizeceğiz*» *dedi*. «Заберите **этого** и прислоните к стене, будет упираться – пристрелим», – сказал он» (презрительное отношение).

Адъективное *bu* часто используется в сочетании с лексическим (21) или семантическим (22) повтором для обеспечения кореферентности высказываний, выражение которой может быть затруднено ввиду структурных особенностей турецкого предложения и использования местоимений *bu*, *şu*, *o* в отношении любых типов объектов, в том числе лиц вне зависимости от пола:

(21) *Ka'nın çocukluk hayallerinde metafizik bir boyut-u* (измерение-POSS3SG) *vardı. Bu boyut* (этот измерение) *hayatının geri kalan kısmında çok fazla değişmesine rağmen* ⟨...⟩ «У детских мечтаний Ка было метафизическое **измерение**. И хотя оно (букв. «**это измерение**») не слишком изменилось на протяжении его последующей жизни ⟨...⟩»;

(22) ⟨...⟩ *doğru düzgün bir insandı ve bu özellik-leri* (этот особенность-POSS3PL) *yüzünden özel hayatlarında* ⟨...⟩ *kederliydi hep*. «Он был порядочным человеком, из-за этой особенности (букв. «**этих его особенностей**») его личные отношения постоянно доставляли ему печаль».

Приведенные примеры соответствуют общепринятому мнению о том, что *bu* указывает на антецедент, в противоположность местоимению *şu*, вводящему постцедент [Щека 1996: 20]. В современном ТЯ такое использование двух местоимений является безусловным правилом для официальных, юридических, газетных и других типов текстов, требующих однозначного толкования. Однако в тексте романа это правило неоднократно нарушается в прямой речи: имеются примеры того, что *bu* указывает не на антецедент, а на постцедент. В некоторых случаях это подтверждается использованием двоеточия:

(23) «*Bu-nu* (этот-ACC) *yazsın Frankfurt gazetesi: Biz aptal değiliz! Fakiriz biz yalnızca!* ⟨...⟩» «Пусть франкфуртская газета вот что (букв. **это**) напишет: мы не дураки! Мы просто бедные!..»;

(24) «⟨...⟩ *Şimdi benim gözlerimin içine bakışından da anlıyorum bu-nu* (этот-ACC): *Sen de bende kendi gençliğini görüyorsun ve bu yüzden seviyorsun beni*» «Я теперь понимаю **это** и по тому, как ты смотришь мне в глаза: ты тоже видишь во мне свою молодость и поэтому любишь меня»».

На возможность указания с помощью *bu* на постцедент указывается также в [Sağın-Şimşek, Rehbein, Babur 2009: 14].

Выводы

1. Аналогично прямому пространственному дейксису в нарративном дейксисе *bu* может использоваться с целью актуализации ситуации – в отношении неодушевленных объектов для указания на их пространственную близость к говорящему (в прямой речи) или персонажу (в авторской речи).

2. *Bu* соотносится не только с личным пространством персонажа, но и с частью пространства, к которой относит себя он сам или повествователь.

3. Аналогично прямому дейксису, в нарративном дейксисе местоимение *bu* редко (обычно в прямой речи персонажей) используется в отношении лиц, и в этом случае указывает на неуважительное отношение говорящего.

4. Во временном дейксисе *bu* используется для указания на временные отрезки, события и действия, относимые к моменту повествования и к ближайшему временному отрезку, которые как бы находятся в поле зрения человека, что определяется особенностями языкового отражения восприятия течения времени в ТЯ, когда направление взгляда человека совпадает с «направлением течения» времени [Напольнова 2012: 30–31].

5. В анафорической функции *bu* обычно указывает на антецедент, но в отдельных случаях может указывать на постцедент.

6. Антецедент *bu* чаще является предикативным.

II. Местоимение *o*

Местоимение *o* использовано в тексте более тысячи раз в именной и в адъективной функции, в том числе в лексикализовавшихся сочетаниях *o zaman* (тот время) ‘тогда, в таком случае’, *o kadar* (тот до) ‘настолько, в такой степени’.

В подавляющем большинстве случаев именное *o* использовано в функции личного местоимения 3 л. в отношении лиц (25, 26), хотя возможно использование в отношении других типов объектов (например, (39, 51)):

(25) *İpek o-na* (тот-DAT) *kitabının adını sordu, Ka söyledi* ‘Ипек спросила у него название книги, Ка ответил’;

(26) *O da benim elimi öptü* ‘Он тоже поцеловал мне руку’.

Только *o* может быть использовано в отношении Аллаха:

(27) «*İnsan Allah'ı tanır ve severse o-nun* (тот-GEN) *varlığından hiç şüphelenmez*» ‘«Если человек узнает и полюбит Аллаха, то никогда не усомнится в его существовании»’;

(28) «*{...} içinde Allah'ın sesini duyuyordun, ama unutmaya çalışıyordun O'nu* (тот-ACC)» ‘«Внутри себя ты слышал голос Аллаха, но старался забыть о Нем»’ (иногда это заглавная буква, отделенная апострофом от грамматических показателей, что является правилом орфографии имен собственных).

Использование апострофа и заглавной буквы в (28) можно объяснить стремлением предотвратить вероятную ошибку в привязке антецедента.

Одним из основных способов использования местоимения *o* в адъективной функции следует считать регулярно применяемый автором художественный прием, состоящий в отсылке к событиям, местам, фактам из прошлого, известным главному персонажу, повествователю, автору и, возможно, читателям:

(29) *{...} o İstanbul sokak-ları-nın* (тот Стамбул улица-POSS3PL-GEN), *dükkânların, sinemaların baştan aşağı değişikliklerini, yok olduklarını {...}* ‘{...} что те стамбульские улицы, магазинчики, кинотеатры полностью изменились, исчезли {...}’;

(30) «*O malum Çarşaf ad-lı eski oyun-u* (тот известный паранжа имя-EXS старый игра-ACC) *oynayacaklar*» ‘Они будут играть ту известную пьесу под названием «Паранжа»’;

(31) *Otobüsün içinde oluşan o birlik beraberlik hava-sı-na* (тот единство совместность атмосфера-POSS3SG-DAT) *katılması çok vakit almadı* ‘Для того, чтобы он

влился в **ту атмосферу единства и братства**, которая устанавливается в автобусе, не потребовалось много времени' (о междугороднем автобусе).

Для *o* в именной функции, в отличие от *bu*, не характерно использование с предикативным антецедентом, однако встречаются отдельные примеры в отношении чувств, желаний и других нематериальных сущностей:

(32) «*Benden ne istiyorsunuz o-nu* (тот-ACC) *söyleyin artık*,» *dedi Ka*. '«Что вы от меня хотите? Скажите **это** наконец!» – сказал Ка';

(33) «*Ama sen de benim gibi birini öldürüp katil olmaya değer mi, o-nu* (тот-ACC) *düşün*» '«Но подумай **о том**, стоит ли стать преступником, убив такого человека, как я»';

(34) «*Senin başına ne gelirse, benim başıma da o gelsin!*» '«Пусть со мной случится **то**, что произойдет с тобой»'.

К этой же категории можно отнести использование лексикализовавшегося именного *o* с показателем аблатива в значении 'поэтому, по этой причине':

(35) «*Kadife Lacivert'i çok seviyor da o-ndan* (тот-ABL)» '«Кадифе очень любит Ладживерта! Вот почему (букв. **оттого**)!»;

(36) «*Silah dolu olabilir de o-ndan* (тот-ABL)!» '«Пистолет может быть заряжен. Вот почему (букв. **оттого**)!»'.

В тексте имеются примеры анафорического использования именного *o*, когда его антецедент расположен в непосредственно предшествующей части высказывания или предыдущем высказывании. В этой связи необходимо отметить следующее. Сравнение примеров (15–16) с (33–36) показывает, что в примерах (33–34) возможна замена *o* на *bu* без значительного искажения смысла, в (35–36) возможна замена *o-ndan* (тот-ABL) 'потому, поэтому' на *bu yüz-den* (этот причина-ABL) 'поэтому, по этой причине', но в примерах с *bu* (15–16) замена на *o* исключена. Причина состоит в том, что благодаря использованию *o* в (33–36) содержится дополнительное (по сравнению с *bu*) указание на отстраненность говорящего от антецедента (чувства, состояния, действия, явления, течения событий). Анализ совокупности примеров показывает, что такое положение в целом характерно для всего рассматриваемого текста.

Аналогично *bu*, отсутствие ситуации прямого дейксиса определяет ограниченное использование местоимения *o* в адъективной функции с наименованиями неодушевленных объектов для указания на их отдаленность от персонажа/персонажей или нахождение в личном пространстве собеседника:

(37) «*Ne dedin oğlum, indir o tabanca-yı* (тот пистолет-ACC)» '«Что ты сказал, сынок? Опустит **этот пистолет**»' (о пистолете в руках убийцы);

(38) «... *duvarda cevizden çerçevesi oymalı bir ayna vardı. Şeyh Efendi'yi ilk o ayna-nın iç-i-nde* (тот зеркало-GEN нутро-POSS3SG-LOC) *gördü* 'На стене висело зеркало в резной ореховой раме. **В этом зеркале** он впервые увидел Шейха' (*o* использовано в описании события из прошлого персонажа и в отношении объекта, пространственно отдаленного от персонажа);

(39) *Sunay sol karşı tepedeki tek tük gecekonduların birini işaret etti. O-nun az aşağı-sı-nda* (тот-GEN мало низ-POSS3SG-LOC) «...» 'Сунай указал на одну из многочисленных хибар, находившихся слева на противоположном холме. **Чуть ниже нее** «...»'.

При использовании *o* с наименованиями временных интервалов различной длительности и частей суток в подавляющем большинстве случаев имеются в виду отдаленные от момента повествования прошлые события:

(40) «*Altı ay bekledim, o sıra-da* (тот очередь-LOC) *çıkarmakta olduğu Akhilleus'un Mürekkebi dergisinde yayımlanmadı*» «Я прождал 6 месяцев. **За это время** (мои стихи) не опубликовали в журнале “Akhilleus'un Mürekkebi”, который он выпускал»;

(41) *İpek'e göre Ka o an* (тот момент) *bu sözlere inanmış, sonra gene ağlamaya başlamıştı* «По словам Ипек, **в тот момент** Ка поверил этим словам, а потом опять заплакал»;

(42) *Siyasal sol tiyatronun altın çağını yaşadığı o yıl-lar-da* (тот год-PL-LOC) (...) «**В те годы**, когда политический левый театр переживал свой золотой век (...)»;

(43) «(...) *o akşam* (тот вечер) *belediye başkanının benim için verdiği yemekte (...)*» «(...) **в тот вечер** на ужине, который в мою честь давал мэр (...)».

Мы обнаружили в тексте лишь один пример, в котором *o* указывает на момент в будущем относительно момента повествования:

(44) «*O sıra-da* (тот очередь-LOC) *ben belki hâlâ gözaltında ol-ur-um* (быть-AOR-1SG)» «**В это время** я, возможно, все еще **буду находиться** под стражей».

То, что местоимение *o* может соотноситься с любым, предшествовавшим или последующим, моментом или промежутком времени кроме обозначаемого местоимением *bu* текущего или ближайшего временного интервала, подтверждают примеры использования с глагольными формами настоящего-будущего и будущего времени из других источников:

(45) (...) *o gün* (тот день) *biz karar ver-ir-iz* (давать-AOR-1PL) [TSC] «**в этот день** мы **примем** решение»;

(46) (...) *ama o gün* (тот день) *bir devlet krizi çık-abil-ir* (появляться-ABIL-AOR) [TSC] «но **в тот день** может **разразиться** государственный кризис»;

(47) *Ve bu konu o gün* (тот день) *de masaya yat-ır-ıl-acak* (лежать-CAUS-PASS-FUT) [TSC] «И данная тема **будет поставлена** на повестку дня **в тот самый день**».

Отсутствие связи с тем или иным временным планом проявляется также в значении лексикализовавшегося словосочетания *o zaman* (тот время) «тогда, в таком случае», используемого в отношении настоящего (48), будущего (49) и прошедшего времени (50):

(48) «*Niye yakala-mı-yor-lar o zaman* (схватить-NEG-PRS-PL тот время)?» «**Тогда** почему его не **ловят**?»;

(49) «*Git o zaman* (идти тот время) *oraya*,» *dedi* «**Тогда** **иди** туда», – сказала она»;

(50) «*O zaman* (тот время) *niye devleti kızdırıp Almanya'ya kaç-tı-n* (убегать-PST-2SG)?» «**Тогда** почему ты **рассердил** государство и **сбежал** в Германию?».

С использованием именного *o* в сочетании с послелогом *önce* и *sonra* выражается относительная последовательность событий:

(51) «*O-ndan sonra* (тот-ABL потом) *ablasının yerini türbancı kızlara katılan Kadife aldı*» «**После этого** место старшей сестры заняла Кадифе, которая присоединилась к (группе) девушек в хиджабах»;

(52) (...) *istihbarat görevlisi Ka'ya dün saat dört civarında nerede olduğunu sordu* (...) «*Şeyh Saadettin Efendi'yi de görmemin iyi olacağını söylemişlerdi*,» *diyordu ki yuvurlak yüzlü sözünü kesti*. «*Hayır, o-ndan önce* (тот-ABL раньше)!» *dedi* «(...) сотрудник спецслужб спросил, где Ка находился вчера около четырех часов. «Мне

сказали, что хорошо будет встретиться с Шейхом Саадеттином Эфенди», – начал было говорить Ка, но круглолицый оборвал его: «Нет, **до того!**».

При том, что в рассматриваемом романе примеры такого рода использования относятся прошлому, в [TSC] присутствует множество примеров сочетаний *ondan önce/sonra* в отношении событий, ожидаемых в будущем (53) и происходящих обычно, регулярно (54):

(53) ⟨...⟩ *gerçeklerle yüz yüze kal-acak-sın o-ndan sonra* (оставаться-FUT-2SG тот-ABL потом) *nasıl yapabilirim diye düşün-ecek-sin* (думать-PUT-2SG) [TSC] ‘⟨...⟩ сначала ты **столкнешься** (букв. ‘останешься’) лицом к лицу с действительностью, а **потом будешь думать**, как ты можешь поступить (букв. ‘как я могу поступить’)’;

(54) *Ama o-ndan sonra ne ol-uyor* (тот-ABL потом что быть-PRS)? [TSC] ‘Но **что происходит после этого?**’

Выводы

1. Местоимение *o* в именной функции является стандартным личным местоимением 3 л. и при этом в нарративном дейксисе чаще используется в отношении лиц.

2. В соответствии с тем, что в прямом дейксисе *o* используется для указания на отдаленные от говорящего объекты, в нарративном дейксисе в адъективной функции *o* используется для указания на пространственно или темпорально отдаленные от момента и места повествования неодушевленные объекты, временные периоды и события в прошлом и будущем, действия, лиц, а также для указания на отстраненность говорящего от них.

III. Местоимение *şu*

Местоимение *şu* использовано в общей сложности 39 раз в именной и адъективной функциях; во всех случаях – в прямой речи персонажей или в обращениях повествователя к читателю, то есть, везде присутствует фактический или виртуальный собеседник.

Трижды *şu* использовано в прямой речи при указании на место, к которому говорящий относит себя и собеседника, и во всех трех случаях *şu* указывает на презрительное отношение к объекту, что особенно очевидно в примере (55), в котором *şu*, в противоположность *bu*, использовано в сочетании с прилагательным ‘проходящий, временный, тленный’:

(55) «*Bana bu dünya-da* (этот мир-LOC), *sizlere de asıl dünya sandığınız şu geçici dünya-da* (*şu* проходящий мир-LOC) *huzur yok artık*» ‘«Теперь мне больше нет покоя **в этом мире, в этом тленном мире**, который вы считаете настоящим»’;

(56) «*Tam dönüyordum ki, Allah seni şu Yeni Hayat Pastanesi’ne* (*şu* Йени Хаят кондитерская-POSS3SG-DAT) *yolladı*» (собеседники находятся в кондитерской; будущий убийца обращается к будущей жертве) ‘Я уже собирался вернуться, но Господь направил тебя **в эту вот кондитерскую «Ени хаят»**’;

(57) «*En sonunda şu zavallı Kars şehr-i-nde* (*şu* несчастный Карс город-POSS3SG-LOC) *yaşayan hepimiz bir gün beraber gideceğiz*» ‘«В конце концов все мы, живущие **в этом несчастном городе Карсе**, содохнем»’.

Уменьшительно-пренебрежительное отношение отчетливо прослеживается при сочетании *şu* с именованиями лиц (5 использований в тексте романа), например:

(58) «*Demecimde herhangi bir değişiklik yapmadan önce şu Hans Hansen’-i (şu Ханс Хансен-ACC) tanımak isterim*» ‘«Прежде чем делать какие-то изменения в моей речи, я хочу познакомиться с этим Хансом Хансеном»’;

(59) «*Aramızdaki yabancı sensin, imanı tam şu kız-cağ-ız-da (şu девушка-DMN-1PL-LOC) farkında olmadan yarattığın şüpheler, tuhaflıklar da bunun kanıtı*» ‘«Из нас иностранец – ты. И подтверждением тому – (все) сомнения, странности, которые ты породил у этой нашей набожной девочки»’;

(60) «*Ayrıca Çarkifelek’te çarkı çeviren gördüğünüz şu boyalı ve geçkin şarkıcı-mız-ın (şu крашенный и немолодой певица-POSS1PL-GEN) idam edilmiş eski dışişleri bakanı Fatih Rüştü Zorlu’nun metresi olduğunu otuz beş yıl önce Ankara’da herkes bilirdi*» ‘«Кроме того, тридцать лет назад все в Анкаре знали, что эта наша крашенная, перезревшая певица, которую вы видели вращающей колесо в “Поле чудес”, – любовница казненного бывшего министра иностранных дел Фатиха Рюшту Зорлу»’.

Дважды *şu* использовано в прямой речи персонажей в отношении заведений, расположенных в находящихся вблизи собеседников зданиях:

(61) «*Dur şu vitrin-ler-e (şu витрина-PL-DAT) bir bakalım*» ‘«Постой, давай посмотрим эти витрины»’;

(62) «*Gel şu çayhane-de (şu чайная-LOC) oturalım, anlatırsın*» ‘«Пойдем посидим в этой чайной, и ты (все) расскажешь»’.

Дважды *şu* использовано в прямой речи в отношении предметов отдаленных от говорящего, но близких к собеседнику. В отличие от значения презрительности (55–60), в примерах (63–64), как и в (61–62), логично предположить, что высказывание сопровождается указательным жестом:

(63) «*Önce şu pencere-yi (şu окно-ACC) aç! Çok kötü kokuyor burası*» ‘«Сначала открой это окно! Здесь ужасно воняет»’;

(64) «*Akşamları iftardan sonra sohbet etmek isteyen herkes sedirin seni oturttuğum şu köşe-si-ne (şu угол-POSS3SG-DAT) oturur,*» dedi Şeyh ‘«По вечерам после разговора каждый, кто хочет побеседовать, садится на диван в этот уголок, куда я тебя усадил», – сказал Шейх’.

Дважды *şu* использовано в прямой речи в отношении мелких объектов, перемещаемых говорящим в направлении к собеседнику, то есть выводимых им из своего личного пространства:

(65) «*Oku şu-nu (şu-ACC) bakalım*» (протягивает собеседнику документ) ‘«Прочитай-ка вот это»’;

(66) «*Al şu kâğıd-ı (şu бумага-ACC) idam kararını oku bakalım*» ‘«Возьми эту бумагу, прочитай-ка свой смертный приговор»’.

8 раз *şu* использовано с названиями относительно непродолжительных временных отрезков, включающих момент повествования: *şu an* (*şu* момент) ‘в настоящее время’, *şu an-ki* (*şu* момент-ADJ) ‘(происходящий) в настоящее время’, *şu an-da* (*şu* момент-LOC) ‘в настоящее время’, *şu zor gün-ler-imiz-de* (*şu* трудный день-PL-POSS1PL-LOC) ‘в эти трудные дни’, *şu son iki günde* (*şu* последний два день-LOC) ‘в эти последние два дня’.

В современном ТЯ *şu an* является высокочастотным выражением (в [TSC] зафиксировано ок. 18,5 тыс. употреблений в раздельном написании), относящим действие или событие к моменту речи или более длительному периоду, включающему настоящий момент, и переживающим процесс лексикализации, что выражается в попытках слитного написания (зафиксировано в [TSC] более 2300 раз), видимо, по модели слитного написания *bugün* (букв. ‘этот день’) ‘сегодня’. Таким образом, речь идет о формировании нового наречия времени. В отличие от *şu an*, для стандартного *şimdi* ‘сейчас, теперь’ в [TDK] указываются значения непосредственного предшествования моменту речи (синонимы: *az önce* (мало раньше), *demin* ‘чуть ранее, только что’), следования непосредственно за моментом речи (синонимы: *az sonra* (мало потом), *yakın-da* (близкий-ЛОС) ‘чуть позже, скоро’) и значение актуального изменения состояния по сравнению с прежним (синонимы: *artık, bu-ndan böyle* (этот-ABL такой) ‘уже, теперь’). В противоположность *şu an* выражение *bu an* (зафиксировано в [TSC] 188 раз) не находится в процессе лексикализации и его компоненты продолжают сохранять собственное значение, в соответствии с которым *bu* соотносится с текущим (67, 68) и ближайшим последующим моментом (69):

(67) *İşte, bu an o an-dır* (этот мгновение тот мгновение-IND) [TSC] ‘И вот, **настоящий момент** – (именно) **тот момент** (о котором говорилось)’;

(68) *Önceki an bu an-da* (этот момент-ЛОС) *yok ise, bu an* (этот момент) *da sonrakinde olmayacaktır* [TSC] ‘Если предыдущий момент не существует **в данный момент**, то и **данный момент** не будет существовать в следующий момент’;

(69) *Belki bu an* (этот момент) *artık fazla uzak değil* [TSC] ‘Возможно, (до) **этого момента** (осталось) не так уж долго’.

В наибольшем количестве употреблений в романе (17 раз) *şu* использовано для указания на последующее сообщение (постцедент):

(70) «⟨...⟩ *önce birbirlerine şu söz-ü* (*şu* слово-ACC) *verdiler: Kim ölürse ölsün* ⟨...⟩» ‘⟨...⟩ дали друг другу **такое обещание**: Кто бы ни умер первым ⟨...⟩’;

(71) «⟨...⟩ *ama şu-nu kafa-n-a koy* (*şu*-ACC голова-POSS2SG-DAT положи), *ben profesör değilim, ama bu konuda senden çok okudum*» ‘⟨...⟩ но запомни **вот что**: я не профессор, но прочитал об этом больше тебя’.

Использование *şu* для указания на постцедент, по всей видимости, является лишь формирующейся нормой ТЯ. В литературных произведениях и газетных текстах середины XX в., например, в романе Сабахаттина Али «Мадонна в меховом манто» [Sabahattin Ali 1943: 72–73]; в газетах «Zaman» и «Akşam» за 1934–35 гг., присутствует фразеологизм *şu hal-de* (*şu* состояние-ЛОС) ‘в таком случае, раз так’. В романе Сабахаттина Али – 8 раз из 27 использований *şu* встречается в разных падежных формах:

(72) «*Uzak değilmiş!.. Şu halde yarın öğleden sonra gelin beni buradan alın!*» ‘«Оказывается, (это) недалеко! **В таком случае** приезжайте завтра после обеда и заберите меня отсюда»’;

(73) *Maria hiç beklemediğim bir cevap vermişti: «Şu halde niçin beni kıskanmadığınızı söylüyordunuz?»* ‘Мария дала ответ, которого я никак не ожидал: «**В таком случае** почему вы говорили, что не ревнуете меня?»’ и др.

Словосочетание *şu halde* приводится в [TDK] в указанном выше значении. В [TSC] имеется более 400 примеров его использования, из которых только око-

ло 20 – в прессе и научных трудах. Остальные примеры по стилистике близки к разговорному языку, и в них *şu halde* использовано не только в указанном выше фразеологизированном значении (75), но и с сохранением компонентами собственных значений (76, 77) с указанием с помощью *şu* не на последующую, а на приведенную ранее информацию:

(75) *Şu halde bu ayrılık niçin?* ‘(А) раз так, к чему это расставание?’;

(76) *⟨...⟩ belki şu halde kalsa iyi olacak* ‘⟨...⟩ может быть, лучше, чтобы все осталось так, как есть (букв. ‘в настоящем положении’)’;

(77) *Beni şu halde görse diye düşünüyorum* ‘Я думаю, вот бы он увидел меня таким, какой я сейчас (букв. ‘в настоящем положении’) (о покойном).

Выводы

1. Наиболее часто местоимение *şu* используется в романе в анафорической функции для указания на постцедент, что признается нормой для современного литературного языка.

2. В других функциях *şu* используется редко – в качестве литературного приема и только в прямой речи.

3. В прямой речи персонажей романа, как и в ситуации прямого дейксиса, *şu* указывает на относительную близость к говорящему объекта, не включаемого им в личное пространство, или используется для выражения стремления говорящего отдалить от себя нежелательный объект.

4. *Şu* может информировать об уменьшительно-пренебрежительном отношении говорящего к объекту любого типа.

5. При использовании *şu* в сочетании с наименованием текущего временного отрезка образуются фразеологизмы, в рамках которых собственная семантика этого местоимения фактически утрачивается.

6. Обязательность указательного жеста при использовании *şu*, приводимая в [Науазі, Özsoy 2015: 393] (*bu* – 5%, *şu* – 0%, *o* – 39,5%), распространяется только на прямой пространственный дейксис, так как жестом не сопровождаются высказывания, содержащие уменьшительно-пренебрежительную оценку крупных пространственных объектов и не присутствующих лиц, а также сочетания *şu* с наименованиями временных периодов.

Заключение

1. Функции местоимений *bu*, *şu*, *o* в нарративном дейксисе непосредственно связаны с их функциями в прямом пространственном дейксисе:

– *bu* используется повествователем для указания на близость объекта или временного отрезка к персонажу и расположение в поле его зрения;

– *o* используется повествователем для указания на отдаленность объекта или временного отрезка или отстраненность персонажа от них;

– *şu* используется повествователем двояко: во-первых, с целью создания эффекта прямого диалога для указания на средне-удаленный от персонажа объект, уменьшительное или пренебрежительное отношение персонажа к объекту, стремление говорящего отдалить от себя некий объект; во-вторых, для указания

на постцедент в соответствии с нормами литературного языка. С названиями временных интервалов *şu* становится компонентом фразеологизма и утрачивает собственную семантику.

2. Указание на антецедент с помощью местоимения *bu* и на постцедент с помощью местоимения *şu* является современной нормой официального, медийного, технического, юридического стилей турецкого литературного языка, однако не распространяется на разговорный язык.

3. В языке художественной литературы наблюдается смешение дейктических и анафорических функций местоимений *bu*, *şu*, *o*.

Глоссы

AVIL – модальность возможности;	LOC – местный падеж;
ABL – отложительный падеж;	NEG – отрицание;
ACC – винительный падеж;	PASS – пассивный залог;
ADJ – показатель имени прилагательного;	PL – множественное число;
AOR – настоящее-будущее время;	POSS – possessивный показатель;
CAUS – понудительный залог;	PRS – настоящее время;
DAT – дательный падеж;	PST – прошедшее время;
DMN – уменьшительный показатель;	REFL – возвратный залог;
EXS – показатель, указывающий на наличие признака;	SG – единственное число;
FUT – будущее время;	1 – первое лицо;
GEN – родительный падеж;	2 – второе лицо;
IND – изъявительное наклонение;	3 – третье лицо.

Источники

- Orhan Pamuk 2021 – *Orhan Pamuk*. Kar. – Yapı Kredi Yayınları, 2021. – 460 s. {*Orhan Pamuk*. Snow. – Yapı Kredi Yayınları, 2021. – 460 p.}
- Sabahattin Ali 1943 – *Sabahattin Ali*. Kürk mantolu Madonna. – Yapı Kredi Yayınları, 2022. – 160 s. {*Sabahattin Ali*. Madonna in the fur coat. – Yapı Kredi Yayınları, 2022. – 160 p.}

Литература

- Апресян 1995 – *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. – Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 629–650. {*Yu.D. Apresyan*. Deixis in vocabulary and grammar and the naive model of the world // *Yu.D. Apresyan*. Selected Works. – Vol. 2. – Integral description of the language and systemic lexicography. – Moscow: Jazyki russkoy kultury, 1995. – PP. 629–650.}
- Напольнова 2012 – *Напольнова Е.М.* Временные представления в рамках турецкой языковой картины мира // *Российская тюркология* 2012. – № 1 (6). – С. 23–43. {*Е.М. Napolnova*. Time in the Turkish linguistic worldview // *Russian Turkology*. – 2012. – No. 1 (6). – PP. 23–43.}
- Напольнова 2014 – *Напольнова Е.М.* Указательные местоимения в турецком языке // *Урал-алтайские исследования*. – 2014. – № 1 (12). – С. 67–74. {*Е.М. Napolnova*. Demonstrative pronouns in Turkish language // *Ural-Altaic Studies*. – 2014. – No. 1 (12). – PP. 67–74.}
- Щека 1996 – *Щека Ю.В.* Интенсивный курс турецкого языка. – М.: Изд-во Московского университета, 1996. – 304 с. {*Yu.V. Shcheka*. Intensive Turkish language course. – Moscow: Moscow University Press, 1996. – 304 p.}
- Hayasi, Özsoy 2015 – *Hayasi T., Özsoy A.S.* Şu or bu/o: Turkish nominal demonstratives with concrete referents // *Ankara Papers in Turkish and Turkic Linguistics* / Eds. D. Zeyrek, Ç.S. Şimşek, U. Ataş, J. Rehbein. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2015. – PP. 389–401.

- Sağın-Şimşek, Rehbein, Babur 2009 – *Sağın-Şimşek Ç., Rehbein J., Babur E. İşlevsel edimbilim yöntemiyle metin içinde gösterme alanının incelenmesi // Dilbilim Araştırmaları. – 2009. – No. 2. – S. 1–16. {Ç. Sağın-Şimşek, J. Rehbein, E. Babur. The Analyse of the field of representation in the text with the method of functional pragmatics // Linguistics Studies. – 2009. – No. 2 – PP. 1–16.}*
- TDK – Материалы официального сайта турецкого лингвистического общества (Türk Dil Kurumu) [Электронный ресурс]. – URL: www.tdk.gov.tr. {Materials of the official website of the Turkish Linguistic Society [E-source]. – URL: www.tdk.gov.tr.}
- TSC – Корпус турецкого языка [Электронный ресурс]. – URL: tscorpus.com). {Turkish Corpus [E-source]. – URL: tscorpus.com}

The using of Turkish demonstrative pronouns in a literary text (based on O. Pamuk's novel "Snow")

E.M. Napolnova

Moscow

Summary: In the text of a literary work the demonstrative pronouns *bu*, *şu*, *o* are used in narrative deixis with respect to inanimate objects in order to indicate their position in relation to the characters and the attitude of the characters to them; in relation to persons – to characterize the attitude of characters towards them, which corresponds to the peculiarities of their use in direct deixis. The use of *şu* can be found in a limited number of examples where it creates the effect of a direct dialogue. With the names of time intervals, *şu* actually loses its own semantics. When used anaphorically, referring to the antecedent with the pronoun *bu* and the postcedent with *şu*, is considered the norm in modern Turkish, but this provision only applies to the official style and does not apply to the spoken language.

Key words: demonstratives, demonstrative pronouns, Turkish, narrative deixis, novels, literary Turkish.

Elena Markovna Napolnova – Ph.D. in philology, senior lecturer at the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, senior researcher at the Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences, e-mail: elenapolnova142@mail.ru.

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ СИНГАРМОНИЗМА И СЛОВЕСНОГО УДАРЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ТУРКМЕНСКОГО И НЕКОТОРЫХ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ)

А. Нурмухаммедов

г. Ашхабад (Туркменистан)

Резюме: Вопрос о взаимоотношении сингармонизма (С) и словесного ударения (СУ) привлекал внимание многих лингвистов. Имеются различные мнения по этому вопросу. Одни рассматривают С как надсегментное явление и ставят его в один ряд с ударением до полного отрицания последнего, а другие считают его сегментным феноменом. В статье доказывается, что С и СУ, взаимодействуя в словах, выполняют различные функции. В туркменском языке С: 1) придает аффиксальным слогам однородный тембр, подобно предыдущему слогу; 2) влияет на появление двухвариантных (-*larl-ler*, -*dyl-di*) и четырехвариантных (-*uml-iml-uml-ïm*) типов аффиксов многосложных слов; 3) не действует в нарушенных и заимствованных словах. СУ: 1) выделяя более важные слоги простых и сложных слов, объединяет слоги в лексически единое целое; 2) различает более десяти омонимичных пар аффиксальных морфем; 3) действует во всех словах и организует их в единое целое.

Ключевые слова: слог, слово, сингармонизм, словесное ударение, взаимоотношение, туркменский язык.

I. Общие теоретические основы С

С как один из основных просодических явлений тюркских слов, в том числе и туркменского, находится в тесном взаимоотношении с таким сложным явлением, как ассимиляция звуков и СУ. Изучение их взаимоотношений имеет научное и практическое значение.

Вопросом о взаимоотношении СУ и С в тюркских языках интересовались многие лингвисты. Известно, что первым, кто обратил внимание на особенность С в тюркских языках, был немецкий ученый А. Шлейхер [Schleicher 1850: 63–64], а чуть позже русско-польский ученый И.А. Бодуэн де Куртенэ [Бодуэн де Куртенэ 1876: 322–324]. И.А. Бодуэн де Куртенэ образно изложил акцентно-просодическую значимость С следующим образом: «Гармония гласных в туранских языках служит, так сказать, цементом, соединяющим или связывающим слоги в слова. В арио-европейских языках роль соединения слогов в слова играет прежде всего ударение...» [Бодуэн де Куртенэ 1876: 322–323]. Хочется отметить, что

Нурмухаммедов Аманмухаммет – кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и национальных рукописей им. Махтумкули АН Туркменистана.

в приведенном сравнении ученого роль С в организации слов тюркских языков сильно преувеличена, а роль СУ снижается почти до нуля. Данное интересное утверждение И.А. Бодуэна де Куртенэ, следует сказать, дало творческий импульс многим ученым, в том числе профессорам В.В. Радлову, В.А. Богородицкому, Н.С. Трубецкому, Е.Д. Поливанову, М. Рясену, Н.К. Дмитриеву и др., интересоваться гармонией гласных тюркских языков.

Прежде чем изложить соотношение С и СУ, следует ознакомиться с теоретическими основами сингармонизма, изложенными в научной литературе.

Академик В.В. Радлов, соглашаясь с указанным сопоставительным мнением И.А. Бодуэна де Куртенэ, связывает причину возникновения гармонии гласных с морфологической структурой тюркских слов и отмечает ее выделительную роль в речи [Radloff 1883: 50–51].

Проф. В.А. Богородицкий, изучая структуру слов татарского и некоторых других тюркских языков, заложил теоретическую основу, т. е. «закон гармонии гласных», в своем труде «Введение в татарское языкознание», изданном в 1934 г. (второе изд. 1953 г.). Он, различая два типа гласных – коренные и суффиксальные, пишет: «Тюркские языки характеризуются в области вокализма явлением “гармонии гласных” или сингармонизмом, состоящим приспособлением гласных суффиксальных и флексийных слогов к гласному корня. Поэтому при изучении вокализма татарского языка необходимо считаться с морфологическим моментом, именно – находится ли гласный в корневой морфеме или придаточной» [Богородицкий 1934: 27]. Он также отмечал, что: «В корневой морфеме гласные выступают в бóльшем разнообразии, нежели в придаточных» [Богородицкий 1934: 27], и указал следующие корневые гласные: *a/ä, o/ö, y/ÿ, ы/i*, и два типа суффиксального широкого *a/ä*, узкого *ы/i* гласных [Богородицкий 1953: 121].

Вслед за В.А. Богородицким, проф. Н.С. Трубецкой также различает в своей работе «Основы фонологии» гласные корня и гласные аффиксов тюркских слов. Он, выделяя историческую восьмерку гласных по четырехклассной системе *a/ä, o/ö, u/ü, y/i*, точно определил их фонологические значения: «В тех тюркских языках», – писал он, – «где последовательно осуществляется так называемая “гармония гласных”, приведенная выше система наличествует в полном, т. е. фонологически значимом виде, лишь в первом слоге слова; во всех прочих слогах тембровые противоположения нейтрализуются, и тембровые признаки гласных первого слога в своей реализации равняются на гласный предшествующего слога» [Трубецкой 1960: 118].

Следует отметить, что фонетическое оформление и фонологическое значение корневых и аффиксальных гласных тюркских слов получили яркое освещение в трудах В.А. Богородицкого и Н.С. Трубецкого. Мнение проф. В.А. Богородицкого о том, что: «В корневой морфеме гласные выступают в большем разнообразии, нежели в придаточных морфемах» [Богородицкий 1934: 27] и мнение Н.С. Трубецкого: «Вокализм первого слога богаче вокализма всех прочих слогов» [Трубецкой 1960: 109] подтверждаются и материалами туркменского языка. Хотели бы добавить здесь, что корневые гласные образуют в данном языке четырехклассные системы не только по долготе/краткости их произношений: *a:/ä:, o:/ö:, u:/ü:, y:/i:*, но и по ряду: *a/e, o/ö, u/ü, y/i*, тем самым в восьмиклассной системе различаются 16 гласных фонем. А в аффиксальных морфемах встречаются,

в основном, краткие *a/e*, *y/i* гласные, не имеющие фонематического значения (*u/i* встречаются в меньшей степени).

Классик советской тюркологической школы проф. Н.К. Дмитриев, характеризуя С как один из разновидностей ассимиляции звуков, отмечает значение артикуляционной близости, входящей в состав гармонии гласных, следующим образом: «Законченный звуковой комплекс, обладающий определенным семантическим единством, должен быть выдержан и формальной стороны, т. е. состоять из звуков максимально близких в отношении артикуляции» [Дмитриев 1948: 38].

Итак, вышеизложенные взгляды видных ученых о С, можно сказать, послужили теоретической основой многих научных исследований по этой тематике в тюркологии, в том числе Ф.Г. Исхакова [1955], Г.П. Мельникова [1965], М.А. Черкасского [1965], А. Джунисбекова [1980, 1988], А.А. Ковшовой [1984], А. Нурмухаммедова [2013] и др.

Известно, что СУ также действует в слогах тюркских слов в качестве просодического средства. Оно, выделяя более значимые слоги, объединяет слоги в лексическую единицу – слово. О нем говорили многие видные тюркологи, в том числе М. Ряснен [1955], У.Ш. Байчура [1961], В.О. Аракин [1984], С.К. Кенесбаев [1962] и др. Исходя из такого понимания, перед исследователем стоит задача определить соотношения СУ и С в тюркских языках: являются ли они одинаково важными или выполняют различные функции в оформлении слов.

Следует отметить, что вышеуказанное мнение И.А. Бодуэна де Куртенэ и В.В. Радлова о том, что: «С в тюркских языках играет роль в слове такую же, как СУ в европейских языках и организует слово» нашло свою поддержку в работах Ф. Кязимова [1954], А.А. Реформатского [1966], В.А. Виноградова [1966], А. Джунисбекова [1980, 1988] и некоторых других ученых.

Казахский ученый А. Джунисбеков в своей книге «Сингармонизм в казахском языке», критически анализируя исследования по СУ и С тюркских языков, сделал спорный вывод о том, что: «Словесное ударение и сингармонизм выполняют одни и те же функции (<...> Функциональная идентичность сингармонизма и словесного ударения исключает наличие последнего в системе казахского языка» [Джунисбеков 1980: 62, 73]. Позже в своей другой работе он «уверенно» писал о том, что: «словесного ударения как словесной просодии в тюркских языках (и в казахском языке) нет» [Джунисбеков 1988: 17]. Хотелось бы отметить свое сомнение в том, что изложенное выше мнение А. Джунисбекова найдет свое подтверждение в трудах других ученых, так как, по нашему мнению, он сильно преувеличивает роль С и искажает функции СУ в оформлении слов в тюркских языках. Относительно данного вопроса А.А. Ковшова также писала о своем сомнении: «Слоговой характер тюркского слова, а также возможные случаи постановки ударения на предыдущем слоге (ср. башк. *álmady* ‘я не брал’, *baráhyñ* ‘ты идешь’, *bašlájym* ‘я начинаю’, *alažáqmyn* ‘я возьму’, *bašqórtsa* ‘по-башкирски’, *alyánsa* ‘прежде чем взять’, *alyándyr* ‘взял должно быть’, *χátta* ‘даже’, *čónki* ‘потому что’ и т. д.) позволяют усомниться в правильности точки зрения, согласно которой вообще отрицается наличие ударения в тюркском слове на основании функциональной идентичности сингармонизма и словесного ударения» [Ковшова 1984: 439]¹.

¹ Орфография башкирских слов приведена в соответствии с первоисточником – *прим. ред.*

Считаем уместным отметить и взгляд видного ученого Т.А. Бертагаева по вопросу соотношения С и СУ. В статье «Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава» он возражал взглядам И.А. Бодуэна де Куртенэ и его сторонников А.А. Реформатского и В.А. Виноградова, считавших С суперсегментным, сыгравшим в тюркских языках «словоорганизирующую» роль. Он уверенно писал: «Сингармонизм не является суперсегментным ни по своей акустико-физической природе, ни функционально» [Бертагаев 1968: 107]. В конце статьи Т.А. Бертагаев, говоря о меньшей степени разграничительной функции С отмечает: «основным средством разграничения слов является значение, а в качестве вспомогательного пограничного сигнала используется синтаксическое поведение слова в словосочетании, дистрибуция грамматических форм, отдельные фонетические факторы (...) Все это исключает роль сингармонизма как разграничительного средства в линейном ряду слов и сводит к минимуму его делимитативные функции» [Бертагаев 1968: 111]. Эти доводы ученого убеждают нас в правильности его позиции.

Рассматривая взаимоотношения СУ и С в узбекском языке, ученый А. Махмудов также приходит к однозначному выводу о важном значении СУ для узбекского языка и пишет: «Поэтому есть все основания не рассматривать ударение в одной плоскости с сингармонизмом, а определить его как важнейшее суперсегментное явление в узбекском литературном языке» [Махмудов 1985: 294].

О тесной связи С с аффиксами в тюркских языках, кроме В.А. Богородицкого и Н.С. Трубецкого, говорили также Т.А. Бертагаев, Э.Р. Тенишев и др. Каждый из них вносил определенный вклад в полную характеристику С. Так, Т.А. Бертагаевым отмечено, что: «Сингармонизм предполагает минимум два слога. Только агглютинация – две и более морфемы – могла способствовать появлению сингармонизма на основе прогрессивной ассимиляции звуков» [Бертагаев 1965: 136].

Проф. Э.Р. Тенишев, обращая внимание на распространение палатального и губного С в тюркских языках, правильно характеризует их таким образом: «Гармония гласных наиболее полно проявляет себя только в ряду не губных. Характерную черту этих языков составляет губная гармония, сила которой падает от языка к языку» [Тенишев 1965: 129]. Данное мнение проф. Э.Р. Тенишева подтверждается и материалами туркменского языка (о них речь будет идти ниже).

Анализируя взгляды вышеназванных ученых о взаимоотношениях С и СУ в тюркских языках, а также учитывая их функционирование в словах туркменского языка, мы убедились в том, что С как сегментное (линейное) явление, а СУ как суперсегментное средство действуют в словах взаимосвязанно и выполняют различные функции, о чем речь будет идти ниже.

II. О нарушениях С в туркменском языке

Палатальный и лабиальный С резко отличаются друг от друга по распространению в многосложных словах в туркменском языке. Палатальная гармония более стабильна и охватывает все слоги многосложных слов с отдельными исключениями. Губная гармония характеризуется менее стабильными и изменчивыми свойствами. Она действует, в основном, до второго слога (здесь не имеются в виду отдельные диалектные данные). Учитывая их особенность, мы посчитали удобным остановиться на них по отдельности.

1. Нарушения палатальной гармонии гласных можно наблюдать в письменных текстах, отдельных аффиксальных морфемах, сложных и заимствованных словах. Нам было интересно узнать, прежде всего, о степени нарушения палатальной гармонии в текстах с различным содержанием, а именно из художественного (Б. Кербабаев [1992] и Ч. Ашыр [1980]), филологического ([Түркмен дилиниң грамматикасы 1999] и [Түркмен эдебиятының тарыхы 1975]), а также физико-технического ([Өкдиров, Гулмажов 2001]) жанров литературы. Проведенные статистические анализы показали, что нарушения палатального С в текстах художественной литературы составляют около 4-5%, в текстах филологической науки – около 10%, а в текстах физико-технического направления – более 15% от общего количества посчитанных слов. Эти данные свидетельствуют о том, что нарушения палатального С чаще (больше) встречаются в текстах научной литературы, чем в текстах художественного стиля, который является близким к простонародной речи.

2. В настоящее время в туркменском языке употребляются более сорока **одновариантных с точки зрения твердости-мягкости морфем** (префиксы, суффиксы и частицы), не гармонирующих с коренными гласными слов. Некоторые примеры: *bi*⁻² (*bitarap* ‘нейтральный’), *-da:n* (*küldä:n* ‘пепельница’), *-da:r* (*minnetdä:r* ‘признательный’), *-gä:r* (*yadygä:r* ‘память, на память’), *-ho:r* (*parahò:r* ‘взяточник’), *-ha:na* (*dellekha:nà* ‘парикмахерская’), *-ja:n* (*Enejä:n* ‘женское имя’), *-jagaz* (*güljagáz* ‘цветочек’), *-keş* (*su:ratkêş* ‘художник’), *-kä:r* (*jogapkä:r* ‘ответственный’), *-ok* (*bilenök* ‘не знает’), *-na:ma* (*meýilna:mà* ‘план’), *-paraz* (*milletparáz* ‘националист’), *-wa:ç* (*yelpewä:ç* ‘вентилятор’), *-ha:n* (*Beghän* ‘мужское имя’), *-wer* (*duruwêr* ‘стой же’) и т. д. Большинство таких морфем являются арабо-персидскими по происхождению.

3. Нарушение палатального С часто наблюдается в сложных словах (как общих, так и в собственных именах). Примеры: *birà:z* ‘немного’, *gönüburçlük* ‘прямоугольник’, *günebakâr* ‘подсолнух’, *gündogâr* ‘восток’, *ilkagşam* ‘ранний вечер’, *itburün* ‘шиповник’, *o:tluçöp* ‘спичка’, *Ogulgerék* ‘женское имя’, *Atageldi* ‘мужское имя’ и т. д.

4. Нарушение палатальной гармонии гласных встречается больше в заимствованных словах из арабо-персидских и европейских языков. Некоторые примеры: *etrà:p* ‘район’, *wela:yât* ‘область’, *edebiyâ:t* ‘литература’, *kità:p* ‘книга’, *tebi:gât* ‘природа’, *serdä:r* ‘вождь’, *tèhnika*, *fizika*, *telefòn* и т. д.

5. О нарушениях губной гармонии гласных можно отметить следующее. По своему действию в словах губная гармония отличается от палатальной сложностью, меньшей устойчивостью и многовариантностью. Ее характер зависит, прежде всего, от качества гласных (широких губных *o*, *ö* и узких губных *u*, *ü*) в словах. По правилу написания слов туркменского литературного языка, широкие губные гласные *o*, *ö* пишутся лишь в первом слоге слов. Это обстоятельство

² Оформление языкового материала несколько отличается от транскрипции, основанной на принятой в тюркологических работах [СИГТЯ 1984]. Используется принятая в работах современных туркменских лингвистов латинская графика. Здесь означают соответственно: ç – ч, ž – ж, j – ж, ñ – н, ş – ш, ý – ü, g – ç ([g~ç~y]). Помимо этого, долгота передается знаком МФА <ː>, ударение – надстрочным <'>.

свидетельствует о том, что широкие гласные *a*, *e* второго слога не огубляются под влиянием губных гласных первого слога слов, т. е. они не гармонируют с губными гласными первого слога. Некоторые примеры: *o:badá* 'в селе', *döwlet* 'государство', *çopán* 'пастух', *Orá:z* 'мужское имя', *döwrá:n* 'счастливое время', *oglanlár* 'ребята', *tüwelemé* 'молодец', *togalák* 'круглый', *kölegé* 'тень', *köçé* 'улица', *köçedé* 'на улице', *kömelék* 'гриб' и т. д.

Узкие губные гласные *u*, *ü* пишутся в первом и во втором слогах слов по правилу написания слов. В данном случае исторические узкие гласные *y*, *i* второго слога под влиянием губных гласных первого слога, гармонируя, образуют губной С. Некоторые примеры: *bulüt* 'облако', *sülgün* 'фазан', *bürgüt* 'орел', *üzüm* 'виноград', *üzümçilik* 'виноградарство', *o:dün* 'дрова', *ösümlük* 'растение', *gurluşyk* 'строительство', *gurultáy* 'съезд' и т. д.

Здесь следует отметить два случая нарушения губной гармонии. Огубление не происходит у:

1) узких кратких гласных *y*, *i* в конечном открытом слоге слов: *durdý* 'он остановился', *Durdý* 'мужское имя', *uly* 'большой', *gu:ry* 'сухой', *süri* 'стадо', *gördi* 'он увидел', *ö:zi* 'он сам', *çünkü* 'потому что' и т. д.;

2) узких долгих *y*, *i*: в середине слов: *yogy:n* 'толстый', *uzu:n* 'длинный', *üçi:n* 'для', *müdi:r* 'заведующий', *meniñ guzy:m* 'мой ягненок', *seniñ süri:ñ* 'твое стадо' и т. д.

III. Некоторые общие черты С и СУ

Они состоят из следующих признаков:

1. С, как правило, характеризуется особенностями произнесения гласных в двух и более сложных слов. СУ также характеризуется особенностью выделения гласного одного из слогов двух и более сложных слов. Следовательно, общим для С и СУ является их действие в словах, состоящих из двух и более слоговых структур.

2. С, окрашивая гласные многосложных слов одним из тембров (твердым, мягким или огубленным), участвует в разграничении их в речи. Некоторые примеры: *atá* 'отец', *ené* 'мать', *ini* 'младший брат', *aldylár* 'они взяли', *geldilér* 'они пришли', *bulüt* 'облако', *kümüş* 'серебро' и т. д. Ударение, выделяя конечный слог слова, также участвует в разграничении их в речи. Примеры: *galám* 'карандаш', *sygyr* 'корова', *yigit* 'парень', *gurşun* 'свинец', *kümüş* 'серебро', *üzüm* 'виноград', *öküz* 'бык', *aldylár* 'они взяли', *geldilér* 'они пришли' и т. д.

3. С, организуя многосложные слова с однородными гласными, придает им тембральную целостность. Например: *atadá* 'у отца', *enedé* 'у матери', *(onuñ) sygyrý* '(его) корова', *(onuñ) inisi* '(его) младший брат' и т. д. Ударение тоже, организуя слабые и сильные слоги многосложных слов, превращает их в лексически понятные слова. В каждом слове, как правило, имеется одно основное ударение, и оно придает слову целостность. Например: *bardylár* 'они пошли (уехали)', *bá:rdylar* 'они были', *geldilér* 'они приходили (пришли, приехали)', *gèlmediler* 'они не приходили (не приехали)' и т. д. Следовательно, С и СУ оба придают словам целостность, но по-разному.

IV. Основные просодические различия С и СУ

Они состоят, в основном, из следующих:

1. Проведенные нами экспериментально-фонетические исследования показали, что СУ в туркменском языке, по своим фонетико-морфологическим и акустическим признакам является тонально-динамическим, одноместным и надсегментным средством [Nurmuhammedow 2012: 247–248; Nurmuhammedow 2019: 397–398]. Оно ярко выражается в парадигматическом плане в словах. С по своему характеру является сегментным (линейным) явлением, действующим по закону прогрессивной ассимиляции от первого слога на последующие слоги по артикуляционному укладу гласных.

2. С различает гласные первого и последующих слогов слова. Он характеризует гласный первого слога как основной, влияющий, а последующие – как зависимые, придаточные. СУ не различает расположение слогов в слове. Оно может падать на последний и предыдущие слоги. Сравните: *bardý* ‘он ходил туда’, *bà:rdý* ‘он был (находился) там’, *aldý* ‘он брал (взял)’, *almàdy* ‘это было яблоко’, *àlmady* ‘он не брал’, *geldilèr* ‘они пришли (приходили, приехали)’, *gèlmediler* ‘они не приходили (не пришли, не приехали)’ и т. д.

3. С, характеризуя гласные многосложных слов одним из тембров (твердым, мягким или огубленным), придает им внешний монотонный облик. СУ объединяет слоги слова на основе их значений. Менее значимые, т. е. слабые, слоги объединяются вокруг более важных, ударных слогов, образуя единство слова, выражающего конкретный смысл. Итак, в организации слов СУ выполняет основную функцию. Это более заметно в условиях, где нарушается С, и в словах, различающихся по изменению места СУ.

4. С образует твердые, мягкие и огубленные тембровые варианты аффиксальных морфем. В туркменском языке образуются двухвариантные (*-lar/-ler*, *-da/-de*, *-ýa:r/-ýä:r*, *-çy/-çi*, *-my/-mi*, *-da:ky/-dä:ki*) аффиксы на основе палатальной гармонии, а четырехвариантные (*-ym/-im/-um/-üm*, *-yň/-iň/-uň/-üň*, *-yp/-ip/-up/-üp*, *-lyk/-lik/-luk/-lük*, *-dyr/-dir/-dur/-dür*, *-dyk/-dik/-duk/-dük*, *-myş/-miş/-muş/-müş*) аффиксы на основе палатально-губной гармонии. СУ не образует подобные аффиксальные варианты.

5. С не выделяет особо один из слогов многосложных слов, а СУ, выделяя один из слогов слова, усиливает его акустические структуры (высоту, интенсивность) и тем самым делает речь выразительной, понятной. Некоторые примеры: *atadà* ‘у отца’, *atà-da* ‘и отец тоже’, *okajàk* ‘читающий’, *okàmajak* ‘не читающий’ и т. д.

6. С не различает аффиксальные морфемы по смыслу, а СУ различает их. Нами определено, что в туркменском языке различаются 12 пар аффиксальных морфем с ударным и безударным положениями [Nurmuhammedow 2012: 103–106]. Некоторые примеры:

-màl/-mè (аф. имени/действия) и *-mal/-me* (аф. отриц. формы глаг.): *almà* ‘яблоко’ – *àlma* ‘не бери’; *seçmè* ‘оружейная дробь’ – *seçme* ‘не рассыпай’;

-dàl/-dè (аф. дат.-вр. пад) и *-da/-de* (частица): *atadà* ‘у отца’ – *atà-da* ‘и отец тоже’, *enedè* ‘у матери’ – *enè-de* ‘и мать тоже’;

-dýl/-dì (аф. гл. прош. вр.) и *-dy/-di* (аф. сказуемости): *durdý* ‘он стоял’ – *dù:rdy* ‘кажется, он стоял’;

-çàl/-çè (аф. умен. – ласк. степень сущ.) и *-ça/-çe* (аф. нареч.): *ha:lyçà* ‘коврик’ – *ha:lyça* ‘чем ковер’;

-gün/-gün/-gün/-gün (аф. обр. сущ.) и *-gyn/-gin/-gun/-gün* (аф. побуд. форм. гл.): *uçgün* ‘искра’ – *uçgun* ‘летай же’, *gyrgyn* ‘повальная гибель’ – *gyrgyn* ‘истребляй же’ и т. д.

-dýr/-dir (аф. повел. нак.) и *-dýr/-dir* (аф. сказуемости): *atdýr* ‘прикажи стрелять’ – *atdýr* ‘наверно (кажется) был конь’ [Nurmuhammedow 2012: 103–106] и т. д.

7. С действует в словах независимо от их принадлежности к частям речи. А для СУ же имеет значение принадлежность слов к частям речи, так как место ударения в словах меняется в зависимости от частей речи в туркменском языке. Их можно разделить на три группы:

1) часть речи, в которой СУ падает на последний слог слова. К ним относятся имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, имя действия и глагольные основы. Примеры: *bayram* ‘праздник’, *gyzyl* ‘красный’, *otuz* ‘тридцать’, *okuw* ‘учеба’, *i:şle* ‘работай’, *barada* ‘о нем, о ней’;

2) часть речи, в которой СУ падает на последний и не последний слог слова в зависимости от их содержания. К ним относятся: звукоподражательные, местоименные, модальные слова, наречия, междометия и союзы. Некоторые примеры: *neme* ‘тот, как его; как это’, *näme* ‘что’, *hacan* ‘когда’, *zöwwe* ‘моментально, быстро’, *derrrew* ‘быстро’, *ha:lyça* ‘коврик’, *ha:lyça* ‘как ковер, по сравнению с ковром’, *emma* ‘но, однако’, *yö:në* ‘однако’ и т. д.;

3) к безударным частям речи относятся частицы типа *-al-e*, *-dal-de*, *-bal-be*, *-lal-le* и т. д. Некоторые примеры: *öl-a gelmedi* ‘а он не пришел, он же не пришел’, *günbe-gün* ‘день за днем’, *atá-da* ‘и отец’, *enë-de* ‘и мать’ и т. д.

Нами определено также наличие более сорока окончаний, не принимающих СУ в туркменском языке [Nurmuhammedow 2012: 84–89]. Все эти факты ярко свидетельствуют о функционировании СУ в данном языке.

8. С не действует в словах с нарушением гармонии гласных, а также во многих сложных и заимствованных словах, а СУ служит в указанных типах слов единственным важным организующим средством, выражающим в словах конкретный смысл. Некоторые примеры: *agşama:ra* (< *agşam* + *a:ra* ‘вечерком’), *günebakar* (< *güne* + *bakar* ‘подсолнух’), *gündogar* (< *gün* + *dogar* ‘восток’), *itburun* (< *it* + *burun* ‘шиповник’), *Ha:ngeldi* (< *ha:n* + *geldi* ‘мужское имя’), *bi:tarap* (< *bi*+*tarap*, ‘нейтральный’), *nä:dogry* (< *nä*+*dogry*, ‘неправильный’), *tebigat* ‘природа’, *serda:r* ‘вождь’ и т. д.

9. С действует только в простых многосложных словах. СУ действует не только в простых, но и сложных словах, синтагмах и фразах как организующее и разграничивающее их средство.

10. С, по нашему убеждению, не имеет связи с фразовой интонацией. А СУ имеет тесную связь с фразовой интонацией и является одной из ее составных частей. Синтагматическое и логическое ударения, входящие в состав интонации, образуются с усилением СУ.

11. Из теории С нам было ясно, что он не действует на количественные характеристики гласных не первых слогов слова. А для выяснения степени влияния СУ на длительность гласных в словах необходимо было провести экспериментальные записи двух или трехсложных слов: *almá* ‘яблоко’, *álma* ‘не бери’; *seçme* ‘оружейная дробь’, *seçme* ‘не рассыпай’; *düzgün* ‘порядок’, *düzgün* ‘составь, сочини’; *düşekçe* ‘матрас’, *düşekçe* ‘как матрас’; *gowurma* ‘жареное мясо’, *gowurma*

‘не жарь’ и т. д. Были проведены записи четырех дикторов. Полученные данные из осциллограмм слов по длительности гласных показали следующие результаты:

1) в двусложных словах с ударением на последнем слоге средняя длительность гласных составила в I-м слоге 86 м/сек, во II-м слоге – 91 м/сек. Их относительная длительность по отношению друг к другу была равна 1:1 ритмической структуры;

2) в двусложных словах с ударением на первом слоге средняя длительность гласных в I-м слоге была 88 м/сек, во II-м слоге – 73 м/сек. Их относительные значения друг к другу образуют 1,2:1 структуры [Nurmuhammedow 2012: 210; 2019: 331];

3) в трехсложных словах с ударением на последнем слоге средняя длительность гласных на I-м слоге составила 67 м/сек, во II-м – 58 м/сек, на III-м – 132 м/сек. Их относительная длительность друг к другу составила 1,2:1:2,3 структуры. Она показывает, что длительность предударной гласной короче остальных;

4) в трехсложных словах с ударением не на последнем слоге средняя длительность гласных на I-м слоге составила 65 м/сек, на II-м – 65 м/сек, а на III-м – 118 м/сек. Их относительная длительность по отношению друг к другу образовали 1:1:1,7 структуры [Nurmuhammedow 2012: 209; 2019: 321].

Следовательно, результаты сравнения длительности гласных в двух и трехсложных словах с ударением на конечных и не конечных слогах показали, что СУ слабо влияет на длительность ударного слога до степени его выделения.

V. Выводы

Итак, анализируя взаимоотношения С с СУ, можно прийти к следующим выводам:

1. С и СУ не являются одним и тем же фонетическим явлением, выполняющим идентичные функции в туркменском языке. С является сегментным явлением и результатом артикуляционного влияния гласного первого (предыдущего) слога на гласные последующих слогов. СУ, являясь надсегментным средством, выделяет более значимый слог и усиливает его акустические структуры. С и СУ действуют в произнесении слов одновременно и взаимосвязанно. Бывает и так, что при слабом действии одного из них усиливается роль другого в организации слов. К примеру, можно привести следующий факт. Из экспериментальных данных нам известно, что при произнесении слов с идентичными короткими гласными типа: *atadà* ‘у отца’, *enedè* ‘у матери’, *tegelek* ‘круглый’, *sygyr* ‘корова’ конечный ударный слог выделяется очень слабо. Его слышимость в речи почти равняется слышимости предыдущих слогов. Подобные слова различаются и воспринимаются лишь сингармоническими однородными гласными. И, наоборот, в случаях, когда СУ падает не на последний слог указанных типов слов, оно заметно проявляет себя в их организации. Примеры: *atà-da* ‘отец же’, *sygyr-la* ‘оказывается, была корова’, *atdyr* ‘прикажи стрелять’, *atdyr* ‘наверно, был конь’ и т. д.

2. СУ является одним из важных фонетических средств, выполняющим следующие функции: организация слов, на основе выделения важных и слабых слогов по смыслу, превращение слов в лексическое единство, различение аффиксальных морфем по смыслу, а также разграничение слов в речи в туркменском языке.

3. Вышеуказанные сравнения по функциям С и СУ опровергают имеющее место в тюркологии мнение о том, что: «Словесного ударения как словесной просодии в тюркских языках нет».

Литература

- Аракин 1984 – *Аракин В.О.* Ударение // СИГТЯ. Фонетика. – М.: Наука, 1984. {*V.O. Arakin.* Word stress // Comparative historical grammar of the Turkic languages. Phonetics. – Moscow: Nauka, 1984.}
- Байчура 1961 – *Байчура У.Ш.* Звуковой строй татарского языка в связи с некоторыми другими тюркскими и финно-угорскими языками. – Ч. II. – Казань, 1961. {*U.Sh. Baychura.* Phonetics of the Tatar language in connection with some other Turkic and Finno-Ugric languages. – Part 2. – Kazan, 1961.}
- Бертагаев 1965 – *Бертагаев Т.А.* Чередование фонем и сингармонизм в агглютинативных языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965. {*T.A. Bertagayev.* The phonematic interchange and vowel harmony in agglutinative languages // Morphological typology and questions of the language classification. – Moscow–Leningrad: Nauka, 1965.}
- Бертагаев 1968 – *Бертагаев Т.А.* Сингармонизм, ударение и изменение звукового состава // ВЯ. – М., 1968. – № 2. {*T.A. Bertagayev.* Vowel harmony, stress, and changes within the phonetic elements // Questions of Linguistics. – Moscow, 1968. – No. 2.}
- Богородицкий 1927 – *Богородицкий В.А.* Законы сингармонизма в тюркских языках // ВНОТ. – Казань, 1927. – № 6. {*V.A. Bogoroditskiy.* The laws of vowel harmony in the Turkic languages // Bulletin of the Scientific Society of Tatar Studies. – Kazan, 1927. – No. 6.}
- Богородицкий 1934/1953 – *Богородицкий В.А.* Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. – Казань, 1934. – Изд. 2-е: Казань, 1953. {*V.A. Bogoroditskiy.* Introduction to Tatar linguistics in connection with other Turkic languages. – Kazan, 1934. – The 2nd Edition: Kazan, 1953.}
- Бодуэн де Куртенэ 1876 – *И.А. Бодуэн де Куртенэ.* Резья и резьяне // Славянский сборник. – СПб., 1876. – Т. 3. {*I.A. Boudouin de Courtenay.* Resia and Resians // The Slavic Miscellany. – Saint-Petersburg, 1876. – Vol. 3.}
- Виноградов 1966 – *Виноградов В.А.* Сингармонизм и фонология слов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966. {*V.A. Vinogradov.* Vowel harmony and phonology of words: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1966.}
- Джунисбеков 1980 – *Джунисбеков А.* Сингармонизм в казахском языке. – Алма-Ата, 1980. {*A. Djunisbekov.* Vowel harmony in the Kazakh language. – Alma-Ata, 1980.}
- Джунисбеков 1988 – *Джунисбеков А.* Проблемы тюркской словесной просодии и сингармонизм казахского слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1988. {*A. Djunisbekov.* Issues of Turkic word-prosody and the vowel harmony of a Kazakh word: Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1988.}
- Дмитриев 1948 – *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. – М., 1948. {*N.K. Dmitriyev.* Grammar of the Bashkir language. – Moscow, 1948.}
- Исхаков 1955 – *Исхаков Ф.Г.* Гармония гласных в тюркских языках // ИСГТЯ. Ч. 1. Фонетика. – М., 1955. {*F.G. Iskhakov.* Vowel harmony in the Turkic languages // Research on Comparative Grammar of the Turkic Languages. Part 1. Phonetics. – Moscow, 1955.}
- Кенесбаев 1962 – *Кенесбаев С.К.* Фонетика // Современный казахский язык. Фонетика и морфология. – Алма-Ата, 1962. {*S.K. Kenesbayev.* Phonetics // Modern Kazakh language. Phonetics and morphology. – Alma-Ata, 1962.}
- Ковшова 1984 – *Ковшова А.А.* Сингармонизм тюркского слова // СИГТЯ. Фонетика. – М.: Наука, 1984. {*A.A. Kovshova.* Vowel harmony of a Turkic word // Comparative historical grammar of the Turkic languages. Phonetics. – Moscow: Nauka, 1984.}
- Кязимов 1954 – *Кязимов Ф.* Принципы сингармонизма в азербайджанском языке // Известия ОЛЯ АН СССР. – М., 1954. – Т. XIII. – В. 1. {*F. Kyazimov.* Principles of vowel harmony in the Azerbaijani language // Bulletin of the Department of Language and Literature of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow, 1954. – Vol. 13. – Issue 1.}
- Махмудов 1985 – *Махмудов А.* Соотношение сингармонизма, ударения и звукового строя языка // Тюркское языкознание. Материалы III тюркологической конференции. – Ташкент, 1985.

- {*A. Makhmudov*. The correlation of vowel harmony, stress, and phonological structure of a language // *Turkic Linguistics. Proceedings of the III Turkological Conference*. – Tashkent, 1985.}
- Мельников 1965 – *Мельников Г.П.* О взаимоотношении агглютинации и сингармонизма // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965. {*G.P. Melnikov*. On correlation of agglutination and vowel harmony // *Morphological typology and the question of language classification*. – Moscow–Leningrad: Nauka, 1965.}
- Мукашева 1988 – *Мукашева А.С.* Соотношение главного и второстепенного ударений в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук – Алма-Ата, 1988. {*A.S. Mukasheva*. Correlation of the first and secondary stress in the Kazakh language: Ph.D. diss. abstract. – Alma-Ata, 1988.}
- Нурмухаммедов 2015 – *Нурмухаммедов А.* О фонетико-морфологических особенностях словесного ударения в туркменском языке // *Российская тюркология*. – М.–Казань, 2015. – № 1 (12). {*A. Nurmuhamedov*. On phonetic and morphological peculiarities of word stress in the Turkmen language // *Russian Turkology*. – Moscow–Kazan, 2015. – No. 1 (12).}
- Реформатский 1966 – *Реформатский А.А.* Иерархия фонологических единиц и явления сингармонизма // *Исследования по фонологии*. – М., 1966. {*A.A. Reformatskiy*. Hierarchy of phonological units and of phenomenon of vowel harmony // *Research on phonology*. – Moscow, 1966.}
- Рясянен 1955 – *Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков / Пер. с нем. А.А. Юлдашева. – М., 1955. {*M. Räsänen*. Data on historical grammar of the Turkic languages / Translated from German by A.A. Yuldashev. – Moscow, 1955.}
- СИГТЯ 1984 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. – М.: Наука, 1984. {*Comparative historical grammar of the Turkic languages. Phonetics*. – Moscow: Nauka, 1984.}
- Тенишев 1965 – *Тенишев Э.Р.* О связи гармонии гласных с агглютинацией в тюркских языках // Морфологическая типология и проблема классификации языков. – М.–Л.: Наука, 1965. {*E.R. Tenishev*. On the relations between vowel harmony and agglutination in the Turkic languages // *Morphological typology and questions of the language classification*. – Moscow–Leningrad: Nauka, 1965.}
- Трубецкой 1960 – *Трубецкой Н.С.* Основы фонологии. – М.: Изд. иностр. литературы, 1960. {*N.S. Trubetskoy*. Basic phonology. – Moscow: The Publishing House of Foreign Literature, 1960.}
- Черкасский 1965 – *Черкасский М.А.* Тюркский вокализм и сингармонизм. – М.: Наука, 1965. {*M.A. Cherkasskiy*. Turkic vocalism and vowel harmony. – Moscow: Nauka, 1965.}
- Щербак 1970 – *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. {*A.M. Shcherbak*. A comparative phonology of the Turkic languages. – Leningrad: Nauka, 1970.}
- Nurmuhamedow 2012 – *Nurmuhamedow A.* Türkmen dilinde söz basyмы. – Aşgabat: Ylym, 2012. {*A. Nurmuhamedow*. Word stress in the Turkmen language. – Ashkhabad: Ylym, 2012.}
- Nurmuhamedow 2013 – *Nurmuhamedow A.* Türkmen dilinde sözüň singarmonizm hadysasy. – Aşgabat: Ylym, 2013. {*A. Nurmuhamedow*. Phenomenon of word vowel harmony in the Turkmen language. – Ashkhabad: Ylym, 2013.}
- Nurmuhamedow 2019 – *Nurmuhamedow A.* Türkmen diliniň fonetikasy. II kitap. Sözüň fonetik guralyşy. – Aşgabat: Ylym, 2019. {*A. Nurmuhamedow*. Phonetics of the Turkmen language. Vol. 2. Phonetic structure of a word. – Ashkhabad: Ylym, 2019.}
- Radloff 1883 – *Radloff W.W.(F.W.)* Phonetik der nördlichen Türksprachen. – Leipzig, 1883. {*W.W.(F.W.) Radloff*. Phonology of Northern Turkic languages. – Leipzig, 1883.}
- Schleicher 1850 – *Schleicher A.* Die Sprachen Europas in systematischen Übersicht/Uebersicht/. – Bonn, 1850. – VD. 63. – № 64. {*A. Schleicher*. European languages in a systematic review. – Bonn, 1850. – VD. 63. – No. 64.}
- Ашыр 1980 – *Ашыр Ч.* Гарры сердар. Роман. – Ашгабат: Магарыф, 1980. {*Çary Aşyr/owl*. The old chief. A novel. – Ashkhabad: Magaryf, 1980.}
- Кербабоев 1992 – *Кербабоев Б.* Сайланан эсерлер. – Ашгабат: Магарыф, 1992. {*B. Kerbabayew*. Selected works. – Ashkhabad: Magaryf, 1992.}
- Түркмен дилиниң грамматикасы 1999 – Түркмен дилиниң грамматикасы. Морфология. – Ашгабат: Рух, 1999. {*Grammar of the Turkmen language. Morphology*. – Ashkhabad: Ruh, 1999.}
- Түркмен әдебиятының тарыхы 1975 – Түркмен әдебиятының тарыхы. II том. – Ашгабат: Ылым, 1975. {*History of the Turkmen literature. Volume 2*. – Ashkhabad: Ylym, 1975.}
- Өкдиоров, Гулмажов 2001 – *Өкдиоров А., Гулмажов Г.* Электротехниканың назары эсаслары. – Ашгабат: Ылым, 2001. {*Ä. Ökdirow, G. Gulmajow*. Theoretical foundation of electrotechnics. – Ashkhabad: Ylym, 2001.}

**On interrelation of vowel harmony and word stress
(A case study of the Turkmen language and some other languages)**

A. Nurmammedov

Ashkhabad (Turkmenistan)

Summary: The issue of the relationship of vowel harmony (VH) with word stress (WS) has been attracting the attention of many linguists for a long time. There are different opinions on this question. Some consider VH as a super-segment phenomenon and put it on a par with stress until the latter is completely denied, while others consider it to be a segment phenomenon. The article proves that VH and WS, interacting in words, perform different functions. In the Turkmen language, VH: 1) gives the affixed syllables a uniform/an appropriate timbre, following the vowels of preceding syllable; 2) contributes to emergence of the two-variant (*-lar/-ler, -dy/-di*) and four-variant (*-yml/-iml/-uml/-üm*) types of affixes in polysyllabic words; 3) does not work in so-called broken and borrowed words. On the contrary, WS, 1) singling out more important syllables in simple and complex words, combines syllables into a lexically integrated unit; 2) distinguishes more than ten homonymous pairs of affixal morphemes; 3) acts in all words and organizes them into a single unit.

Key words: syllable, word, vowel harmony, word stress, interrelation, Turkmen language.

Amanmuhammet Nurmammedov – Ph.D. in philology, leading researcher of the Magtymguly Institute of Language, Literature, and National Manuscripts, Academy of Sciences of Turkmenistan.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

СКРЫТЫЕ ДЕТИ ЕВЫ: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НАРОДНОЙ ДЕМОНОЛОГИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ¹

Н.А. Маничкин

г. Москва

Резюме: Статья вводит в научный оборот новые материалы, касающиеся народных демонологических представлений в Средней Азии. Это ранее не публиковавшаяся легенда о происхождении албарсты и жез тырмак из рукописи кыргызского сказителя Тоголока Молдо 1929 г. Оригинальная генеалогия демонов отсылает к персонажам семитской мифологии, но входит в противоречие с мусульманской позицией. Автор статьи проводит сравнительный анализ и находит параллели и отголоски представленного нарратива как у этногенетически и исторически связанных с кыргызами тюркских народов, казахов и татар, так и в далекой Эфиопии, где последователи культа зар тоже считают демонические силы скрытыми детьми праматери Евы.

Ключевые слова: албарсты, джинны, религия, демоны, духи, кыргызы, эфиопы, ислам, зар, тюркские народы, Африканский рог, афразийские языки и культуры.

Введение. Из тюркской народной демонологии

Наиболее известным демоническим существом тюркского фольклора можно считать *албарсты* (*албасты*). Этот демон, как явствует из различных материалов, особенно опасен для женщин и младенцев, но иногда нападает также и на мужчин. О нем под разными именами известно в мифологии турок, татар, казахов, башкир, тувинцев, алтайцев, узбеков, туркмен, каракалпаков, кумыков, кыргызов и других тюркских народов. *Албарсты* также знают монголы, белуджи, народы Кавказа и восточные славяне. В русских легендах он известен как *лобаста*, а на Алтае как *алмыс* и *албын* [Маничкин 2020: 149]. Происхождение персонажа теряется во тьме веков, высказываются версии как тюрко-монгольского, так и индоевропейского его происхождения [Басилов 1990: 33; Таказов 2008: 41–43].

¹ Статья публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

У кыргызов и казахов *албарсты* часто описывается как отвратительного вида нагая старуха с острыми когтями и спутанными волосами, которая крадет у роженицы легкие или другие внутренние органы и бежит с ними к воде, а, как только погрузит их в воду, женщина умирает. *Албарсты* могут избивать своими отвисшими грудями людей, причем иногда сообщается, что они имеют не пару грудей, а больше [Диваев 1897/1898]. Во рту *албарсты* носят печать (иногда говорится про монету или листок) с заклинанием, которую можно отнять у демона, что дает власть над ним и превращает владельца этого артефакта в *куучу* – своего рода целителя и экзорциста. Можно в схватке с *албарсты* забрать у него не волшебную печать, а клочок шерсти или одну из его кос – это тоже сделает человека *куучу*, но такой поступок считается более рискованным, поскольку свою косу демон может украсть, а печать с заклинанием не может [Маничкин 2020: 48]. У некоторых тюркских народов сила *албарсты* заключается в магической книге или в гребне для расчесывания волос [Хисамитдинова 2019: 61]. Считается, что *албарсты* боятся металлических предметов, из-за чего в качестве оберегов от них используются ножи и иглы [Ахметьянов 1981: 16–17].

Вероятно, образ *албарсты* как устрашающего вида старухи с отвисшими грудями имеет архаическое тюрко-монгольское происхождение. Примечательно, что в северном Казахстане зафиксировано оригинальное народное представление о подобном образе Иблиса – главы шайтанов в мусульманской демонологии, которого другие мусульмане обычно представляют совсем иначе [Полярков 1891: 38].

Иногда *албарсты* описываются по-другому – как создания, имеющие густую шерсть и могущие превращаться в различные предметы. Их появление в жизни человека, обычно происходящее по ночам, сулит ему дальнейшее столкновение с различными духами и может быть признаком наличия у человека священного шаманского дара (*бакшы касиет*), при этом *албарсты* имеют свои тайные сообщества или даже целые племена и государства, свой язык, свои обычаи и ритуалы [ПМА 2020].

Близок к *албарсты* у кыргызов и казахов образ старухи-вампира *мыстан кемпир* (она же *желмогуз кемпир*), часто выступающей в роли стража миров. Такая старуха может вредить, но может и помогать. Среди других демонических существ стоит назвать вампира *мите*, одноногое чудовище *жалгыз-аяк* и монстра *чаңырак*, оглушающего одиноких путников страшным криком [Маничкин 2020: 150]. Нередко с *албарсты* связывают так называемого *дикого человека*, которого одни относят к разряду *кийиков* (обитателей гор, под которыми подразумевают порой духов, а порой сакральных горных животных) и называют *адам-ноо*, *адам кийик* или *киши кийик* (также *адам-аю*, т. е. человек-медведь), а другие считают его *жез тырмаком*. Относительно кыргызского *жез тырмака* или *казахского жезтырнака* ('медный коготь') данные также расходятся. Его представляют и как живущего в ином мире демона, и как вполне реальное существо из плоти и крови с крепкими (метафорически – металлическими) когтями. Поскольку не только когти, но и нос этого существа может быть сделан из меди или похожего на медь материала, его так же называют *жез тумшук* (кырг. 'медный нос') или *жез кемпир* (кырг. 'медная старуха').

Фольклорную связь *албарсты* и *жез тырмака* с *диким человеком*, а иногда слияние этих образов, ранее отмечали исследователи [Поршнева 2012: 219]. Но

чаще люди все же разделяют *жез тымака* и *адам кийийка*. Последний может быть женского ли мужского пола, покрыт шерстью, ходит на двух ногах, живет в высокогорных и сильно удаленных от людей районах. Нетрудно заметить, что его образ соответствует знаменитому *йети*, так называемому снежному человеку. Моя информантка Д. Давлеталиева, кыргызская шаманка, живущая в Таласской области, считает, что *албарсты* и *адам кийик* – разные существа: «*Албарсты* часто появляется в разных образах в ночи и мучает людей. Его можно также наслать на человека. А *адам кийик* живет в горах, среди диких животных, но он тоже обладает магическими способностями» [ПМА 2015].

Многочисленные сообщения о *диких людях* приводит советский исследователь Б.Ф. Поршнева, который, в отличие от большинства своих коллег, считал *йети* не персонажем фольклора, а реликтовым палеоантропом. Поршнева собрал сведения о нем со всего мира, особое внимание уделив советской Средней Азии, включая Киргизскую ССР. Среди прочего он зафиксировал бытующие и поныне представления, общие для тюрков, монголов, китайцев и тибетцев, о волшебной силе волос *дикого человека*, использовании частей его тела и шкуры в качестве амулетов или ингредиентов для целебных и магических составов [Поршнева 2012: 174–247, 539–546]. В ходе своих полевых исследований в Кыргызстане, Узбекистане и Казахстане мне многократно приходилось слышать истории о встречах с *адам кийиком* и *жез тырмаком*, которые, однако, по словам сельских жителей, показываются людям все реже и реже.

Легенда о происхождении демонов из рукописи Тоголока Молдо

В одной из рукописей кыргызского акына Тоголока Молдо содержится весьма примечательная легенда, повествующая о происхождении *албарсты* и *жез тырмака*. Эта рукопись, названная ее автором «*Бакшылардын ыры жана сөздөрү*» («Слова и песни шаманов»), подставляет собой кыргызский текст, написанный арабицей в 1929 г., тетрадь из 46 страниц, к которой прилагается кириллическая транслитерация оригинального текста, выполненная А. Карасартовым в 1981 г. [РФ ОРП НАН КР, инв. № 77]. Записи Тоголока Молдо можно определить как краеведческий очерк, посвященный его современникам-шаманам (*бакшы*), которых он интервьюировал в ходе своих поездок по родине. Рукопись состоит из трех разделов: первый содержит сведения о черных и белых *бакшы*, второй носит заголовок «*Албарсты менен Жез тырмак*» («*Албарсты* и *жез тырмак*») и рассказывает о происхождении этих существ, а третий раздел посвящен народному календарю и астрологии. Раздел о шаманах стал одной из основ для исторического анализа кыргызского шаманства (*бакшылык*) и описан в монографии автора статьи [Маничкин 2020: 22–39], где можно найти также и записанные Тоголоком Молдо шаманские песни [Маничкин 2020: 240–243]. Раздел же, посвященный демоническим существам, ранее не освещался, а его данные в научный оборот прежде не вводились.

Итак, на страницах 30–36 названной рукописи [РФ ОРП НАН КР, инв. № 77] акын и собиратель фольклора рассказывает о том, как искал и нашел сведения об *албарсты* и *жез тырмаке*. Их изложил ему девяносточетырехлетний старик Чолум (Жолум) из селения Тогуз-Торо, который в свою очередь получил их в молодости от богатого старика по имени Манекей, гостя некоего Кожомолдо, лю-

бывшего устраивать пиршества, участники которых по обыкновению рассказывали старые легенды и делились информацией о необычных происшествиях. Отметив, что теперь *жез тырмак* редко беспокоит людей, и это, видимо, связано с тем, что его «сильно напугали», Чолум изложил рассказанную Манекеем легенду о том, как Адам и Ева («мать Аба») спорили о своих способностях производить детей без участия друг друга. Поспорив, они похитили у неких совокупляющихся людей семя, которое Адам собрал в сосуд, а Ева в хлопок. Из семени, которое собрал Адам, появился пророк Шиш. Шиш или Шис известен как третий сын Адама и Евы, наряду с Каином и Авелем. В Коране он не упоминается, но играет важную роль в «Историях пророков» (*Кисас аль-анбия*) и соответствует библейскому Сифу [Huart, Bosworth 1997: 489–490].

Что касается семени, собранного Евой, то из него родилась двойня: «Старшая была *албарсты*, младшая чудищем *жез тырмак*. И я слышал от богача Манекея, что *жез тырмак* является чудищем. Как говорит пословица, страшен враг, который вышел из близких людей, и страшен иск, предъявленный в своем же селе» [РФ ОРП НАН КР, инв. № 77]. Этим заявлением рассказчик подчеркивает генетическую близость человека и описываемых существ. *Жез тырмак* и *албарсты*, будучи проклятыми Евой, «стали самыми лютыми врагами рода человеческого»: «Им не суждено было есть никакого мяса и хлеба, потому говорят, что *албарсты* пьет кровь, которая бывает у женщин во время месячного цикла. А также она пристаёт к тем женщинам, которые являются грязнулями, не следят за собой, и вследствие того, что к ним пристала *албарсты*, слышал я, у таких женщин случались припадки, мутнели глаза, и появлялось у них бесплодие из-за волшебного языческого заклинания нечестивой *албарсты*, и такие женщины больше не рожают» [РФ ОРП НАН КР, инв. № 77]. Чолум уточнил, что у Евы не было дурных намерений. Сохранив сперму в куске хлопка, она думала, что вырастит себе детей, но «в теплом хлопке сперма скисла, появился нечестивый и зловонный запах, и поэтому ее и прозвали вонючей *албарсты*» [РФ ОРП НАН КР, инв. № 77].

В отличие от *албарсты*, которая старается быть рядом с людьми, чтобы питаться менструальными выделениями женщин, насылать на людей кошмары и провоцировать выкидыши, *жез тырмак* обитает в «безлюдных просторах», где «охотится на животных и людей, выпивая их кровь»: «И если видит одинокого путника или горного козла, то, настигнув его, хватает, выпивает всю кровь, а мясо не трогает, оставляет и уходит». Туши жертв *жез тырмака* остаются бледными и обескровленными. Далее Чолум рассказывает, что видел таких обескровленных животных и следы *жез тырмака*, а также излагает историю встречи охотников с двумя демонницами *жез тырмак*, одну из которых им удалось застрелить, и «нос, ногти обеих рук, ногти обеих ног были у нее из металла, похожего на красную медь, но это не было медью, и мы это видели, когда их срезали и принесли». Ногти эти, виденные Чолумом, когда он был подростком, впоследствии забрал в свою коллекцию редкостей кокандский хан, но о дальнейшей их судьбе ничего не известно [РФ ОРП НАН КР, инв. № 77].

Демоны и монстры Востока: из огня или от Евы?

При том, что изложенная в рукописи Тоголока Молдо легенда, разумеется, представляет собой исламизированную версию генеалогии древних тюркских

персонажей и отсылает к семитской мифологии и космологии (Адам, Ева, пророк Шис), она в то же время входит в не менее очевидное противоречие с арабомусульманскими представлениями, согласно которым разного рода демонические существа (джинны, шайтаны) сотворены Аллахом из огня и никаких общих предков с людьми не имеют. Не только Коран и хадисы, но и мистические суфийские трактаты разделяют «натурфилософию» человека и потусторонних существ, будь это ангелы или джинны, представляющие собой творение из огня (и воздуха), в то время как человек соотносится с глиной и водой. Даже нюансированные подходы, описывающие участие различных стихий в природе человека, не связывают его генеалогию и его природу с джиннами. Например, в известном суфийском трактате андалузского мистика Ибн Араби «Мекканские откровения» (*Kitâb Al-Futūḥât al-Makkiyya*), написанном в XIII в., где говорится о том, что «творение Адама отличалось от творения Евы, сотворение Евы отличалось от сотворения детей Адама, и творение Иисуса, мир ему, было непохоже ни на одно из других», поскольку Адам был сделан из глины, Ева – из ребра Адама, Иисус – из дыхания духа, а дети Адама из «низких вод», подчеркивается, что все ангелы были созданы Творцом так же, как и джинны, отдельно от людей, причем джинны причастны к огненной стихии, каковая и склоняет их к гордыне и непослушанию [López Anguita 2008].

Интересно, что легенды, связывающие демонов и Еву, существуют у других тюркских народов, в частности, у казахов и польско-литовских татар. Последние, по сообщению Т. Нарбутта, верили, что злые духи являются детьми Евы, порожденными ею от Дьявола [Narbutt 1835: 121]. Сюжеты, связывающие происхождение демонов, подземных жителей, троллей, леших и т. п. нечисти от «скрытых детей» Евы (реже речь идет о безымянной девушке или о первой жене Адама – Лилит, известной в Скандинавии как Люси или Кануа), отмечены в Европе, в частности, у германских и финно-угорских народов, а также у славян, включая жителей Карелии и русско-белорусского пограничья (Смоленщина, восток Гомельской и Могилевской областей) [Белова, Кабакова 2015].

Дореволюционные исследователи зафиксировали похожую легенду у северных кыргызов. В ней Ева спрятала от Адама часть своих детей, поскольку устыдилась своей слишком высокой плодовитости. Неясно, были ли это дети, рожденные ею от законного супруга, от Сатаны или порожденные вовсе без участия второй стороны (говорится, что она «родила их в отсутствии мужа»), но Адам, когда узнал о скрытых детях, проклял их, и те стали первыми джиннами [Поярко 1891: 91].

Наиболее близкой к той генеалогии нечисти, которая описывается у Тоголока Молдо, остается демонологическая версия из манускрипта Муллы-Кубея Токпулатова, жителя аула Чар-пулат (Ак-Джарская волость, Ташкентский уезд), опубликованного в конце XIX в. А.А. Диваевым. Здесь также рассказывается о споре Хавы (Евы) с Хазряти-Адамом (пророком Адамом), которые выясняли, от кого из них именно зарождается потомство. В предании, записанном в этой рукописи, Адам не крадет сперму у людей, а использует собственную, которую помещает в стеклянный сосуд. Из него, «когда уже минул условленный срок», вышел живой человек, ставший затем пророком по имени Шиш. Ева использовала нечто (неясно, сперму или нет), «завернутое ею в вату», из чего «живых людей не получи-

лось, а копошилось несколько каких-то живых существ», которых она с презрением бросила на кучу золы. Однако эти существа не погибли, а стали джиннами, *албарсты* и *дивами*. Народ, произошедший таким способом, подчиняется дьявольскому падишаху Даджалу и живет далеко в горах, но «некоторые из них, заблудившись и оставшись живыми, распространили свое потомство, и вот они, встречаясь с людьми, наносят им вред», причем *албарсты* специализируются на насылании бездетности и порче женского здоровья [Диваев 1897/1898].

Неожиданным образом прямая параллель среднеазиатской легенды обнаруживается в далекой Эфиопии, среди приверженцев религиозно-магического культа *зар*, сочетающего в себе арабо-мусульманские, христианские и автохтонные африканские элементы: последователи этого культа одержимы духами *зарами*, приносят им жертвы и прибегают к их помощи. *Заров* обычно рассматривают как разновидность джиннов или шайтанов, и такие параллели проводятся почти везде, где культ *зар* распространен – во многих странах Африки и Ближнего Востока. *Зары*, как считается, вселяются чаще всего в меланхоличных и задумчивых людей, в тех, кто слаб здоровьем или живет в нужде [Голамхосейн 1977: 60–67]. Но иногда, напротив, *зары* выбирают сильных и успешных личностей [Al-Adawi et al. 2001: 49].

Своих избранников *зары*, как и джинны Средней Азии, мучают, атакуют с помощью наваждений, галлюцинаций, кошмаров и судорог. Женщин *зары* часто делают бесплодными. Чтобы избавиться от напастей, с *зарами* нужно заключать договоры и приносить им жертвы, на чем и строится данный культ. Жрецы *баба зар* и *мама зар*, наиболее преуспевшие в общении с потусторонними силами люди, помогают другим, исцеляют и прорицают – во всем этом им помогают те же духи. В Средней Азии бытовало похожее представление, согласно которому джинны вселяются, в основном, в больных и от природы грустных людей, в бедняков и «худородных», но иногда, наоборот, в удачливых, талантливых и обеспеченных [Поярков 1891: 93–94].

Согласно эфиопским преданиям, *зары* появились от Евы, которая родила тридцать детей и пятнадцать из них спрятала от Бога. Бог же, обнаружив спрятанное потомство прародительницы, проклял его. Интересно, что у эфиопов скрытые дети Евы, будущие демоны, не безобразны, а, напротив, красивы и блистательны, что и было причиной попытки Евы спрятать их от чужих глаз [Messing 1959; Ethiopia in transit 2011: 71]. Иногда можно встретить версию этой легенды, по которой от сокрытых детей Евы происходят не только демоны, но и цыгане – народ, часто связываемый с магией и древними культами [Slezkine 2004: 23].

Баба зар по имени Ахмад, живущий в Омане, говорит, что некоторые духи ведут свое происхождение от Евы: «У разных *хобуб* (т. е. духов. – прим. авт.) разная вера. Среди них есть мусульмане, христиане или те, кто поклоняются идолам. Мы, мусульмане, считаем, что Аллах сотворил *хобуб* из огня, а христиане считают, что *хобуб* – это падшие ангелы. Есть среди них такие, родом из Африки, кто ведут свое происхождение от Луны, от растений, от Евы или из воды» [ПМА 2021].

В арабском мире сюжет о происхождении джиннов или *заров* от Евы не распространен, хотя отмечен, к примеру, в Марокко [Белова, Кабакова 2015: 116]. В Омане, куда традиция *зар* попала из Занзибара и других африканских земель, версия о происхождении *заров* от Евы известна, но, по-видимому, ее редко разделяют. Оманские информанты сообщают о том, что *зары* являются *ифритами* –

сильнейшими из джинов, которые, как и все остальные джинны, были сотворены Аллахом без участия человека. Поскольку *зар* – эклектичный и синкретический культ, не имеющий единой космологии или общей догматики, в арабских странах, как и в Эфиопии, можно обнаружить представление о тайном родстве и одновременном противостоянии людей и духов: *заров* называют «детьми ночи», отмечая, что эти создания, хотя они намного сильнее людей, завидуют смертным – «детям дня», которые, в отличие от *заров*, не были прокляты Аллахом [Al-Adawi et al. 2001: 53; Mianji, Semnani 2015: 226; Grisaru et al. 1997].

Заключение

Нельзя не заметить, что тюркские и семитские (в первую очередь, арабо-мусульманские) демонологические легенды и образы составляют подчас пусть не явные и не прямые, но в то же время отчетливые смысловые связи. Версия о демоническом потомстве Евы наводит на мысль о Лилит, известной по ближневосточной мифологии «первой жене» Адама, которая в мистическом иудаизме считается матерью нечистой силы. Перейдя из Каббалы и еврейской демонологии в европейский оккультизм, Лилит иногда воспринимается в качестве прародительницы не только демонов, но и особенных людей, вампиров и колдунов, представителей так называемых проклятых родов. Иногда на эту роль претендует Каин, сын Адама и первый человекоубийца [Де Дананн 2012].

Интересно, что, как и *албарсты*, Лилит связывается с нанесением вреда младенцам и роженицам, являясь своего рода мифологическим антиподом материнства. Ее атрибутами могут быть пролитая кровь или изъятая у мужчины сперма – обе субстанции часто используются в различных магических манипуляциях, поскольку наполнены жизненной силой. Зловоние – также признак, характерный для демонов самых разных культур. Если в кыргызской легенде *албарсты* порождается из имеющего отвратительный запах, «скисшего» в хлопке семени, то в мусульманских представлениях демоны отчетливо связываются с различными нечистотами (так называемыми *наджаса*), включая продукты физиологической деятельности человека и животных. Примечательно, что джинны и духи *зар*, как считают в Африке и на Ближнем Востоке, нередко появляются в туалетах, банях, на мусорных свалках, скотобойнях и других «грязных местах», а случаи первого вселения духов в подростков нередко происходят в ваннах и туалетных комнатах [El Hadidi 2016: 39].

Довольно сложно представить генеалогическую связь между среднеазиатской, тюркской легендой и легендой эфиопской, несмотря на все их поразительное сходство, когда различные демоны, подчас образно близкие, несмотря на различные культурные ареалы, оказываются скрытыми детьми Евы. Эти демоны трактуются как особый народ, созданный в ходе некоего генеалогического процесса, будь то спор прародителей и их алхимические эксперименты с семенем, измена Евы с Иблисом или случай ее сверхплодовитости. Как явствует из всех преданий, данный народ «детей ночи» подвергся проклятию, по одним версиям, проклятию Адама, а по другим – самого Бога. Возможно, мы имеем дело с простым совпадением, а, возможно, такая апокрифическая демонология попала к тюркам через арабо-мусульманских проповедников и странствующих мистиков,

которые, как известно, довольно ощутимо повлияли на формирование среднеазиатских нарративов, связанных с сакральными генеалогиями [Мокеев 2006]. Впрочем, невыясненным остается и вопрос о том, насколько эти сказания были характерны для арабских или персидских мусульман, существовали ли они параллельно с «официальной версией» сотворения джиннов из огня, могли ли они от мусульман попасть в Абиссинию (либо наоборот), которая имела древние контакты с жителями Аравии, включая иудеев, или же представления о происхождении духов *зар* являются продуктом синкретического творчества самих эфиопов. Тайна происхождения и миграции демонологического сюжета дополнительно осложняется тем, что его отзвуки встречаются и среди европейцев. Возможно, эти вопросы прояснятся в ходе дальнейшего изучения источников.

Источники

- Диваев 1897/1898 – *Диваев А.А.* О происхождении Албасты, Джинна и Дива (киргизская легенда) // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете (ИОАИЭ). – Казань, 1897–1898. – Т. XIV, вып. 2. – С. 226–233. {*A.A. Divayev. On the origins of Albasty, Jinn and Div (a Kyrgyz legend) // Bulletin of Society of Archeology, History, and Ethnography under the Imperial Kazan university (BSAHE). – Kazan, 1897–1898. – Vol. 14, no. 2. – PP. 226–233.*}
- Поярков 1891 – *Поярков Ф.* Из области киргизских верований // Этнографическое обозрение. – 1891. – Кн. XI. – № 4. – С. 21–43; 1894. – Кн. XX. – № 1. – С. 89–99. {*F. Poyarkov. From the field of Kyrgyz beliefs // Ethnographic review. – 1891. – Book XI. – No. 4. – PP. 21–43; 1894. – Book XX. – No. 1. – PP. 89–99.*}
- ПМА 2015 – Полевые материалы автора, август–сентябрь 2015 г., Таласская область, Кыргызстан. {*Field data of the author, August–September 2015, Talas Region, Kyrgyzstan.*}
- ПМА 2020 – Полевые материалы автора, август 2020 г., г. Бишкек, Кыргызстан. {*Field data of the author, August 2020, Bishkek, Kyrgyzstan.*}
- ПМА 2021 – Полевые материалы автора, октябрь 2021 г., г. Бахля [Бахла], Султанат Оман. {*Field data of the author, October 2021, Bahla, Sultanate of Oman.*}
- РФ ОРП НАН КР, инв. № 77 – Рукописный фонд Национальной академии наук Кыргызской Республики, инв. № 77. Тоголок Молдо. Бакшылардын ыры жана сөздөрү. {*Manuscript Fund of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, accession number: #77. Togolok Moldo. Bakşylardın ыры жана сөздөрү.*}
- Narbutt 1835 – *Narbutt T.* Dzieje starożytne narodu Litewskiego. – Tom I: Mitologia litewska. Z ósmią rycinami. – Wilno, 1835. – 493 s. {*T. Narbutt. The ancient history of Lithuanian people. – Volume 1: Lithuanian mythology. With eight illustrations (etchings). – Vilnius, 1835. – 493 p.*}

Литература

- Ахметьянов 1981 – *Ахметьянов Р.Г.* Албасты // Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1981. – С. 16–17. {*R.G. Akhmetyanov. Albasty // General vocabulary of the spiritual culture of the peoples of the Middle Volga region. – Moscow: Nauka, 1981. – PP. 16–17.*}
- Басилов 1990 – *Басилов В.Н.* Албасты // Мифологический словарь / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 33. {*V.N. Basilov. Albasty // Mythological Dictionary / Ed. by Ye.M. Meletinsky. – Moscow: Soviet Encyclopaedia, 1990. – P. 33.*}
- Белова, Кабакова 2015 – *Белова О.В., Кабакова Г.И.* «Разные дети Евы»: локальные «демонологические» версии сюжета АТУ 758 // Umbra: Демонология как семиотическая система. Альманах. – Выпуск 4 / Отв. ред. и сост. Д.И. Антонов, О.Б. Христофорова. – М.: Индрик, 2015. – С. 109–120. {*O.V. Belova, G.I. Kabakova. «Different children of Eve»: local «demonological» versions of*

- the ATU 758 motive // *Umbra: Demonology as a semiotic system. Almanac. – Issue 4 / Ed. and comp. by D.I. Antonov, O.V. Khristoforova. – Moscow: Indrik, 2015. – PP. 109–120.*
- Голамхосейн 1977 – *Голамхосейн С.* Одержимые ветрами. – М.: Наука, 1977. – 103 с. {*S. Gholamhossein. Possessed by the winds. – Moscow: Nauka, 1977. – 103 p.*}
- Де Дананн 2012 – *Де Дананн А.* Память крови. – М.–Воронеж: Terra Foliata, 2012. – 276 с. {*A. De Danann. Memory of blood. – Moscow–Voronezh: Terra Foliata, 2012. – 276 p.*}
- Маничкин 2020 – *Маничкин Н.А.* Шаманизм и духовно-магические практики кыргызов. – М.: Смарт Ивент, 2020. – 264 с. {*N.A. Manichkin. Shamanism and spiritual-magical practices of the Kyrgyz people. – Moscow: Smart Event, 2020. – 264 p.*}
- Мокеев 2006 – *Мокеев А.* Роль суфийских шейхов в распространении исламской религии в Кыргызстане // *Journal of Turkic civilization studies. – 2006. – № 2. – С. 125–136.* {*A. Mokeyev. The role of Sufi sheikhs in spreading the Islamic religion in Kyrgyzstan // Journal of Turkic civilization studies. – 2006. – No. 2. – PP. 125–136.*}
- Поршнева 2012 – *Поршнева Б.Ф.* Загадка снежного человека: современное состояние вопроса о реликтовых гоминидах. – М.: Эксмо–Алгоритм, 2012. {*B.F. Porshneva. Bigfoot riddle: the current state of the issue of relic hominoids. – Moscow: Eksmo–Algorithm, 2012.*}
- Таказов 2008 – *Таказов Ф.М.* Алмасты // Очерки по демонологии народов Северного Кавказа. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – С. 17–43. {*F.M. Takazov. Almasty // Essays on demonology of the North Caucasus peoples. – Vladikavkaz: Editorial and Polygraphic Department of the North-Ossetian institute of humanitarian and social studies, 2008. – PP. 17–43.*}
- Хисамитдинова 2019 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Албасты // Словарь башкирской мифологии. – Уфа: Китап, 2019. – С. 58–63. {*F.G. Khisamitdinova. Albasty // Dictionary of Bashkir mythology. – Ufa: Kitap, 2019. – PP. 58–63.*}
- Al-Adawi et al. 2001 – *Al-Adawi S.H., Martin R.G., Al-Salmi A., Ghassan H.* Zar: group distress and healing. *Mental health // Religion and Culture. – 2001. – No. 4 (1). – PP. 47–61. – DOI: 10.1080/13674670124303.*
- El Hadidi 2016 – *El Hadidi H.* Zar: spirit possession, music, and healing rituals in Egypt. – Cairo: The American University, Cairo Press, 2016. – 180 p.
- Ethiopia in transit 2011 – Ethiopia in transit: millennial quest for stability and continuity / Ed. by P. Toggia, A. Zegeye, M. Tegegn. – London–New York: Routledge, 2011. – 232 p.
- Grisaru et al. 1997 – *Grisaru N., Budowski D., Witzum E.* Possession by the ‘Zar’ among Ethiopian immigrants to Israel: psychopathology or culture-bound syndrome? // *Psychopathology. – 1997. – No. 30. – PP. 223–233. – DOI: 10.1159/000285051.*
- Huart, Bosworth 1997 – *Huart Cl., Bosworth C.E.* *Shīth* // *Encyclopaedia of Islam, Second Edition / Ed. by P. Bearman, Th. Bianquis, C.E. Bosworth, E. van Donzel, W.P. Heinrichs. – Leiden: Brill, 1997. – PP. 489–490.*
- López Anguita 2008 – *López Anguita G.* On the inner knowledge of spirits made of an igneous mixture: chapter 9 of the Futūhāt al-Makkiyya // *Journal of the Muhyiddin Ibn Arabi Society. – 2008. – Vol. 44. – PP. 1–25.*
- Messing 1959 – *Messing S.D.* Group therapy and social status in the Zar cult of Ethiopia // *Culture and Mental Health / Ed. by M.K. Opler. – New York–Chicago: Fagin Books, 1959. – PP. 1120–1126.*
- Mianji, Semnani 2015 – *Mianji F., Semnani Y.* Zār spirit possession in Iran and African countries: group distress, culture-bound syndrome or cultural concept of distress? // *Iran Journal Psychiatry. – 2015. – No. 10 (4). – PP. 225–232.*
- Slezkine 2004 – *Slezkine Y.* *The Jewish Century.* – Princeton: University Press, 2004 – 456 p.

Eve's hidden children: New materials on folk demonology of Central Asia

N.A. Manichkin

Moscow

Summary: The article introduces new demonological materials from the Central Asia into the scientific use. This is the legend about the origin of albarsty and zhez tyrmak from 1929

manuscript of the Kyrgyz storyteller Togolok Moldo which was not published previously. The original demons' genealogy refers to the characters is the Semitic mythology but contradicts to the Muslim views. The author does the comparative analysis and finds parallels and footprints of the presented narrative both among the Turkic peoples, Kazakhs and Tatars, ethnogenetically and historically related to the Kyrgyz people as well as in far Ethiopia where followers of the Zar cult considered demonic forces to be the hidden children of the foremother Eve, too.

Key words: albarsty, jinn, religion, demons, spirits, Kyrgyz, Ethiopians, Islam, Zar, the Horn of Africa, Turkic peoples, Afrasian languages and cultures.

Nestor Alexandrovich Manichkin – Ph.D. in history, senior researcher of the Center for Medical Anthropology, N.N. Miklouho-Maclai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, e-mail: nes.pilawa@gmail.com.

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ КОНЕВОДСТВА В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Ю.В. Псянчин

г. Уфа

Резюме: Статья посвящена описанию лексики коневодства в башкирском языке, что подразумевает анализ истории ее изучения, современного состояния и перспектив дальнейшего исследования. Хронологические рамки статьи охватывают период с конца 50-х гг. XX в. по настоящее время. Исследования в области лексики коневодства квалифицируются автором как часть отраслевой лексикологии башкирского языка. Сама лексика коневодства башкирского языка понимается как часть литературного языка и диалектов и говоров.

Ключевые слова: башкирский язык, башкирские диалекты, традиционное коневодство, отраслевая лексика, лексика коневодства.

В истории башкирского языкознания работ, посвященных проблемам изучения лексики коневодства, было не так много. Самой первой из них является статья «Некоторые материалы по говору башкир, проживающих в Саратовской и Куйбышевской областях», принадлежащая перу старейшего башкирского языковеда-диалектолога Т.Г. Баишева (1886–1974), и опубликованная в 1959 г. в научном сборнике «Вопросы башкирской филологии» [Баишев 1959]. На наш взгляд, особо ценным диалектным материалом у Т.Г. Баишева следует считать диалектизмы-прилагательные, обозначающие цвет и масть лошади: например, *туры* ‘гнедой’, *кара туры* ‘темно-гнедой’, *кызыл туры* ‘красно-гнедой’, *кашка* ‘белолобый’, *йоморо кашка* ‘полный белолобый конь’, *йондоз кашка* ‘лошадь со звездчатой лысиной’, *бурыл* ‘чалый’, *бүртә* ‘караковый’, *ала* ‘пестрый, пятнистый, пегий’, *сантар* ‘игрневый’, *кола* ‘саврасый’, *кола һыртлан* ‘саврасый’, *ак бәкәл* ‘лошадь с белыми бабками’, *ак ял* ‘белогривая лошадь’, *буз* ‘светло-серый, светло-пепельный, сивый’, *күк* ‘сивый’, *күк буз* ‘бурый с голубоватым оттенком’, *кир* ‘мухортый’, *ерән* ‘рыжий’, *күк ерән* ‘сиво-рыжий’, *сыбар оса* ‘пестрокрупная лошадь’, *сыбар* ‘пестрая’, *алма сыбар* ‘конь в яблоках’ и т. д. [Баишев 1959: 138–139]. Эти названия цвета и масти лошадей характерны для речи иргизо-камеликских башкир.

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор, ученый секретарь Государственного автономного учреждения «Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии» Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан, e-mail: yulaups@yandex.ru.

В связи с тем, что тема все еще актуальна и представляет интерес для специалистов, хотелось бы обратиться к очерку одного из патриархов отечественной тюркологии А.М. Щербака «Названия домашних и диких животных в тюркских языках», написанному в историческом аспекте [Щербак 1961: 72–182]. Сборник был посвящен установлению общих закономерностей образования тюркской лексики, и, надо отметить, в содержательном плане стал классическим образцом для подобного рода исследований в башкирском языкознании.

Автором в качестве основных объектов диахронического анализа были выбраны следующие названия, относящиеся к коневодству: *ат* ‘лошадь’, *ахта*, *алаша* ‘мерин, холощеный конь’, *айгыр* ‘жеребец’, *байтал*, *бийа* ‘кобыла’, *кулун*, *тай* ‘жеребенок’ [Щербак 1961: 83–92]. Но самое главное достоинство данной работы видится в предложенной автором лексико-семантической классификации терминов коневодства, состоящей из пяти групп: I. Видовое наименование (*ат*); II. Наименование холощеного самца (*ахта*, *алаша*); III. Наименование самца-производителя (*айгыр*); IV. Наименование самки (*байтал*, *бийа*); V. Наименования молодняка и возрастных групп (*кулун*, *тай*) [Щербак 1961: 82–94]. Предложенная А.М. Щербаким классификация терминов коневодства является одной из первых в истории советской тюркологии, а его труд послужил своего рода «катализатором» для проведения исследований в области лексики коневодства в тюркологии.

По наблюдениям А.М. Щербака, лексема *ат* имеет видовое значение – ‘лошадь’, но происхождение его связывается при этом с формой *атан* ‘холощеный верблюд’ [Щербак 1961: 83]. Далее автором в качестве лексемы параллельного употребления анализируется слово *йылкы*, имеющее при этом особый семантический оттенок – ‘табунная лошадь’ [Щербак 1961: 84–85]. В башкирском языке слово *йылкы* переводится как ‘конь, лошадь’ [БРС 1996: 242], авторы электронного «Башкирско-русского, русско-башкирского толкового словаря по коневодству» Г.Д. Зайнуллина, М.М. Зайнуллин при этом в дефиницию этого слова добавляют свой семантический оттенок – ‘используемое в хозяйстве крупное домашнее животное’ [Зайнуллина, Зайнуллин 2018: 52].

В 1966 г. было издано учебное пособие для вузов «Лексика и фразеология современного башкирского языка», написанное Дж. Г. Киекбаевым (1911–1968) [Киекбаев 1966]. Ученым было выделено шесть тематических групп профессиональной лексики башкирского языка, куда входят слова и словосочетания, относящиеся к животноводству, пчеловодству, лесному хозяйству, охоте, земледелию и обработке холста [Киекбаев 1966: 152–156]. Особое внимание уделено сравнению слов тюркского и монгольского происхождения (например, иноходец: *юрга* – ‘жороо’ и т. д.), что, по мнению автора, дает положительный эффект при изучении студентами такой темы, как «Проблема изучения лексики современного башкирского языка» [Киекбаев 1966: 9–138]. Сама лексика коневодства вошла в общую тематическую группу «Профессиональная лексика, относящаяся к животноводству» [Киекбаев 1966: 152–154].

Первую подгруппу терминов коневодства составили названия лошадей по возрасту, полу и времени появления на свет: например, *колон*, *колонсак*, *колокай*//*көлөкэй* ‘жеребенок (ласкательная форма)’; *ябак*, *тай*, *кыркмыш тай* ‘жеребец-двухлетка’; *байтал* ‘кобыла-двухлетка’; *конан* ‘жеребец-трехлетка’; *конажын* ‘кобылка-трехлетка’; *дүнән* ‘жеребец-четырёхлетка’; *дүнәжен* ‘кобыла-четырёхлетка’ [Киекбаев 1966: 152].

В качестве второй подгруппы представлена лексика коневодства, служащая для обозначения функций лошади в хозяйстве: *айгыр* ‘жеребец’, *асау айгыр* ‘необъезженный жеребец’, *һәүрек* ‘жеребец, которого еще нельзя использовать как производителя’, *өйөр айгыры* ‘жеребец-вожак в табуне’, *тай-тулак* ‘конский молодняк’, *егенге ат* ‘упряжной, ездовой конь’, *менге ат* ‘верховая лошадь’, *йүгерек ат* ‘быстроногий конь’, *юргаат* ‘конь-иноходец’, *йүреш ат* ‘ходкий конь’, *сығынсы ат* ‘норовистый конь’ и т. д. [Киекбаев 1966: 152]. Рассмотрим, к примеру, содержание термина *менге* «1. Верховой; **менге ат** верховая лошадь. 2. Верховая езда, езда верхом; **менгегә өйрәтеү** учить верховой езде (*лошадь*)» [БРС 1996: 427]. Получается, что слово *менге ат* является составным именем существительным с опорным компонентом существительным [Грамматика 1981: 114]. Но здесь в качестве первого компонента выступает имя прилагательное *менге* «верховой» [БРС 1996: 427]. Третья подгруппа состоит из лексем, которые используются для обозначения тех или иных частей конской сбруи: например, *үңлек* ‘потник’, *серге* ‘чепрак, подкладываемый между седлом и потником’, *йүгән* ‘узда, уздечка’, *тезген* ‘повод, поводья’, *ауызлык* ‘удила’, *һагалдырык* ‘подбородник, подгубник (конской узды)’, *канъяга* ‘торока’, *баургалык* ‘подбрюшник – часть сбруи’, *тушлек* ‘нагрудник (седла)’, *гойошкан // койошкан* ‘подхвостник, хвостовой ремень седла’, *өзәңге* ‘стремя’, *тарткы* ‘подпруга’, *башлык* ‘башку-няк (сосуд, изготовленный из кожи головы или шеилошади, коровы)’, *нукта* ‘недоуздок’ и т. д. [Киекбаев 1966: 153]. Существительное *һагалдырык* переводится на русский язык как «1) подбородник, подгубник (конской узды) 2) этн. тесемка для завязывания платка» [БРС 1996: 721]. Более того, от этого существительного образован глагол *һагалдырыклау* ‘прикреплять подбородником что-либо’ [БРС 1996: 721].

Таким образом, результаты данного системно-описательного подхода Дж.Г. Киекбаева можно вполне справедливо квалифицировать в качестве первой научной классификации лексики коневодства в виде отдельной тематической группы в истории башкирского языкознания, но считающейся при этом частью общей тематической группы «Профессиональная лексика, относящаяся к животноводству».

В 1970 г. Э.Ф. Ишбердиным была защищена кандидатская диссертация на тему «Названия животных и птиц в башкирских говорах» (научный руководитель – Н.Х. Максютова), в которой автором была представлена диалектная коневодческая лексика [Ишбердин 1970]. Например, в первой главе «Названия животных и птиц и их связь с культурно-бытовой жизнью и религиозными представлениями башкир» коневодческая лексика более детально рассмотрена в составе первого раздела «Хозяйство башкир и его влияние на дифференциацию названий животных и птиц в башкирском языке», куда входят лексеммы, так или иначе связанные с животноводством: *колон*, *колос*, *колкай*, *көлкәй*, *колокай*, *көлөкәй*, *колокас* ‘жеребенок в период от рождения до осени того же года’; *йабак*, *йабагы*, *йабакай* ‘жеребенок до годовалого возраста’; *тай*, *дай*, *тайса*, *тайлак* ‘жеребенок от одного года до двух лет’; *конан* ‘жеребец трех лет’; *конажын*, *конанса*, *конан*, *байтал* ‘кобыла трех лет’; *дүнән*, *дөнән* ‘жеребец четырех лет’ [Ишбердин 1970: 6]. Сюда же включен и термин *байтал*, имеющий по наблюдениям автора, четыре значения: 1) кобыла, ожеребившаяся в двухлетнем возрасте; 2) кобыла трех-четырёх лет; 3) кобыла в период от появления призна-

ков половой зрелости до первого плодоношения; 4) кобыла, запряженная в двухлетнем возрасте [Ишбердин 1970: 6]. В ниже-сакмарском говоре западного диалекта лексема *байтал* используется строго в значении кобылы-четырёхлетки [БҺһ III 1987: 29], т. е. Э.Ф. Ишбердин смог правильно определить второе его значение в своей кандидатской диссертации [Ишбердин 1970: 6].

В 1986 г. в издательстве «Наука» увидела свет монография Э.Ф. Ишбердина «Историческое развитие лексики башкирского языка» [Ишбердин 1986], где лексике коневодства было уделено большое внимание в ее первой главе «Башкирская лексика в ее отношении к лексике родственных языков» [Ишбердин 1986: 21–45]. Сама же первая глава в структурном плане состоит из трех разделов, где в той или иной степени затрагиваются отдельные аспекты описания лексики коневодства.

В первом разделе «Башкирская лексика, общая с лексикой монгольских и тунгусо-маньчжурских языков» [Ишбердин 1986: 21–26] автор пишет о том, что «в словарном составе башкирского языка большое количество лексем, имеющих соответствия в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках, относится к устойчивым разрядам лексики» [Ишбердин 1986: 22]. Например, это видно на примере таких названий животных, как: 1) *ат* ‘лошадь, диал. холощенный жеребец’, *ат итеу* (букв. ‘сделать лошадыю’) ‘холостить, кастрировать’; монг. *адуу (н)* ‘табун лошадей, косяк лошадей, лошадь’, эвенк. *адгун*, сол. *аду*, маньч. *адун* ‘табун лошадей’; 2) *байтал* ‘молодая кобыла’, монг. *байтса (н)* ‘молодая нежеребая кобыла’, эвенк. ‘яловая важенка’; 3) *айгыр* ‘жеребец’, диал. ‘нехолощенный’, ср. *айгыр угез* ‘нехолощенный бык’; монг. *азрага*, эвенк. *адырга* ‘жеребец’ и т. д.; всего им было предложено шесть примеров на подобные типы сочетаний [Ишбердин 1986: 22]. Все это позволяет автору сделать вполне справедливый вывод о том, что башкирский язык обладает более обширной лексической связью с монгольским языком, «нежели с тунгусо-маньчжурскими» [Ишбердин 1986: 23]. В подтверждение этому приводятся следующие примеры: башк. *аргымак* ‘порода рослых, быстрых и легких верховых лошадей’ – монг. *Аргамаг* ‘хороший скакун’; *колан* ‘кулан’ – *хулан* ‘дикая лошадь’; *тайлак* диал. ‘жеребец двух лет’, медвежонок двух лет’ – *тайлаг* ‘самец верблюда до кастрации’; *конажын*, *конажын байтал* ‘кобыла трех лет’ – *гунжсин* ‘трехлетняя’ (о самке животного); *тай – дагаа(н)* ‘годовалый жеребенок’ [Ишбердин 1986: 23]. Отсюда следует, что основу лексики коневодства башкирского языка составляют монгольские заимствования.

Содержание второго раздела, именуемого как «Лексическая связь башкирского языка с монгольским» [Ишбердин 1986: 29–40], посвящено специфическим особенностям функционирования монгольских заимствований в башкирском языке. Остановимся только на одной, но, на наш взгляд, основной особенности, которая связана с определением степени ареальной распространенности монгольских заимствований, что потребовало от автора обращения к лингвогеографическому методу [Ишбердин 1986: 30–31]. В результате его применения удалось выяснить, что сам процесс заимствования монгольской лексики представлял собой своего рода движение в виде трех волн. Как точно при этом подметил сам автор, «первая волна, наиболее древняя, охватывает всю восточную зону территории, заселенной башкирами; вторая и третья, позднейшая, соответственно юго-восточную и северо-восточную» [Ишбердин 1986: 31]. Далее в подтверждение своих

наблюдений автор приводит уже традиционный пример с лексемами *конан* ‘трехлетний жеребец’, *конажын* ‘трехлетняя кобылка’ и их фонетическими вариантами *конадын//конайын*, распространенными на всей территории восточной зоны, тогда как «на остальной территории эти слова и их собственно тюркские параллели отсутствуют» [Ишбердин 1986: 31]. Эти факты находят подтверждение и в статье Н.Х. Максютовой «Терминология коневодства у башкир» [Максютова 1983].

Значимость монографии Э.Ф. Ишбердина «Историческое развитие лексики башкирского языка» [Ишбердин 1986] для башкирского языкознания заключается прежде всего в новаторском подходе ученого, выраженном в детальном анализе лексики родного языка через призму общеалтайской компаративистики. Это, в свою очередь, позволило не только выяснить происхождение основных терминов коневодства башкирского языка, но и определить их исторические ареалы.

Теперь перейдем к статье Н.Х. Максютовой «Терминология коневодства у башкир» [Максютова 1983], опубликованной в сборнике «Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка» [Вопросы лексикологии и лексикографии ... 1983]. Как отмечала сама автор, необходимость описания терминов коневодства была вызвана фактором постепенного исчезновения данной отрасли хозяйства у башкир, из-за чего уходила из языка и эта часть отраслевой лексики [Максютова 1983: 18]. Н.Х. Максютова, опираясь на свои многолетние наблюдения, выделила шесть тематических групп. Ограничимся рассмотрением только первых четырех групп как наиболее характерных.

1. Названия лошадей, связанные со спецификой их хода. Первыми в этот ряд вошли термины *аргымак* ‘аргамак’, *толпар* ‘толпар’, которые применяются для обозначения быстрых, легких и рослых лошадей; они характерны для живой народно-разговорной речи башкир южных, отчасти – юго-западных и редко северо-восточных районов нынешнего Башкортостана [Максютова 1983: 19–20]. Однако следует заметить, что в современном башкирском литературном языке названные слова также функционируют и в качестве терминов животноводства: например, *аргымак* ‘аргамак (старинное название породистых восточных верховых лошадей)’ [Зайнуллина 2006: 19], *толпар* ‘1. миф. Тулпар, крылатый конь; 2. (якшы токомло ат) порода рослых и легких верховых лошадей’ [Зайнуллина 2006: 69]. В качестве синонима термина *аргымак* в сакмарском подговоре иксакмарского говора южного диалекта функционирует диалектизм *бахмис* [Максютова 1983: 19]. Но семантика диалектизма *бахмис* имеет свою специфику – это рысак [Максютова 1983: 40].

Самым распространенным в литературном языке и говоре является термин *йуртак* ‘рысак’, менее распространенными – узкие по семантике термины *йелей* (демский говор южный диалект), *йелән*, *тойто*, *йугыртас* (кубалакский говор, восточный диалект), *йуртагат*, *йуртакбейә* (айский говор, восточный диалект) [Максютова 1983: 20].

Часто используемый в народно-разговорной речи термин *йурга* ‘иноходец’ по характеру бега имеет несколько лексико-семантических вариантов: это – лексемы *йөрөш йурга* (миасский говор, восточный диалект), *һибә йурга* (кызылский говор, восточный диалект), которые обладают значением ‘иноходец, быстро сменяющий аллюр на бег’ [Максютова 1983: 20]. Также в эту группу входят термины *сапма йурга* (кызылский говор, восточный диалект), *сакма йурга* (кубалакский

говор, восточный диалект), *һикертмә йурга* (айский говор, восточный диалект) ‘иноходец со сбивающимся аллюром’, *сыр йурга* (каитайский подговор, средний говор, южный диалект), *һибә йурга* (кызылский говор, кубалакский говор, восточный диалект), *шау йурга*, *шыу йурга*, *ығыу йурга* (аргаяшский говор, восточный диалект) ‘иноходец с ровным аллюром’ [Максютова 1983: 20].

Перечисленные диалектизмы закреплены в указанных значениях в «Диалектологическом словаре башкирского языка» [БТДһ 2002: 126].

2. Термины и названия лошадей, связанные с возрастом. Основные возрастные термины, относящиеся к коневодству, уже были рассмотрены нами при анализе кандидатской диссертации Э.Ф. Ишбердина [Ишбердин 1970]. В связи с этим нам следует обратить внимание на следующую мысль Н.Х. Максютовой: «термины и названия, связанные с возрастом лошади, не имеют в пределах говоров единой системы. Для обозначения определенного возраста употребляются различные названия» [Максютова 1983: 20].

Семантика терминов и названий лошадей по возрасту *конан*, *конажын*, *дүнәжен*, *дүнән*, *айғыр*, *бейә*, *байтал* были уже рассмотрены нами ранее. Но, тем не менее, добавим сюда их фонетико-морфологические варианты *коназын* (бурзянский говор, южный диалект), *конанса*, *конансы* (миасский говор, восточный диалект) [Максютова 1983: 21].

Например, наличие в диалектах и говорах башкирского языка таких терминов и названий лошадей по возрасту, как *кыркмыш* ‘стригун, т. е. жеребенок на втором году жизни’ и его вариантов *тай* (айский говор, восточный диалект), *кыркма* (средний говор, бурзянский говор, южный диалект) и *йабағатай* (северо-западный диалект) [Максютова 1983: 20] еще раз подтверждают мысль Н.Х. Максютовой в том, что лексемы с этой семантикой, как отмечалось выше, не имеют в пределах говоров единой системы.

Термин *тулак* применяется для обозначения лошадей четырех-пяти лет; при этом явно восходит к монгольскому элементу *ту* ‘пять’ [Максютова 1983: 21]. Точнее – башкирская форма может отражать этимологическое алтайское соответствие для монг. **tab-* ‘пять’, япон. **itu-* ‘пять’, которое отсутствовало в алтайской этимологии.

3. Названия лошадей, дифференцированные по родополовому признаку. Сюда входят названия лошадей: *өйөр айғыры* ‘жеребец-вожак’; *азау айғыр* ‘жеребец-производитель’ и его фонетические варианты *аһау айғыр* (бурзянский говор, южный диалект), *аҫау*, *аҫау ат*, *аҫау иркәк* (аргаяшский говор, восточный диалект), *аһау айғыр* (сальютский говор, восточный диалект), *азау ат* (айский говор, восточный диалект), *базаған айғыр*, *азаулайғыр* (демский говор, южный диалект) [Максютова 1983: 21].

Диалектизмы *һәүерек* ‘жеребец (которого еще нельзя использовать как производителя)’, *тыу мал*, *тыу бейә*, *кысырак*, *кысыр бейә*, *кыугыр*, *кыузык* также образуют группу родополовых наименований. Например, *һәүерек* ‘есть жеребец любого возраста, не допущенный к косяку’; а в демском говоре южного диалекта *һәүерек*, *сәүерек* означает мерина [Максютова 1983: 22]. Термин *кыугыр* (каитайский говор, сальютский говор, восточный диалект) также обладает значением ‘жеребец, не допущенный к косяку’ [Максютова 1983: 22]. Термин *тыу бейә* переводится как ‘яловая кобыла’ [Зайнуллина, Зайнуллин 2018: 96].

4. Названия лошадей по цвету и масти. В их образовании выделяются масти-доминанты, на основе которых образовались новые по структуре и семантике слова [Максютова 1983: 22]. Например, *кук*: *кугат* 'сивый' может иметь варианты *тимергук* 'вороно-сивый', *аккук* 'бело-сивый', *көңгөргук*, *куңыргук* 'буро-сивый', *карагук* 'темно-сивый' и т. д., *йерән* 'рыжий', *колийерән* 'булано-рыжий', *канйерән* 'красно-рыжий', *акйерән* 'бледно-рыжий' и т. д. [Максютова 1983: 22]. Эти примеры еще раз наглядно подтверждают тот факт, что диалекты любого языка обладают неиссякаемым лексическим потенциалом.

Также в структурном плане возможны варианты и с прилагательными цвета *ала* 'пегий', *сыбар* 'чубарый', *саптар* 'игренивый', *буз* 'серый, сизый', *буртә* 'караковый' [Максютова 1983: 22–24].

Высокой частотностью распространения в диалектах и говорах башкирского языка обладает прилагательное цвета *кир* 'мухортый', который может употребляться только в сочетании с общими наименованиями лошади: например, *кират* 'мухортая лошадь', *кирдунән* 'мухортый жеребец', *кирбайтал*, *кирбейә* 'мухортая кобыла', *киралаша* 'мухортый мерин', *кирайгыр* 'мухортый жеребец' и т. д. [Максютова 1983: 23].

В этой работе автором были выделены еще две большие группы: 1) «5. Названия лошадей, связанные с их различными признаками, качественными характеристиками и приручением» [Максютова 1983: 24–25]; 2) «6. Термины, связанные со сбруей и другими приспособлениями» [Максютова 1983: 25–26], лексика которых тоже имеет непосредственное отношение к коневодству.

Н.Х. Максютковой впервые в истории башкирской лексикологии и диалектологии удалось представить на суд специалистов свою оригинальную лексико-семантическую классификацию коневодческой лексики, состоящую из шести групп. При этом ею было проанализировано порядка трехсот слов-терминов, относящихся к данной тематике. В настоящей работе автор сумела показать себя не только подготовленным языковедом-компаративистом в области тюркологии, но также и алтаистики. Например, это очень ярко проявилось в умении Н.Х. Максютковой правильно и логично строить башкирско-монгольские параллели, что позволило ей установить несомненную их генетическую связь в области лексики коневодства. Кроме этого, автору удалось создать основу для этнолингвистических и лингвокультурологических изысканий в башкироведении и сравнительном кыпчаковедении. Например, под влиянием этой работы Н.Х. Максютковой опубликовали свои оригинальные статьи по проблемам лингвокультурологии Л.Х. Самситова и Г.Х. Бухарова. Так, Л.Х. Самситова в соавторстве с Л.К. Муллагалиевой опубликовали статью «Концепт «Конь» в русской и башкирской языковой картине мира» [Самситова, Муллагалиева 2005], а статья Г.Х. Бухаровой «Концепт КОНЬ в башкирской лингвокультуре (на материале башкирского мифологического эпоса)» [Бухарова 2012] выполнена на стыке двух важных направлений – лингвокультурологии и лингвофольклористики.

В 1990 г. был опубликован межвузовский сборник статей «Вопросы башкирской литературы (Литература. Фольклор. Литературное наследие)», в котором была опубликована статья В.Ш. Псянчина «Сокровищница волшебных слов» («Күңел иретер һүзәр хазинаһы») [Псянчин 1990]. В этой статье лексика коневодства башкирского языка была рассмотрена через призму изучения стиле-

языковых особенностей романа «Родные и знакомые», принадлежащего перу Дж.Г. Киекбаева. Например, использованные в романе автором лексемы *назек билле* ‘с тонкой талией’, *киң яурынлы* ‘с широкими плечами’, *ялбыр яллы* ‘с лохматой гривой’, *ак бәкәл* ‘с белыми бабками’, *яра-кашка ерән* ‘белолобый рыжий’, примененные для описания молодого жеребца – *һәүерек*, усиливают образительность речи как средства экспрессивного воздействия на читателя/адресата [Псәнчин 1990]. Далее в качестве усиления образительности автором использована уже другая лексема – *ерәнсәй* ‘лошадь рыжей масти’ [БРС 1996: 187].

В 2000 г. издается монография У.Ф. Надергулова «Животноводческая лексика башкир» [Надергулов 2000], в которой во всех семи главах [Надергулов 2000: 19–161] заняла достойное место и лексика коневодства.

В 2006 г. увидел свет «Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству» Г.Д. Зайнуллиной [Зайнуллина 2006], в котором представлено большое количество терминов по коневодству.

2008 г. опубликована монография Г.Н. Ягафаровой «Исследование тематических групп башкирской лексики (ономасиологический подход)» [Ягафарова 2008]. Первый раздел «Номинация по внешним свойствам денотата» [Ягафарова 2008: 98–109], входящий в состав главы IV «Типы, принципы, мотивы номинации башкирской лексики» [Ягафарова 2008: 93–112], состоит из двух подразделов, где второй назван как «Номинация по цвету в коневодческой лексике» [Ягафарова 2008: 98–106], где автором выделено три типа номинации по цвету, однако это требует отдельного и более детального описания и анализа. Благодаря этому исследованию Г.Н. Ягафаровой состоялось зарождение нового направления в изучении коневодческой лексики башкирского языка – ономасиологии.

В 2018 г. Г.Д. Зайнуллина и М.М. Зайнуллин издали очень серьезный лексикографический труд – электронный «Башкирско-русский, русско-башкирский толковый словарь по коневодству» [2018]. Данный словарь отличает строгий дифференцированный подход в выделении тематических групп [Зайнуллина, Зайнуллин 2018: 115–176]; таковыми являются: 1) башкирско-русские названия мастей лошадей [Зайнуллина, Зайнуллин 2018: 115–117]; 2) башкирско-русские названия сбруи [Зайнуллина, Зайнуллин 2018: 118–122]; 3) башкирско-русские названия частей тела лошади [Зайнуллина, Зайнуллин 2018: 123–128]; 4) русско-башкирские названия мастей лошадей [Зайнуллина, Зайнуллин 2018: 171–173]; 5) русско-башкирские названия частей тела лошади [Зайнуллина, Зайнуллин 2018: 174–176]. В словаре собраны свыше 3000 слов и словосочетаний, относящихся к сфере коневодства.

В 2021 г. исследователь лексики башкирского языка Р.Т. Муратова опубликовала статью «Названия смешанных мастей лошади в башкирском языке: генезис, развитие и семантика» [Муратова 2021], которая: 1) посвящена анализу этимологического, сравнительно-исторического и лексико-семантического аспектов описания особых мастей лошади; 2) написана в междисциплинарном аспекте (текстология, фольклор, этнолингвистика) [Муратова 2021: 25]. Полагаем, что подобного типа работы имеют широкую перспективу в будущем.

Сегодняшние реалии требуют нового лексико-семантического подхода в вопросах классификации обширной лексики коневодства. Этот момент является

основной проблемой для данной сферы. Конечно, в этой связи можно вспомнить и даже взять за основу лексико-семантическую классификацию названий лошадей, предложенную еще в 1990 г. авторами монографии «Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана» Д.Х. Базаровой и К.А. Шариповой [Базарова, Шарипова 1990]. Ими была предложена классификация, состоящая из одиннадцати групп названий лошадей: 1) названия со значением собирательности; 2) общевидовые названия лошадей; 3) названия лошадей по цвету и масти; 4) специальные слова для обозначения специальных мастей лошадей; 5) названия лошадей дифференцированные по родополовому признаку; 6) названия лошадей, дифференцированные по возрастному признаку; 7) названия пород лошадей; 8) названия лошадей, связанные с их различными признаками и качественными характеристиками; 9) названия лошадей, связанные с их приручением; 10) названия лошадей, связанные с их назначением и хозяйственным использованием; 11) мифические названия лошадей [Базарова, Шарипова 1990: 7–77]. Но она была составлена с учетом данных из памятников тюркской письменности XIII–XVII вв. [Базарова, Шарипова 1990: 6].

Для башкирского языка на первый план выходит несколько другая проблема – привлечение большого количества диалектных данных, соответственно, компаративистский подход может стать основной составляющей. Естественно, наряду с лексическими и семантическими диалектизмами, не последними объектами исследования станут фонетические и морфологические диалектизмы.

Таким образом, лексика коневодства все еще продолжает составлять значительную часть отраслевой лексики башкирского языка, что требует от специалистов уже новых подходов к ее исследованию.

Литература

- Базарова, Шарипова 1990 – *Базарова Д.Х., Шарипова К.А.* Развитие лексики тюркских языков Средней Азии и Казахстана. – Ташкент: Фан, 1990. – 170 с. {*D.Kh. Bazarova, K.A. Sharipova. Development of the vocabulary of the Turkic languages of Central Asia and Kazakhstan. – Tashkent: Fan, 1990. – 170 p.*}
- Баишев 1959 – *Баишев Т.Ф.* Саратов һәм Куйбышев өлкәһендә йәшәүсе башкорттарҙың һөйләше буйынса кайһы бер материалдар // Вопросы башкирской филологии. – М.: АН СССР, 1959. – С. 136–151. {*T.G. Baişev. Some data on the dialect of Bashkirs living in Saratov and Kuibyshev (Samara) regions // Questions of Bashkir philology. – Moscow: The Academy of Sciences of the USSR, 1959. – PP. 136–151.*}
- БРС 1996 – Башкирско-русский словарь: 32 000 / Под ред. *З.Г. Ураксина.* – М.: Дигора–Рус. яз., 1996. – 884 с. {*Bashkir-Russian dictionary: 32000 words. / Ed. by Z.G. Uraksin. – Moscow: Digora–Russkiy yazyk, 1996. – 884 p.*}
- БТДһ 2002 – Башкорт һөйләштәренен һүзлегә (өс томда). – III том (көнбайыш диалект). – Өфө: Башк. китап нәшр., 2002. – 232 б. {*Dictionary of Bashkir dialects (in three volumes). – Volume 3 (the western dialect). – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 2002. – 232 p.*}
- БҺһ III 1987 – Башкорт һөйләштәренен һүзлегә (өс томда). – III том (көнбайыш диалект). – Өфө: Башк. китап нәшр., 1987. – 232 б. {*Dictionary of Bashkir dialects (in three volumes). – Volume 3 (the western dialect). – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 2002. – 232 p.*}
- Бухарова 2012 – *Бухарова Г.Х.* Концепт КОНЬ в башкирской лингвокультуре (на материале башкирского мифологического эпоса) // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. – 2012. – № 2. – С. 51–61. {*G.Kh. Bukharova. The concept of STEED (HORSE) in Bashkir linguistic culture (based on Bashkir mythological epos) // Questions of the cog-*

- nitive linguistics. – Tambov: The Publishing House of G.R. Derzhavin Tambov State Univesity. – 2012. – No. 2. – PP. 51–61.}
- Вопросы лексикологии и лексикографии ...1983 – Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка: сб. ст. / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – Уфа: БФ АН СССР, 1983. – 128 с. {Questions of lexicology and lexicography of the Bashkir language: a compendium of articles / Ed. by Z.G. Uraksin. – Ufa: The Bashkir Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1983. – 128 p.}
- Грамматика современного башкирского ... 1981 – Грамматика современного башкирского литературного языка / Отв. ред. А.А. Юлдашев. – М.: Наука, 1981. – 495 с. {Grammar of modern Bashkir literary language / Ed. by A.A. Yuldashev. – Moscow: Nauka, 1981. – 495 p.}
- Зайнуллина 2006 – Зайнуллина Г.Д. Башкирско-русский, русско-башкирский терминологический словарь по животноводству. – Уфа: Китап, 2006. – 168 с. {G.D. Zaynullina. Bashkir-Russian and Russian-Bashkir terminological dictionary of livestock farming. – Ufa: Kitap, 2006. – 168 p.}
- Зайнуллина, Зайнуллин 2018 – Зайнуллина Г.Д., Зайнуллин М.М. Башкирско-русский, русско-башкирский толковый словарь по коневодству: [Электронное изд-е]. – Текстовые дан. (1,2 Мб). – 1 опт. компакт-диск (CD-ROM). – Уфа: Китап, 2018. {G.D. Zaynullina, M.M. Zaynullin. Bashkir-Russian, Russian-Bashkir explanatory dictionary of horse breeding: [An electronic edition]. – Textual data (1,2 Mb). – 1 optical disc (CD-ROM). – Ufa: Kitap, 2018.}
- Историческое развитие лексики 1961 – Историческое развитие лексики тюркских языков / Отв. ред. Е.И. Убрыатова. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 466 с. {Historical development of the vocabulary of the Turkic languages / Ed. by Ye.I. Ubryatova. – Moscow: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. – 466 p.}
- Ишбердин 1970 – Ишбердин Э.Ф. Названия животных и птиц в башкирских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1970. – 24 с. {E.F. Ishberdin. The names of animals and birds in Bashkir dialects: Ph.D. diss. abstract. – Ufa, 1970. – 24 p.}
- Ишбердин 1986 – Ишбердин Э.Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – М.: Наука, 1986. – 152 с. {E.F. Ishberdin. Historical development of the vocabulary of the Bashkir language / Ed. by Z.G. Uraksin. – Moscow: Nauka, 1986. – 152 p.}
- Киекбаев 1966 – Киекбаев Ж.Ф. Хэзерге башкорт теленең лексикаһы һәм фразеологияһы: Укыу кулланмаһы. – Өфө: Башк. ҡитап нәшр., 1966. – 276 с. {J.G. Kiyekbayev. Vocabulary and phraseology of modern Bashkir language: a manual. – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1966. – 276 p.}
- Максютова 1983 – Максютова Н.Х. Терминология коневодства у башкир // Вопросы лексикологии и лексикографии башкирского языка: сб. ст. – Уфа: БФ АН СССР, 1983. – С. 18–26. {N.Kh. Maksyutova. The Bashkirs' horse breeding terminology // Questions of lexicology and lexicography of the Bashkir language: a compendium of articles. – Ufa: The Bashkir Branch of the Academy of Sciences of the USSR, 1983. – PP. 18–26.}
- Муратова 2021 – Муратова Р.Т. Названия смешанных мастей лошади в башкирском языке: генезис, развитие и семантика // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. – Казань. – 2021. – Т. 163. – Кн. 1. – С. 19–29. {R.T. Muratova. The names of intermixed equine coat colours in the Bashkir language: genesis, development, and semantics // Bulletin of the Kazan University. The Humanities series. – Kazan. – 2020. – Vol. 163. – Book 1. – PP. 19–29.}
- Надергулов 2000 – Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир / Отв. ред. Э.Ф. Ишбердин. – Уфа: Гилем, 2000. – 185 с. {U.F. Nadergulov. The Bashkirs' livestock vocabulary / Ed. by E.F. Ishberdin. – Ufa: Ghilem, 2000. – 185 p.}
- Псәнчин 1990 – Псәнчин В.Ш. Күңел иретер һүзәр хазиһаһы // Башкорт әҙәбиәте мәсьәләләре (Әҙәбиәт. Фольклор. Әҙәби мираҫ): Мәкәләләр йыйынтығы. – Өфө: БашДУ, 1990. – 121 б. {V.Ş. Psänčin. The hoard of words will melt the heart... // Questions of the Bashkir literature (Literature. Folklore. Literary heritage): a compendium of articles. – Ufa: Bashkir State University, 1990. – 121 p.}
- Самситова, Муллағалиева 2005 – Самситова Л.Х., Муллағалиева Л.К. Концепт «Конь» в русской и башкирской языковой картине мира // Русский язык в межкультурном коммуникативном пространстве: материалы межд. науч.-практ. конф. – Часть II. – Иркутск, 2005. – С. 130–135. {L.Kh. Samsitova, L.K. Mullagaliyeva. The concept of *steed* (horse) in Russian and Bashkir language worldview // The Russian language in the intercultural communicative space: proceedings of the international research and practical conference. – Part 2. – Irkutsk, 2005. – PP. 130–135.}

-
- Щербак 1961 – *Щербак А.М.* Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 82–172. {*A.M. Shcherbak.* The names of domestic and wild animals in Turkic languages // Historical development of the vocabulary of the Turkic languages. – Moscow: The Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1961. – PP. 82–172.}
- Ягафарова 2008 – *Ягафарова Г.Н.* Исследование тематических групп башкирской лексики (онома-сиологический подход). – Уфа, 2008. – 128 с. {*G.N. Yagafarova.* A research of thematic groups of Bashkir vocabulary (the onomasiological approach). – Ufa, 2008. – 128 p.}

Horse breeding vocabulary of the Bashkir language: history and current status

Yu.V. Psyanchin

Ufa

Summary: The article is devoted to the description of the horse breeding vocabulary in the Bashkir language, which implies an analysis of the history of its study, the current state and prospects for further research. The chronological framework of the article covers the period from the late 50s of the XXth century up to the present. Research in the field of horse breeding vocabulary is qualified by the author as part of the branch lexicology of the Bashkir language. The very vocabulary of horse breeding of the Bashkir language is understood as part of the literary language and dialects and dialects.

Key words: Bashkir language, Bashkir dialects, traditional horse breeding, horse breeding vocabulary, horse branch vocabulary.

Yulai Valievich Psyanchin – Ph.D. in philology, professor, scientific secretary of the State Autonomous Institution Bashkir Research Centre for Apitherapy and Beekeeping, Ministry of Agriculture of the Republic of Bashkortostan, Ufa, e-mail: yulayps@yandex.ru.

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ ИЗВЕСТНОГО ТЮРКОЛОГА Б.В. ЧОБАН-ЗАДЕ

Т.М. Хаджиева

г. Москва

Резюме: После выхода в 1912 г. «Краткого очерка грамматики горского языка ‘болкар’ (балкарцев – Т.Х.)» Н.А. Караулова, А.Н. Самойлович опубликовал рецензию, в которой подверг сомнению не только научные выводы автора, но и сам анализируемый материал. Спустя 17 лет у ученого появилась возможность поехать по следам Н.А. Караулова: «Летом 1929 года, – пишет Б.В. Чобан-заде, – по командировке Северо-Кавказского исследовательского института мы с академиком А.Н. Самойловичем и доктором А.Б. Биджиевым обследовали значительную часть того же Чегемского ущелья и собрали достаточный материал по диалекту чегемцев». К сожалению, эти материалы, кроме некоторых записей А.Н. Самойловича¹, до сих пор не обнаружены. Рукопись Б.В. Чобан-заде «Проблемы карачаево-балкарского языка», которую мы выявили в г. Санкт-Петербурге в Архиве Филиала АН², является результатом его работы в вышеуказанной экспедиции. Материалы рукописи в научный оборот вводятся впервые.

Ключевые слова: Бекир Чобан-заде, тюрколог, рукопись, карачаево-балкарский язык, Чегем, кумыкский язык.

Профессор Одесского национального университета имени И.И. Мечникова Д.П. Урсу в статье «Выдающийся ученый-тюрколог Бекир Чобан-Заде: жизнь и деятельность» писал: «Среди отечественных востоковедов-тюркологов 1920–1930-х гг. одно из первых мест принадлежит крымскому уроженцу Бекиру Чобан-Заде (...) Чобан-Заде – гордость крымскотатарского народа, первый ученый мирового уровня, отдавший много сил на изучение языка и литературы родного народа. Наконец, Чобан-Заде – выдающийся поэт, обогативший словесность новыми темами и идеями, новыми художественными приемами. В его творчестве органично слились мудрость Востока и динамизм Запада. В этом отношении деятельность Чобан-Заде представляет собой уникальное явление в культурной истории Крыма» [Урсу].

Известные ученые Ф.Д. Ашнин и В.М. Алпатов в статье «Дело профессора Б.В. Чобан-заде» отмечают, что: «Среди востоковедов, ставших жертвами репрессий 1937–1938 гг., был и Бекир Вагапович Чобан-заде, человек необычной

¹ См.: [Самойлович. Рук.]. Подробнее см.: *Дмитриева Л.В.* Материалы к описанию рукописного наследия А.Н. Самойловича // Тюркологический сборник 1974. – М., 1978. – С. 293.

² См.: [Чобан-заде. Рук.].

судьбы и большого таланта. (...) Накануне гибели, уже сломленный пытками, ученый так характеризовал свою деятельность: 1. Я являюсь первым профессором на Советском Востоке по своей специальности, удостоенным этого звания советской же властью и читавшим первые лекции на родных языках народов этих стран. Мною впервые разработаны университетские курсы по своей специальности. 2. За весь период моей научной деятельности мною написано приблизительно сто пятьдесят (150) научных работ, из которых минимум сто (100) являются первыми попытками научного обоснования проблем азербайджанского языка и литературы на азербайджанском языке. Большинство этих работ и теперь не теряют своего научного значения. 3. Мною подготовлены сотни специалистов языковедов и литературоведов почти на пустом месте; среди этих моих учеников имеются десятки высококвалифицированных научных работников-доцентов и ассистентов, зарекомендовавших себя своими научными работами за пределами своей страны» [Ашнин, Алпатов 1998: 125].

Б.В. Чобан-заде был реабилитирован решением Верховного суда СССР в 1957 г. Говоря о Бекире Вагаповиче как об ученом-тюркологе, профессор Д.П. Урсу подчеркивает: «По тематической широте изучаемых проблем, научной глубине их проработки, по лингвистической эрудиции его с полным основанием можно поставить рядом с такими корифеями тюркологии, как академики А.Н. Самойлович и В.А. Гордлевский. (...) Признанием его выдающихся заслуг в области тюркологии было избрание 16 марта 1935 г. в члены Парижского лингвистического общества. Он внес огромный вклад в общее языкознание тюркских народов, в литературоведение и лингвистику крымских татар, азербайджанцев, кумыков, балкарцев, узбеков, туркмен. Современные исследователи считают Чобан-Заде первопроходцем в изучении кумыкского языка» [Урсу].

В 1926 г. в г. Ростове был организован Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова. За десять с небольшим лет его существования (1926–1937) сотрудники Института У.Д. Алиев, П.М. Ерохин, А.Н. Дьячков-Тарасов, доцент А.И. Гозулов, К.З. Яцута, Н.А. Березовский, В.П. Вельмин, А.А. Алексеев, Н.Ф. Яковлев, А.И. Воскресенский, Н.И. Воробьев, Б.А. Алборов, М.В. Беляев, З.К. Мальсагов и др. проделали огромную работу по изучению истории, этнографии, языка, фольклора, культуры народов Северного Кавказа. С этим институтом тесно сотрудничали такие известные ученые, как немецкий лингвист и этнограф А.М. Дирр, академики Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, Л.В. Щерба, выдающиеся лингвисты Н.С. Трубецкой, Н.Ф. Яковлев, Г.П. Сердюченко, Л.И. Жирков, Р.О. Шор и др. И.И. Мещанинов, Л.В. Щерба, Р.О. Шор, В.Т. Топуриа привлекались и в качестве научных консультантов [Темирболатова 2012: 48].

Многочисленные экспедиции в различные районы Северного Кавказа с целью сбора языкового и фольклорного материала проводили не только сотрудники Института. Так, профессора Н.Ф. Яковлев и Л.И. Жирков, являясь членами Московского лингвистического кружка, в 1916–1922 гг. совершили несколько «летних экспедиций» в южные и северные регионы страны для сбора диалектологического материала, записи фольклорных текстов, проведения этнологических наблюдений [Штайн, Петренко 2011: 104]. Бекир Вагапович Чобан-заде в предисловии к своей рукописи «Проблемы карачаево-балкарского языка», кото-

рую мы выявили в г. Санкт-Петербурге, в Архиве Филиала АН (СПФ АРАН. Фонд 77. Опись 7. Д.116.), пишет: «Считаю долгом выразить благодарность Северо-Кавказскому исследовательскому институту, командировавшему меня вместе с акад. А.Н. Самойловичем летом 1929 г. в Балкарию для изучения балкарского языка» [Чобан-заде. Рук.: 4]³. Далее ученый объясняет, с чем была связана их научная поездка именно в Балкарию: «По своему собственному утверждению, Караулов обследовал Чегемский диалект карачаево-балкарского языка. Летом 1929 года (...) мы с акад. А.Н. Самойловичем и доктором А.Б. Биджиевым⁴ обследовали значительную часть того же Чегемского ущелья и собрали достаточный материал по диалекту чегемцев. Кроме того, в 1930 году издана “Грамматика карачаево-балкарского языка” [Алиев 1930], и в течение десятилетия советизации Северного Кавказа выпущен ряд книг учебного и популярно-научного характера, наконец, карачаево-балкарская печать дает нам полную возможность проверить факты, сообщаемые Н.А. Карауловым в своей грамматике о балкарском языке» [Чобан-заде. Рук.: 7(12)]⁵.

Рукопись исследования Б.В. Чобан-заде «Проблемы карачаево-балкарского языка», которую он определяет как «очерк», является результатом его работы в вышеуказанной экспедиции. Данная рукопись готовилась ученым к публикации, подтверждение тому – упоминание автором в своей рукописи, что она уже рецензировалась: «Тов. И.Х. Тамбиев⁶, как в своей книге “Карачай в прошлом и настоящем” (1931), так же в рецензии, написанной им же на рукопись настоящей работы, утверждает существование у карачаево-балкарцев трех основных сословий» [Чобан-заде. Рук.: 28 (23)].

В одной из своих работ и И.Х. Тамбиев ссылается на рукопись Б.В. Чобан-заде: «проф. Чобан-заде, на основе исследования балкарского языка, заключает: “Суммируя сообщенные нами до сих пор сведения о карачаево-балкарском языке, мы должны констатировать следующие два положения: 1) что балкарцы и

³ Как известно, после выхода в 1912 г. «Краткого очерка грамматики горского языка ‘болкар’ (балкарцев – Т.Х.)» Н.А. Караулова [Караулов 1912] А.Н. Самойлович опубликовал рецензию, в которой подверг сомнению не только научные выводы автора, но и сам анализируемый материал: «Делать какие-нибудь определенные выводы о прошлом болкар на основании данных языка их, обнародованных Н.А. Карауловым, к сожалению, не приходится, так как записи его ни в коем случае нельзя признать вполне надежными» [Самойлович 1913].

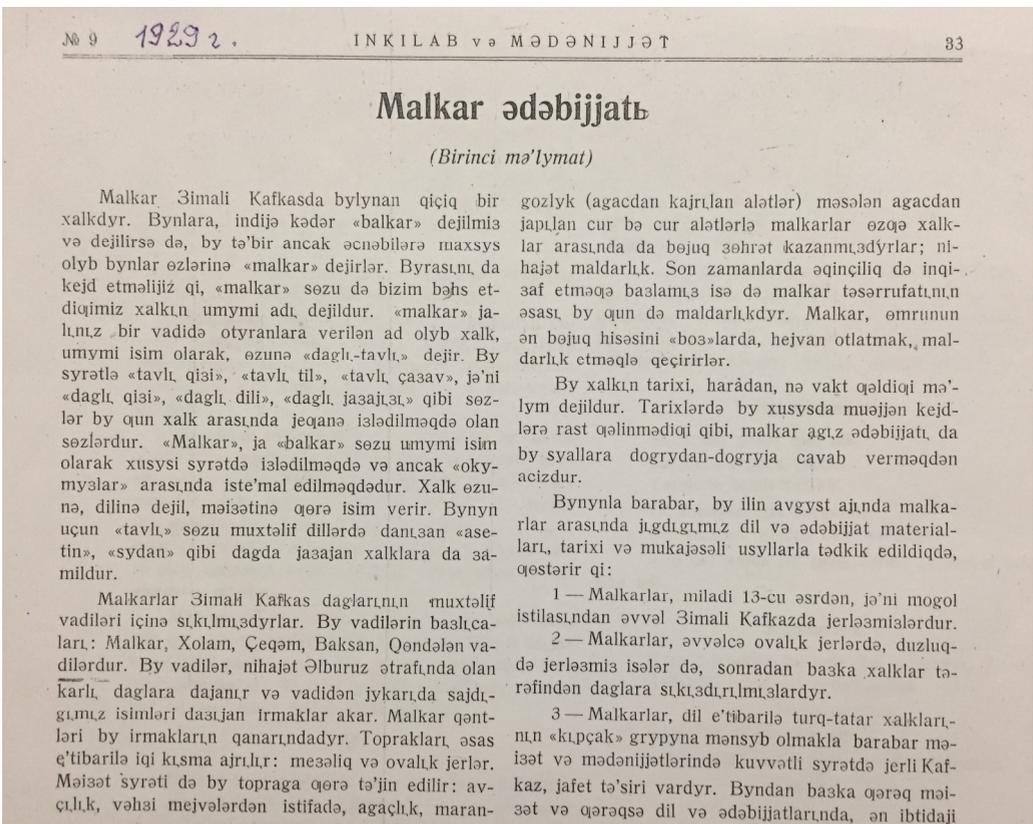
⁴ Биджиев Асхат Басиятович (1900–1958) – врач, поэт и переводчик, автор учебников родного языка. Некоторое время он работал вместе с президентом Академии медицинских наук СССР Н.Н. Бурденко. По необоснованному обвинению был арестован в 1937 г. и пробыл в сталинских застенках более 20 лет. После освобождения из лагерей он находился в ссылке. На свободу вышел в 1954 г., после чего осуществлял врачебную деятельность в г. Москве.

⁵ Рукопись в некоторых местах имеет двойную нумерацию страниц – слева и справа.

⁶ Тамбиев Ислам Хаджи-Бекирович (1904–1937) – карачаевский историк, директор Карачаевского НИИ. В 1937 г. был арестован и решением Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен к расстрелу (21 июля 1937 г.). В 1957 г. определением Военной коллегии Верховного суда СССР реабилитирован посмертно.

карачаевцы являются потомками древних болгар или хазаров; 2) что балкарцы являются отуреченными яфетидами» [Тамбиев 2003]. Эту же цитату из рукописи Б.В. Чобан-заде в 1959 г. в статье «Происхождения карачаевцев и балкарцев по данным языка» использует и известный карачаево-балкарский языковед А.Х. Соттаев [Соттаев 1959: 93–94].

Б.В. Чобан-заде готовил к публикации не только свою статью, но и фольклорные материалы, собранные в Чегемском ущелье. В своей статье «Malkar ədəbiyyatı» (Балкарская литература)⁷, опубликованной после экспедиции, ученый широко использовал эти материалы, указав, что в последующих номерах журнала он продолжит публиковать образцы различных фольклорных жанров карачаевцев и балкарцев [Чобан-заде 1929]. Но, к сожалению, в силу трагических обстоятельств в судьбе Б.В. Чобан-заде и А.Н. Самойловича им не удалось издать материалы, собранные в Чегемской экспедиции 1929 г.

⁷ Эта статья Б.В. Чобан-заде в 1997 г. в переводе на карачаево-балкарский язык была опубликована Т.Ш. Биттировой в газете «Заман» [Биттирланы 1997], а в 2020 г. – в Вестнике КБИГИ [Биттирова 2020].

turq-tatar çizqilori üstündə xristijan, daha sonra islamların təsirləri təbəkələmişdir.

4 — İctimai kyrylysları, daha ziyadə jafetiqlər təsir altında kalmışdır. Sıfı ajrıqlıklar umymijətlə jerli Kafkas xalkında oldygy qibidur. Malkar cəmiyyətinin başında «bi» ja «tavbi» dyryr, sonra «çanqa»-lar daha sonra «özdan»-lər, nihajət «kyl» və «kazak» və «cesir»-lər qəlir.

Oktjabr inkilabına kədar malkarlar arasında da, by feodal kyrylyzy yasaja qəlmışdur.

Ədəbiyyatlarında ziqr edilən kəhrəmanların çokysy* (Sosyryk, Kyby, Raçkav, Coprijan yly Bymaj...) başka turq-tatar xalklarının dastanlarında qərulməjən jerli Kafkas, əqsərişən çarqəs kəhrəmanlarıdyr.

By qunqu malkar dili, əsas e'tibarilə iqi sıvəjə ajrıqlı: 1 — malkar vadisi (başlıca ajrımları azərijə qərə: a) sөz başındaqt, «j» səsində karzılık «z», məsələn «jok» jerinə «Zox». b) Sөzdəqi «ə» jerinə «s» məsələn bas jerinə, «bas» və sajira...); 2 — Çeqəm və Baksan vadilərinin sıvəsidur qi, azərijə qərə olan ajrıması, əsas e'tibarilə, kazan-tatarcasının ajrıması, qibidur.

Malkar dili ilə karaçaj dili arasında bəlli-bəlli heç bir ajrıma jokdyr. Bəzi ajrımlar olsa, o da jallıq bəzi ədəbi parçalarda, ja ajrı sözlərdədur. Bynın uçun sajları, 50 min qəcməjən malkarlar, karaçaj qitablarından fajdalanmaktadyrlar.

**

Malkar agız ədəbiyyatı, özqə turq-tatar xalklarının agız ədəbiyyatından, fiqirimizcə bir çok muhum xususijətlərlə ajrıqlırsa da, ən muhum ajrıqlıq malkar ədəbiyyatının çok ibtidajı bir halda olmasında dyr. By xususda altaj türqlərinin ədəbiyyatları ilə mukəjə edilə bilər.

Mənzym ədəbiyyat, malkarlarda pəq az inqisaf etmişdur. Cırlavçı» tə'bir edilən və «kıll komyz» tə'bir edilən iqi təlil (ajrı kyrygyndan alınır telləri) mysiki ələti ilə çalan, okyan adamları «tavryx» (ərəbcə və ja təvarix sözündən alınmış olsa qərəq) ja «Nart cırla», jə'ni «nart mahnıları» tə'bir edilən mənsyr heqəjələrdən başka haman heç bir əj bilməzler.

Məsələn Çeqəm vadisinin məşyr cırlavçıstı» hesab edilən «Çoty» «Cabyka» qibi xalk zairlərinə mənzym sejlər okymasını təqlif etdiqimiz zaman heç bir nəticə əldə edə bilmədiq. Çunqu bynlar ja mənzym parçalar bilməz, ja əsasan nəzm ilə sөz sөjləməqi «ejib» sanırlardı. By xususda malkar «cırlavçıstı» mənsyr sezu hesab etməjən kırgız-kazak «akın»-larının tamamilə əqsıdır. Malkarları, ən ziyadə xəzlandıqları «heqəjə», «masal» dyr. «Cırlavçıstı»nın ən bəjuq hunəri bir heqəjəni mımqun oldygy, hətta olmadıqı, kədar yzatkəddyr. Məsələn «Çoty» bir heqəjəni uç qun uç qecə sejləjə biləcəqini dava edərdi. Bizim qibi, az zamanda xalk ədəbiyyatına əjid muxtəlif numunələr jıgmaq istəjən adamlara zühəsis qi, by «hunər» heç də xöz

qəlməz. Mənzym sez ancak kadınlar və cavanlar agzında isləni. Bynynla barabar heqəjənin hər cümləsindən sonra ilavə edilən muəjjən nəkərat—refrenlər vasitəsilə hər heqəjəni bir nev'əarkijə təhvil edib kobyzla okymaları, həkikətən bir nev'hunər əd edilə bilər. Xalk ədəbiyyatına əjid verdiqimiz bə'zi numunələri malkarlarda islədilən xalk ədəbiyyatı, nev'lərilə bağlamalıq:

1—Cırl-dar mə'nasında «heqəjə» olmaqla barabar, umymijətlə xalk bədi jasadıqlığına başka turq-tatar xalklarında oldygy qibi, malkarda da by ad verilir. Cırl, jykarıda sejlədiqimiz qibi çok dəfə tamamilə mənsyr, bə'zan «jartım kafijəli» olar:

1—Əruzməqni cırlı.

Əruzməq nellaj qizi edi,
Kajalada çıpçık ajaklı,
Tərəledə temir tajaklı,
Ol atlangandı da bargandı,
Bir axzılık etejim deb nartlaga,
qəib bar edida bir tuzni içində ak maral otlaj tura edi...

2—Sosyryk.

Nart cırlılgandı da avlakka çıkkandı,
Avlakka çıkkıp ot tabalmadıla
Onlarıra rıra
Cazla ot etiqliz dep ajtııla va
Ajlangandıqlarla ot eterəq otık tapmalla
Onarıra, rıra....

3—Cansoxları.

Cansoxları təzli sırtta sazaj edilə,
Kabartını koj ajagıllıoj azaj edile;
Cansoxları toguz bolalla,
Togyzsıy toguz atga minelle.

Tərcəməsi:

1—Əruzməqin zərkisi.

Əruzməq nə qibi adamdı,
Kajalarda sərəc əjaklı,
Jıgıncaklarda dəmir dəjaklı,
O atlanmısa da qetmişdi,
Bir jaxzılık edəjim deş nartlara (kəhrəmanlara)
O qədirdi... Bir dızluqun içində ak maral otlamakda idi...

2—Sosyryk.

Nartlar jıgıllıqlı yzaga çıkmışdıqlar,
Yzaga çıkkıp od tapa bilmədilər.
Cavanlar od jaktıqlar dedilər.
onarıra, rıra;
Dolandıqlar da, od jəkəkək odlyk, odynlyk tapa bilmədilər...
Onarıra, rıra...

3—Cansoxları.

Cansoxları dəzi, sırtda jasarıtlar,
Kabardıjı (çəqəslər) kojyn ajağı qibi
jerdilər,

Cansoxları dokkyz oqlan idilər,
Dokkyzy da dokkyz ata minərdilər.

«Əruzməq», «Sosyryk» və «Cansoxları» namilə malkarlar arasında məşhur olan üç heqəjəyə əjd olarək qətirdiqimiz by kısa numynələr, okyucya, malkar heqəjələrinin kyrylyzy hakında bir fiqr verə bilir. Birinci parçada sə'li parçalarla adi nəsrin bir-birilə karıadıqı, iğinci parçada nəkərat jardımy ilə heqəjənin kobyzla okynacak bir hala qətfirildiği, nihajət uçuncu parçada bəsit və ibtidajı kafijənin pejda oldygy qərunur.

II—İnar və ja hinar malkarlarda mə'lym olan jeqəna mənzym əqıldur. Mundəracəsi çək dəfə əzikanədur və bizə verilən mə'lymata qərə ancaq kadınlar və kızlar tərəfindən işlədilir. Erqəqlərin by qibi zərkiləri səjləməsi ejiə sanılrmı.3:

Biçe stnda cavadı,
Minni tavda tyman kajnajdı,
Nasırlı, bolık meni sıjqəmin,
Tojda niçiq aryv ojnajdı.
Jrtən-innir çığıp kıçırardı,
Bicesinni kyndyzy,
Aresejqə qetqen, beri kojtmajdı,
Qəzlərinin carık çıldıdı.

Tərcəməsi:

Biçəsində jagı.3 jagır,
Minni dagda (Elburuz) dyman kajnır,
Nasırlı olacaq mənim sevdığım
Tojda necə jaxşı ojnır.
Səhər-axşam bağırlır,
Biçəsinin kondyzy
Rysjaja qətmis, bəri kajitmajr,
Qəzlərinin nyrlı yldyzy.

III—İğinci mənzym nəv'i dini parçalardyr qı, bynlara «nazmy» adı verilir. Jenə «Çeqəm» vadi-sində əlimizə qəçmiş olan mə'lym «kijamətnama» əqilindəqi oldykca yzyn bir dini mənzymədən ol-mak uzrə əzadıdaqi parçajı alırlık:

İtqəllərin tuzə bəzlar esine,
Korky qəlır ol zamanda qesine.
Cansız atxa saltı çolga çıqarlar,
Ahylların seni izinnen çıqarlar.

Tərcəməsi:

Ətdiqlərin duzməyə bəzlar jadına,
Korky qəlır o zamanda əzuna,
Cansız ata saltı jola çıqarlar.
İzindən əhli əjalın aglarlar.

IV—Xalk ədəbijjati, parçaları, nın mundəricəsinə qərə ajrılmaları, əzadıdaqi, əqıldədur:

a) Nart səzlə—(atalar səzi)

b) Elbər (tapmacə)

c) Myzəz səzlə (janıltmacə)

d) Xliqqe, və ja xliqqalk cılr (həcvi səirlər)

f) Byndan başka torıqıv (huzun və qədər), sar-nav (mərsijə), comak (masal) və marav (avçı) ədə-bi nəv'ləri də vardyr. Bynlardan misallar qəstər-məqi daha mufəssəl syrtdə jazacagımız iğinci mə-kaləyə byrakırlık.

By kısa məkaləmizi kyrtarmadan əvvəl bir ne-çə səz də malkarların mədəni və ədəbi inqisafı, hakında səjləməlijjı.

Oktijabr inkilabından əvvəl malkarlarda təhsil başlıca, əərbəə olmyz və okymyşları, da jalımyz mollalardan (əfəndi) ibarət imiz. Cədidçiliq cərəjanı, az bir zaman malkar dagları,nda da bə'zi əqslər jəpmı.3. Laqın oktijabr inkilabına kədar malkar di-lində məqtəb və qıtab olmamı.3. Inkilabdan sonra «Nalçiq» mərqəz olmaq uzrə kabardin-balkar myx-tarijjetli əlqəsinin təzəqqulu ilə inkilabi kyrycylyk başlamı.3. Əsəjdan at jolyndan başka jolları olma-jan malkar qəntilərinə əosa jollar çqilmiz və av-tomobilər işləməqədədur. Hər qəntdə ən qəzəl bi-nalar zyra zəhmət məqtəbləridur.

Nalçiqdə «Kara xalk» namilə kabardin, malkar və rys dillərində bir də gəzət çıkməkdədyr. Mal-karların qənc zair və jazıçılardı da vardyr. İğinci bir məkaləmizdə bynlardan da bəhs ələriq.

Xalk ədəbijjati, nın əzundə də inkilabi ryh art-məkdədyr. Byna misal olarək bir malkar çəbanı-nın əzından jazdıqımy bir zərkidən əzadıdaqi parçaları qətirirəm:

Syv bojnında cərq bitədi çajnar içyn;
Carılıda casajdıla, bajlar içyn.
Əzdenleqə xaram biqə rıçak tijsin!
Konzyssyna xaram kortka çıçkak tijsin!

Tərcəməsi:

Sy bojnında cərq bitər çəqnəməq uçun.
Qasıblar jazajır bajlar (zənoqınlar) uçun.
Əzdenlərə və zalim bəjlərə bıçak dəjsin,
Onyn konzyssyna və zalim kartlara mərz
dəjsin!

Bizə, malkar xalk ədəbijjati, nın tədkiki jalı-nı.3 qıçiq bir xalk üzərində belə by qunqu ictimai kyrylyzyn nə qibi feizli tə'sirləri oldygyyn və mə-dəni inkilabın mikroskopi qəslərini qəstərməqlə kalmajı.3. ejni zamanda umymi turq-tatar ədəbij-jat və dilinin tərixinə və Zimali Kafkazi, n nə qibi mə-dəni təqamullərə mejdan oldygyına dəjir də pəq kij-mətli matriallar vermizədur qı, bynyn uçun məni və akademik Samojloviçi malkar dili və ədəbijjati, tədk-ki uçun bir ajlık muddətlə malkar vadilərinə sevk edən Rostov Zimali Kafkaz tədkik və tətəbbə' in-stityytına ajrıca təzəqqurlar etməməlijəm. By jolçy-lygymyzyyn elmi nəticələri məzqyr instityt tərəfin-dən nəzr ediləcəqdur.

Professor: B. Çəbanzadə.

Судя по работам Б.В. Чобан-заде, членами экспедиции был собран большой материал по языку, фольклору и этнографии, который, к сожалению, кроме некоторых записей А.Н. Самойловича [Самойлович. Рук.], до сих пор не выявлен. Рукопись исследования Б.В. Чобан-заде «Проблемы карачаево-балкарского языка», которую он изложил на 56 (51 – без предисловия) рукописных страницах, состоит из предисловия, четырех небольших глав и заключения: I. Краткий обзор сведений о карачаево-балкарском языке; II. Взаимоотношения карачаево-балкарского и кумыкского языков; III. О диалектах карачаево-балкарского языка; IV. Замечания по грамматике карачаево-балкарского языка и заключения⁸.

В **предисловии** Б.В. Чобан-заде пишет: «Очерк является первой частью нашей работы по карачаево-балкарскому языку и литературе. Выполняя эту часть работы вдалеке от Северного Кавказа и в довольно тяжелых библиотечных условиях, в Баку, мы все же старались придать нашей работе отчасти итоговый характер и поэтому использовать все доступные нам материалы по этому языку, а главное приложили все усилия, чтобы освободиться от предрассудков индоевропеистики, которые находили сильное отражение в наших предыдущих работах. Но и эта работа грешит крупными методологическими проблемами, преодоление которых зависит не только от автора, а в тоже время от дальнейшего углубленного изучения карачаево-балкарского языка. Если настоящая работа является одним из звеньев развития знания об этом языке, то труд, истраченный на нее, будет оправдан» [Чобан-заде. Рук.: 4].

В **первой главе** своей работы ученый дает историографию вопроса. Отметив, что «путешественники и исследователи дооктябрьского периода изучали карачаево-балкарский язык издали и со стороны, например, сидя в Георгиевске (Клапрот) или же сочиняя от себя не присущие карачаево-балкарскому языку особенности (Караулов)», Б.В. Чобан-заде пишет: «Наш краткий и далеко неполный обзор о карачаево-балкарском языке, надеемся, заслуживает известный интерес еще и тем, что он вскрывает некоторые ошибки и недочеты прежних исследований» [Там же]. Проанализировав работы Ю. Клапрота, П. Палласа, А. Ламберти, Н.А. Аристова, он жалеет, что не может остановиться и на трудах двух венгерских ученых – В. Прёле [Pröhle 1909; 1914–1916] и Д. Немета [Németh 1911: 91–153], так как они «под рукой не имеются, а сделанные из них выписки когда-то, не отвечают на интересующие его вопросы» [Там же]. Далее он опять возвращается к работе Н.А. Караулова и подробно анализирует его Грамматику.

В конце первой главы Б.В. Чобан-заде отмечает: «Наша настоящая работа вообще имеет целью более конкретно обосновать некоторые ранее поставленные вопросы и выдвинуть несколько новых проблем, без разрешения которых, как нам кажется, нельзя вплотную подойти к изучению карачаево-балкарской культуры вообще и языка в особенности. Суммируя сообщенные нами до сих пор сведения и гипотезы о карачаево-балкарском языке должны констатировать следующие два положения: 1) что карачаево-балкарцы являются потомками древних

⁸ В своей работе мы старались цитировать статью Б.В. Чобан-заде без комментариев. Комментарии нами даются лишь в тех случаях, когда встречаются неправильные названия и функции каких-либо мифологических персонажей или фольклорных жанров карачаевцев и балкарцев.

Предисловие

3

Настоящий очерк является первой частью нашей работы по карагаев-балкарскому языку и литературе. Выполнив эту часть работы в далеке от Северного Кавказа и в довольно тяжелых библиотечных условиях, в Баку, мы все же старались придать нашей работе отчасти итоговый характер и поэтому неопоздав все доступные нам материалы по этому языку, и главное применили все усилия освободиться от предрассудков ~~то~~ индо-европейской, которые находим часто отразившиеся в наших предыдущих работах. Но и эта работа трепещет крупными методологическими проблемами, решение которых зависит не только от автора, а в немалой мере от дальнейшего углубленного изучения карагаев-балкарского языка.

Если настоящим работа является одним из звеньев разрывной цепи знаний об этом языке, то труд, истраченный на нее будет оправдан.

Считаю долгом выразить благодарность Северо-Кавказскому Исследовательскому Институту, командировавшему меня вместе с акад. А. Н. Самойловичем летом 1929 году в Балкарско-дингузский Балкарский язык.

Основные положения и выводы настоящей работы были доложены на специальном заседании Азербайджанского кружка при Азербайджанском научно-исследовательском Институте (Аз.ИНИИ), где считая своим долгом отметить и здесь все выразить свою признательность проф. А. Т. Зиркебу-Симухан, тогдашнему руководителю этого кружка.

Б. Гованзаде

болгар или хазаров; 2) что балкарцы и карачаевцы являются отуреченными яфетидами. О языке балкарцев и карачаевцев тоже имеем несколько гипотез, из которых, по нашему мнению, соответствует действительности только гипотеза, выдвинутая Н.Я. Марром, о гибридности этого языка, так как она подтверждается памятниками материальной культуры [Павлов 1927], особенностями быта и фактами из области надстроечных систем, в том числе и языка» [Чобан-заде. Рук.: 19 (14)]. В этом контексте нужно упомянуть и то, что известный тюрколог А.К. Боровков в своей статье «Карачаево-балкарский язык» отмечал, что на «принципиально теоретическую значимость» балкарского языка впервые указал Н.Я. Марр [Марр 1929: 45–46] и что «инициативе и руководству Н.Я. Марра обязана и трехкратная экспедиция Яфетического института АН СССР в Балкарию и Карачай специально языковедными задачами» [Боровков 1932: 39]. Об этих экспедициях упоминает и Б.В. Чобан-заде: «Все же мы должны сказать, что (...) следует приветствовать начинания Яфетического Института в Ленинграде, включившего в свой производственный план особым разделом всестороннее обследование и изучение карачаево-балкарского народа и языка (...) Яфетический Институт уже успел направить в эти районы несколько экспедиций из достаточно квалифицированных своих сотрудников и поэтому есть надежда, что собранные и собираемые Институтом материалы (...) дадут ключ к окончательному разрешению проблем, поставленных перед наукой и, как видно из нашего краткого обзора, не разрешенных в течение нескольких веков» [Чобан-заде. Рук.: 19–20 (14–15)].

Во второй главе «Взаимоотношения карачаево-балкарского и кумыкского языков» Б.В. Чобан-заде, подчеркнув, что некоторые языковые особенности, сближающие и отдаляющие эти два языка, в то же время проливают свет на общественно-хозяйственные взаимоотношения говорящих на них народов, подробно рассматривает вопросы о племенном названии карачаевцев, балкарцев и кумыков; о сословном укладе их обществности и номенклатуре сословий; об отсутствии в языках обоих народов монголизмов нового периода, т. е. XIII в., эпохи монгольского нашествия. «Говоря об общих чертах этих языков, – пишет Б.В. Чобан-заде, – мы должны в то же время остановиться и на различающих их друг от друга особенностях. Только после этого будет возможно дать их полную характеристику. Нам кажется, что моментов расхождения больше, чем сходства: а) существенным различием между этими двумя языками является система исчисления. Например: *çirma* (20), *çirma bla on* (30), *eki çirma* (40), *eki çirma bla on* (50), *uc çirma* (60), *uc çirma bla on* (70), *tört çirma* (80), *tört çirma bla on* (90) и *çyz* (100). В кумыкском же языке существует десятичная система: *otuz* (30), *qbrq* (40), *elli* (50), *altmş* (60) и т. д. (...) В обозначении времени эти два языка тоже расходятся между собой. Кумыкские названия дней недели большей частью являются арабскими» [Чобан-заде. Рук.: 32 (27), 34 (29)].

Относительно *литературы* Б.В. Чобан-заде отмечает, что «развитие литературы у карачаево-балкарцев и у кумыков тоже представляет богатый материал для установления взаимоотношений этих двух народов. Поэтому нижеследующие замечания, впервые публикуемые нами, должны послужить материалом для более углубленного осмысления этих взаимоотношений: а) поэтические виды народного творчества, по собранным нами материалам, более многообразны, чем у кумыков. У первых отмечены нами следующие виды: 1) *Çar* (хапар – Т.Х.)

(рассказ), 2) *Çomaq* или *Zomaq* (легенда, сказка), 3) *Taurux* (эпические рассказы), 4) *Elber* (загадки), 5) *Sarnau* (плач – Т.Х.) (элегические песни), 6) *Hinar* (любственные песни), 7) *Xlikke* (шуточные песни), 8) *Ozaj* (хоровые, детские песни), 9) *Maraui çar* (охотничьи песни), 10) *Nazmu* (религиозные песни), 11) *Muşaş söz* (скороговорки), 12) *Curtuvul ...* ((походные, набеговые – Т.Х.) песни).

В кумыкском же имеем: 1) *Sarъn* (любственные песни), 2) *Jar* (эпические песни), 3) *takmak* (диалогические песни), 4) *jas* (элегические песни), 5) *Nart söz* (пословицы)⁹, 6) *Cecegen jumak* (загадка), 7) *Nazma* (религиозные песни), 8) *Xikajet* (рассказ).

Кроме того, в карачаево-балкарском языке мотив – *куj* или *ezqi* (*макъам* – Т.Х.), припев – *езув*¹⁰. Эти названия записаны в Чегемском ущелье, и не было до сих пор возможности проверить и сопоставить их с подобными же материалами других ущелий, и в особенности с видами народного творчества карачайцев (карачаевцев – Т.Х.). У балкарцев Чегемского ущелья наибольшей популярностью пользуется “*tavrux*”, т. е. эпические рассказы и песни. Что же касается “*hinar*” (любвенная песнь), то они поются, главным образом, женщинами и девушками. Мужчинам петь “*hinar*” не принято. Кроме того, следует отметить, что вид “*nazmu*” (религиозные песни) у карачаево-балкарцев перенято у кумыков, так как арабское слово “*nazmu*” (стихотворение) имеет такое религиозное значение только в Дагестане у кумыков.

Герои (эпических сказаний – Т.Х.) карачаево-балкарцев носят общее название “*nart*”, присущее большинству кавказских народов, в том числе и кумыкам. Старшиной балкарских героев (предводителем карачаево-балкарских нартских героев – Т.Х.) является “*Өryzmeк*”, который участвует как главное лицо почти во всех эпических рассказах (сказаниях – Т.Х.) и (нартских – Т.Х.) песнях, как киргизский “*Manas*”. Кроме “*Өryzmeка*” в наших материалах встречаются еще следующие (нартские – Т.Х.) герои: “*Sosuruq*”, “*Qaraşanaj*”, “*Racqav*”, “*Qubu*”, (герои историко-героических песен – Т.Х.): “*Çansoxlari*”, “*Qrъtxan*”, “*Orusxan*”, “*Xadavçiq*”, “*Çуçeј*”, “*Qanşau*”, “*Tauqan*” и пр. Можно сказать, что ни один из этих героев в эпических рассказах и песнях кумыков и др. тюркоязычных народов Кавказа не встречается, и они объяснимы большей частью на почве народного творчества яфетических или других гибридных народов Кавказа. Эти герои карачаево-балкарского эпоса большей частью фигуры языческие; они “не мусульмане” и не борются “против иноверцев”, как большинство эпических героев исламского периода; они заняты скорее борьбой со стихиями, крадут огонь, покоряют злых духов, людоедов и пр.¹¹ Все это указывает на более древний и при-

⁹ Это, вероятно, опечатка. У карачаевцев и балкарцев пословицы называются *нарт сёзле* (слова, изречения нартов), а у кумыков – *atarlar sözu* (в азербайджанском яналифе – прим. ред.) В своей статье «Malkar әдәбијјатъ» (Балкарская литература) Б.В. Чобан-заде, перечисляя жанры карачаево-балкарского фольклора, указывает, что пословицы у них называются *нарт сёзле* [Чобан-заде 1929].

¹⁰ Обычно солист запеваает песню, другие (несколько человек или хор) делают *эжиу* – сопровождают исполнение унисонным пением.

¹¹ Карачаево-балкарские героические песни и сказания о богатырском племени нартов являются одной из основных версий общекавказской «Нартиады». Б.В. Чобанзаде, охарактеризовав в данной статье нартских героев и эпические сказания, связанные с ними,

митивный характер этих памятников народной литературы¹². Другая категория эпических песен и рассказов относится к сравнительно близкому прошлому Северного Кавказа» [Чобан-заде. Рук.: 36–38 (31–33)].

«В **фонетике** и **морфологии** этих двух языков находим также немало расхождений: а) самой существенной из фонетических особенностей, отделяющих карачаево-балкарский язык от кумыкского, является присутствие в карачаево-балкарском *ç* (совр. кириллич. <ж>, <дж> – прим. ред.) против кумыкского *j* в начале слов. Например: *çal – jal, çoq – joq, çar – jar, çat – jat*» [Чобан-заде. Рук.: 39 (34)]. Б.В. Чобан-заде считает, что «самые существенные особенности карачаево-балкарского языка, отделяющие его от других языков, кроются в его лексическом запасе. Мы должны признаться, что в силу различных причин, а главное благодаря нашему, пока очень поверхностному, знакомству с другими языками Северного Кавказа, в особенности с яфетическими, углубиться во всестороннюю характеристику и описание лексики и семантики этого языка не можем и поэтому ограничимся здесь только указанием на присутствие в этом языке солидного количества яфетических и других элементов и подождем мнения более компетентных в этой области специалистов, а главным образом основоположника яфетической теории Н.Я. Марра и его ближайших сотрудников. В собранных нами материалах имеются слова и вообще языковые факты, которые необъяснимы на почве известных нам языковых систем» [Чобан-заде. Рук.: 43 (38)].

Касательно **арабизмов** Б.В. Чобан-заде отмечает, что экспедицией собрано лишь небольшое количество слов. И арабизмов, судя по собранному материалу, «гораздо меньше, чем, например, в кумыкском или даже ногайском». По мнению Б.В. Чобан-заде, «носителями арабизмов на Востоке были преимущественно

дав две нартские песни «Ёрюзмок» и «Сосурук», в своей журнальной публикации [Чобан-заде 1929] почему-то не выделил «Нартские песни и сказания» карачаевцев и балкарцев как отдельный жанр в их фольклоре, как это сделал композитор С.И. Танеев еще в 1885 г. [Танеев 1886]. Вероятно, Б.В. Чобан-заде не был знаком с этой работой композитора. Здесь хотелось бы отметить, что в публикации С.И. Танеева даны и ноты песни «Ёрюзмок», а среди нотных записей четырех нартских песен балкарцев и карачаевцев, дошедших до нас, благодаря известному украинскому хоровому дирижеру, фольклористу, композитору М.П. Гайдаю, зафиксирована и «Песня об Ёрюзмеке». Варианты песни «Ёрюзмок», записанные Б.В. Чобан-заде, М.П. Гайдаем и наиболее полный вариант песни, опубликованный в 1903 г. Н.П. Тульчинским [Тульчинский 1903: Терский сборник. – Владикавказ, 1903. – Вып. VI. – С. 267–268], дают возможность не только услышать эти песни так, как они интонировались, начиная с конца XIX в., но и сравнить их музыкально-поэтические особенности с записями нартских песен на аудио- и видеокассеты в 60–90-х гг. XX в.

¹² «Тут же сообщаем собранные нами некоторые названия божественных, мифологических существ и духов: *Tejri* – Бог языческий; *Almastь* – злой дух женского рода, виновница женских болезней (снежный человек; домовый; в фольклоре *алмасты* описывают, как существо женского пола, с длинными, распущенными волосами – Т.Х.); *Obur* – дух-обжора (злой дух, оборотень, ведьма-вампир – Т.Х.); *Emegen* – дивы-людоеды, помонгольски ‘старуха’; *Zelmavus* – точные особенности этого духа мне не известны (прожорливое, ненасытное демоническое существо – Т.Х.); *Su anasь* – водяной (*Суу анасы* – Мать воды – Т.Х.). Имеется и *Şajtan, çin* и пр.» (прим. Б.В. Чобан-заде).

муллы, воспитанники медресе – духовных школ. Эти арабизмы проникли в язык не путем живого общения масс, а скорее, сверху, через книги и благодаря религиозной пропаганде. При каждой мечети существовала духовная школа (...). В медресе проходились классические учебники по арабской грамматике, логике и исламской догматике, таким образом в карачаево-балкарский лексикон проникли обычные арабо-персидские слова-термины, которые иногда вытесняли карачаево-балкарские соответствия, но эти слова, входя в народный живой язык, часто меняли свою фонетическую окраску и семантическую сущность. В наших материалах встречаются слова, которые, безусловно, относятся к категории арабо-персидских заимствований» [Чобан-заде. Рук.: 49 (44)].

В третьей главе «О диалектах карачаево-балкарского языка» Б.В. Чобан-заде, отметив, что Н.А. Караулов в своей Грамматике говорит о наличии в Балкарии двух основных диалектов – чегемского и балкарского, пишет, что для исследования словарного отличия чегемско-баксанского диалекта от карачаевского записан материал от жителей Чегемского ущелья и от карачаевца А. Биджиева – одного из членов их экспедиции. Проанализировав эти записи, Б.В. Чобан-заде подчеркивает: «изучение карачаево-балкарской диалектологии – дело будущего. Пока можно констатировать только одно, что карачаево-балкарский язык имеет три основных диалекта: 1) карачаевский, 2) чегемско-баксанский и 3) балкарский» (верхнебалкарский (малкарский) – цокающе-зокающий диалект – Т.Х) [Чобан-заде. Рук.: 53 (48)].

Четвертая глава «Замечания по грамматике карачаево-балкарского языка» состоит из нескольких кратких замечаний по морфологии и синтаксису карачаево-балкарского языка.

В заключении своего очерка Б.В. Чобан-заде отмечает: «Настоящая предварительная стадия, в которой находится наше знание об истории и периодах развития карачаево-балкарского языка, делает преждевременным и невозможным прийти к каким-нибудь конкретным и определенным выводам. Все же следующие пункты мы считаем возможным выставлять в качестве предположения:

1. Карачаево-балкарский язык занимает особое место как среди яфетических, а также других полуяфетических языков Северного Кавказа.

2. В составе карачаево-балкарского языка встречаются результаты и пережитки скрещивания: а) яфетические, б) хазарско-болгарские, в) половецко-команские, г) кумыкские, д) арабо-персидские, е) русско-европейские.

3. Таким образом, карачаево-балкарский язык, отражая в себе почти все главные исторические и доисторические этапы хозяйственно-общественной жизни Северного Кавказа, является языком не пришлых, а одного из исконных народов этого края» [Чобан-заде. Рук.: 53 (48)].

Источники

- Самойлович. Рук. – *Самойлович А.Н.* Отдел рукописей РНБ. Фонд А.Н. Самойловича. – Ф. 671, 371 ед. хр., 1902–1936. {*A.N. Samoylovich. The manuscript fund of the National Library of Russia. A.N. Samoylovich Fund. – Fund 671, 371 storage unt., 1902–1936.*}
- Чобан-заде. Рук. – *Чобан-заде Б.В.* Проблемы карачаево-балкарского языка (рукопись). – Санкт-Петербург, Архив Филиала АН (СПФ АРАН. Фонд 77. Опись 7. Д.116). {*B.V. Choban-zade. Issues of the Karachay-Balkar language (manuscript). – Saint-Petersburg, Archive of the Branch of the Academy of Sciences (Fund 77. List 7. File 116).*}

Литература

- Алиев 1930 – *Алиев У.* Карачаево-балкарская грамматика. – Кисловодск, 1930. {*Umar Aliyev.* Karachay-Balkar grammar. – Kislovodsk, 1930.}
- Ашнин, Алпатов 1998 – *Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М.* Дело профессора Б.В. Чобан-заде // Восток. – 1998. – № 5. – С. 125. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov.* The case of professor B.V. Choban-zade // Vostok. – 1998. – No. 5. – P. 125.}
- Боровков 1932 – *Боровков А.К.* Карачаево-балкарский язык / Яфетический сборник VII. – Л., 1932. – С. 37–55. {*A.K. Borovkov.* The Karachay-Balkar language / Japhetic collection VII. – Leningrad, 1932. – PP. 37–55.}
- Биттирова 2020 – *Биттирова Т.Ш.* Бекир Чобан-заде: у истоков карачаево-балкарского литературоведения // Вестник КБИГИ. – Нальчик, 2020. – № 1 (44). {*T.Sh. Bittirova.* Bekir Choban-zade: at the origins of the Karachay-Balkarian literary criticism // Bulletin of the Karachay-Balkar Institute for Humanities. – Nalchik, 2020. – No. 1 (44).}
- Караулов 1912 – *Караулов Н.А.* Краткий очерк грамматики горского языка ‘болкар’ // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1912. – Вып. 42. – С. 1–169. {*N.A. Karaulov.* A brief grammar of the language of ‘Bolkars’ // Collection of materials for the description of the regions and tribes of the Caucasus. – Tiflis, 1912. – Issue 42. – PP. 1–169.}
- Март 1929 – *Март Н.Я.* Балкар-сванское скрещение. Доклады Академии наук СССР. – Л., 1929. – № 3. – С. 45–46. {*N.Ya. Marr.* Balkar-Svan crossing. Reports of the USSR Academy of Sciences. – Leningrad, 1929. – No. 3. – PP. 45–46.}
- Павлов 1927 – *Павлов Д.М.* Искусство и старина Карачая. – Махач-Кала, 1927. {*D.M. Pavlov.* Art and antiquity of Karachai. – Makhach-Kala, 1927.}
- Самойлович 1913 – *Самойлович А.Н.* Рецензия на «Краткий очерк грамматики горского языка ‘болкар’» Н.А. Караулова // Записки Восточного отдела Русского археологического общества. – Т. XXI. – Вып. IV. – 1911–1912. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1913. С. 0152—0161. {*A.N. Samoilovich.* Review on N.A. Karaulov’s «A brief grammar of the language of ‘Bolkars’» // Notes of the Eastern Department of the Russian Archaeological Society. – Vol. 21. – Issue 4. – 1911–1912. Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1913. P. 0152—0161}
- Соттаев 1959 – Малкър жомакъла, нарт сёзле, элберле (Балкарские сказки, пословицы, загадки) / сост. А.Х. Соттаев. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1959. – 268 с. {Balkar fairy tales, proverbs, and riddles. / Edited by A.Kh. Sottayev. – Nal’chik: Kabardino-Balkarian publishing house, 1959. – 268 pp.}
- Тамбиев 2003 – *Тамбиев И.Х.* О Карачае и Балкарии: сб. очерков, статей, заметок. – Ставрополь, 2003. – С. 136. {*I.Kh. Tambiyev.* About Karachai and Balkaria: a collection of essays, articles, notes. – Stavropol, 2003. – P. 136.}
- Танеев 1886 – *Танеев С.И.* О музыке горских татар // Вестник Европы. – 1886. – Т. I, кн. 1. – С. 94–99. {*S.I. Taneev.* About the music of the Mountain Tatars // Bulletin of Europe. – 1886. – Vol. I, book 1. – PP. 94–99.}
- Темирболатова 2012 – *Темирболатова А.И.* Проблемы языковой политики и языкового строительства на Северном Кавказе (на материале рукописей архивного фонда Р-1260 ГАСК – «Северо-Кавказский горский историко-лингвистический научно-исследовательский институт имени С.М. Кирова» (1926–1937)). – Ставрополь, 2012. – 314 с. {*A.I. Temirbolatova.* Problems of language policy and language construction in the North Caucasus (based on the manuscripts of the archive fund R-1260 GASK – «North Caucasian Mountain Historical and Linguistic Research Institute named after S.M. Kirov» (1926–1937)). – Stavropol, 2012. – 314 p.}
- Тулчинский 1903 – Терский сборник. Литературно-научное приложение к «Терскому Календарю» 1904 г. Издание Терского Областного Статистического Комитета. Под редакцией Г.А. Вертепова. Съ иллюстрациями. // Поэмы, легенды, пѣсни, сказки и пословицы горскихъ татаръ Нальчикскаго округа Терской области. Записаны *Н. П. Тулчинскимъ.* – Владикавказ: Типографія Терскаго Областного Правленія, 1903. – Вып. VI. – С. 267–268 [Страницы всего раздела: 248–333]. {The Terek Miscellany. Literary and scientific appendix to the “Terek Almanac”, 1904. An edition of Terek Regional Statistics Committee. Edited by G.A. Vertepov. Illustrated. // Poems, legends, songs, fairy tales, and proverbs of Mountain Tatars of Nal’chik district of the Terek region. Recorded

- by N. P. Tul'chinskiy. – Vladikavkaz: Typography of the Terek Regional Administration, 1903. – Issue 6. – PP. 267–268 [PP. of entire chapter: 248–333].}
- Урсу – Урсу Д.П. Выдающийся ученый-тюрколог Бекир Чобан-Заде: жизнь и деятельность // Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941 гг.). – URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/ocherki-istorii-kulturi-krimskotatarskogo-naroda-1921-1941-6.html> {D.P. Ursu. Outstanding Turkic scholar Bekir Choban-Zade: life and work // Essays on the history of culture of the Crimean Tatar people (1921–1941). – URL: <http://www.krimoved-library.ru/books/ocherki-istorii-kulturi-krimskotatarskogo-naroda-1921-1941-6.html>}
- Чобан-заде 1929 – Чобан-заде Б.В. Malkar әдәбијјатъ (Балкарская литература) // Inkilab ve мәдәнијјат. – Баку, 1929. – № 9. {B.V. Choban-zade. Balkar literature // Revolution and Civilization. – Baku, 1929. – No. 9.}
- Штайн, Петренко 2011 – Штайн К.Э., Петренко Д.И. Московский лингвистический кружок // Филология: История. Методология. Современные проблемы. – Ставрополь, 2011. – С. 103–112. {K.E. Stein, D.I. Petrenko. Moscow linguistic circle // Philology: History. Methodology. Contemporary problems. – Stavropol, 2011. – PP. 103–112.}
- Биттирланы 1997 – Биттирланы Т. Озгъан заманланы ауазы: Б. Чобан-заде ве онынъ балкъар эдебияты акъкъында язгъан мақалелери // Заман: Балкарская газета. – 1997. – 18 февр. {T. Bittir-lany. Echo of the bygone epoch: B. Choban-zade and his articles, written on the Balkar literature // Zaman: the Balkar newspaper. – 1997. – February, 18.}
- Németh 1911 – Németh Gy. Kumük tanulmányok. 1. Rész: Kumük és Balkár szójegyzék (Kumükisches und Balkarisches Wörterverzeichnis) // Keleti Szemle. – Bd. XII. – Budapest, 1911. – S. 91–153. {Gy. Németh. The research on Kumyk. Part 1: Kumyk and Balkar glossary. – Keleti Szemle/Revue Orientale. – Budapest, 1911. – PP. 91–153.}
- Pröhle 1909 – Pröhle W. Karatschaisches Wörterverzeichnis // Keleti Szemle. – Bd. X. – Budapest, 1909. – S. 83–150; Karatschaische Studien. – S. 215–304; I. Karatschaische Laut und Formenlehre. – S. 215–235; II. Karatschaische Texte. – S. 235–304. {W. Pröhle. Karachay Glossary // Keleti Szemle. – Vol. 10. – Budapest, 1909. – PP. 83–150; Karachay Studies Glossary. – PP. 215–304; 1. Karachay Phonology and Morphology. – PP. 215–235; 2. Karachay Texts. – PP. 215–235.}
- Pröhle 1914–1916 – Pröhle W. Balkarische Studien I // Keleti Szemle. – Bd. XV. – Budapest, 1914–1915. – S. 164–276; Vorwort. – S. 165–167; I. Laut und Formenlehre. – S. 167–196; II. Wörterverzeichnis. – S. 196–270; Balkarische Studien II // Keleti Szemle. – Vol. XVI. – Budapest, 1915–1916. – S. 104–243 (Texte mit deutscher Übersetzung und Kommentar). {W. Pröhle. Balkar Studies 1 // Keleti Szemle. – Vol. XV. – Budapest, 1914–1915. – PP. 164–276; Introduction. – PP. 165–167; 1. Phonology and Morphology. – PP. 167–196; 2. Glossary. – PP. 196–270; Balkar Studies 2 // Keleti Szemle. – Vol. XVI. – Budapest, 1915–1916. – PP. 104–243 (Text with German translation and commentary).}

From the scientific inheritance of B.V. Choban-Zade, a famous turkologist

T.M. Khadzhieva

Moscow

Summary: After the publication of “A brief grammar of the language of ‘Bolkars’ (Balkars – T.Kh.)” by N.A. Karaulov, A.N. Samoilovich published a review in which he questioned not only the scientific conclusions of the author, but also the analyzed material itself. After 17 years, B.V. Choban-zade had the opportunity to follow in the footsteps of N.A. Karaulov: “In the summer of 1929, on an assignment by the North Caucasian Research Institute together with academician A.N. Samoilovich and Dr. A.B. Bidzhiev we explored a significant part of the same Chegem gorge and collected sufficient material on the Chegem dialect”. Unfortunately, these materials, apart from some notes by A.N. Samoilovich, have not yet been discovered. B.V. Choban-zade’s manuscript “Issues of the Karachay-Balkar language”, which we found in St. Petersburg’s Archive of the Academy of Sciences, is the result of his work in the above mentioned expedition. The manuscript materials are introduced into scientific literature for the first time.

Key words: Bekir Choban-zade, turkologist, manuscript, Karachay-Balkar language, Chegem, Kumyk language.

Tanzilya Musayevna Khadzhiyeva – Ph.D. in philology, leading research associate of the Folklore Department of Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, e-mail: tanzila_@mail.ru.

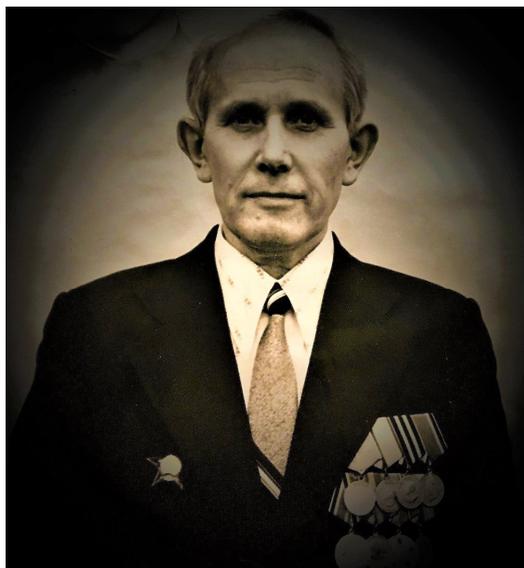
ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ФЕДОР ДМИТРИЕВИЧ АШНИН (К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В.М. Алпатов

Москва

Федор Дмитриевич Ашнин (он всегда поправлял собеседников, постоянно ставивших ударение в его фамилии на втором слоге, указывая, что нужно на первом) родился 19 января 1922 г. в с. Нижняя Добринка Камышинского района, ныне Волгоградской области¹. Он оказался земляком одного из своих учителей, выдающегося ученого Николая Феофановича Яковлева, тоже уроженца, по современному административному делению, северной части Волгоградской области. Но Яковлев происходил из дворян, а Ашнин – из крестьян.

¹ Здесь и далее используются биографические данные, содержащиеся в [Милибанд 2008].

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, заведующий отделом языков Восточной и Юго-Восточной Азии, руководитель НИЦ по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, e-mail: v-alpatov@ivran.ru.

Окончив среднюю школу, Федор Дмитриевич поступил в педагогический институт, но очень скоро был призван на военную службу и оказался в пограничных войсках. Случайность, но она спустя годы многое определила в его деятельности.

В 1941–1944 гг. он воевал. Я никогда не слышал его рассказов о войне, но дома у него была выставлена грамота о присвоении звания почетного гражданина небольшого молдавского городка. В 1944 г. Федора Дмитриевича откомандировали в г. Москву в Военный институт иностранных языков, в год Победы в 1945 г. он участвовал в Параде Победы, чем всегда гордился.

В Военном институте, оконченном в 1949 г., его специальностью стал турецкий язык. В Институте тогда был сильный состав преподавателей, среди которых на взгляды будущего ученого особенно повлиял его земляк Н.Ф. Яковлев. Впоследствии, когда Николай Феофанович оказался изгнанным из науки, Ф.Д. Ашнин, в отличие от многих, не прервал отношения с учителем и много ему помогал. Вскоре после окончания Военного института Федор Дмитриевич демобилизовался и нашел возможности заниматься научным изучением турецкого и других тюркских языков. В академическом Институте языкознания он написал и в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию «Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках». Затем ученый долгое время работал в Институте языкознания. Его тюркологические публикации были посвящены местоимениям, фразеологизмам, этимологиям.

Но чем дальше, тем больше в центре внимания исследователя оказывалась история науки, прежде всего, науки о языке. Его интересовали, прежде всего, конкретные люди, их биографии, их деятельность. Публикации такого рода стали появляться у него со второй половины 1960-х гг. Постоянной темой для него стало обращение, по его собственному выражению, к «полузабытым страницам из истории отечественной тюркологии», а также и ряда других областей языкознания. Его публикации были посвящены А.М. Сухотину, Н.Ф. Яковлеву, К.К. Юдахину, Н.В. Юшманову, С.А. Соколову. Он специально исследовал первую русскую грамматику алтайского языка, анонимно изданную в 1869 г. в г. Казани, в том числе с точки зрения установления ее авторства. Не мог он обойти и роль в развитии науки о языке ученых, ставших жертвами репрессии. Именно Ф.Д. Ашнин первым подробно рассмотрел в своих публикациях биографию и научное наследие А.Н. Самойловича и Б.В. Чобан-заде после их реабилитации. Эта его деятельность получила оценку не только в СССР, но и за рубежом. Н. Поппе в 1978 г. писал о публикации Федора Дмитриевича о А.Н. Самойловиче в «Тюркологическом сборнике»: «Помещенная в нем биография не плоха, лишь опущены последние годы его жизни. Для полноты необходимо и указание причин смерти: умер от рака, так от рака, от сердечного приступа, так припадка» [Алпатов 1996: 132]. Но такое указание тогда не было возможно, и не только из-за цензуры: ни Ашнин, ни другие советские специалисты не имели информации о «последних годах» (на самом деле четырех месяцах) жизни академика.

В 1986 г. Ф.Д. Ашнин вышел на пенсию. Казалось бы, можно было подводить черту под тем, что было сделано. Но в биографии не очень тогда известного тюрколога произошел неожиданный поворот. Освободившись от груза не слишком для него интересных тем по институту, Федор Дмитриевич целиком погрузился в архивные разыскания, бывшие его истинным призванием. Ему было да-

леко за шестьдесят, но на него, безусловно, подействовала общая обстановка в стране, когда приоритетной стала тема репрессий советского времени, раньше замалчивавшаяся. Здесь о многом стало можно говорить и писать впервые.

Неожиданно выяснилось обстоятельство, прямо касавшееся Федора Дмитриевича. При призыве в 1940 г. студент первого курса был направлен в пограничные войска, подчиненные тогда НКВД. Случай определил не только его фронтовую биографию, но и статус в глазах ведомства, тогда еще называвшегося КГБ. Не знаю, как он об этом узнал и как получил допуск, но, когда я стал бывать у него дома в январе 1988 г. (он незадолго перед этим овдовел), то узнал, что значительную часть времени Ф.Д. Ашнин проводил в архивах, где изучал следственные дела. Прежде всего, он обратился к делам ученых, которыми уже занимался или о которых много слышал: А.Н. Самойловича и Е.Д. Поливанова. Удалось установить, что у А.Н. Самойловича не было ни рака, ни сердечного приступа, а был расстрел. И не через три года, а через четыре месяца после ареста. Многие (хотя и не все) ранее установленные даты оказались фиктивными. В каждом рассекреченном деле была и реабилитационная часть, также с очень интересными материалами.

Затем, очевидно, через знакомых жены-русистки он узнал о «деле славистов» (на самом деле не только славистов, но и интеллигентов разных специальностей). Это было большое дело 1933–1934 гг. еще времен ОГПУ с несколькими десятками пострадавших и двумя ответвлениями в г. Москве и г. Ленинграде. Среди лингвистов тогда были арестованы довольно многие видные ученые, включая будущего главу советского языкознания В.В. Виноградова. Федор Дмитриевич изучал не только следственное дело, но и все, что можно было найти в отношении пострадавших по нему. Биографии почти всех удалось восстановить. Ф.Д. Ашнин искал и родственников, и знакомых жертв по этому делу (последние из самих пострадавших умерли как раз в конце 1980-х гг., и он с ними не успел поговорить), писал и Д.С. Лихачеву.

Ф.Д. Ашнин показывал мне огромные папки, скрепленные скоросшивателем, на каждой странице записи, выполненные каллиграфическим подчерком. Порядки в архиве тогда стали либеральнее, чем раньше, но какие-то ограничения сохранялись. Например, нельзя было ничего копировать и фотографировать, можно было только переписывать. И бедный Федор Дмитриевич переписывал с первой до последней строчки каждый документ, иногда многостраничный, выписывая каждую букву.

Это была очень трудоемкая деятельность, но для Федора Дмитриевича не самая трудная. Гораздо сложнее для него было писать оригинальный текст. Как видно из списка работ в словаре С.Д. Милибанд, он и раньше не отличался продуктивностью и, по-видимому, всегда писал с трудом. А теперь, с возрастом и сил уже стало меньше. Собрав за несколько лет обширный материал, он никак не мог подготовить его к печати. Поэтому он понял, что нужен соавтор. По-видимому, он заранее подумал обо мне и в 1988–1990 гг. довольно часто приглашал меня к себе домой (мы жили недалеко друг от друга), говорил о своих находках и показывал собранное. Наконец, в марте 1991 г., когда мы ехали с похорон тюрколога Э. Наджиба, он предложил мне соавторство, сразу поставив условие: в любых совместных публикациях его фамилия вопреки алфавитному порядку должна стоять первой.

Я согласился. У меня после окончания первого этапа сопоставительного изучения лингвистических традиций наступил период некоторого затишья, и я был рад новым сюжетам. Тема репрессий меня не пугала, хотя я с трудом переносил зашкаливавшую тогда антикоммунистическую пропаганду. Наоборот, я считал, что в таких вопросах надо объективно разбираться. Что было, то было, и обходить неприятные вопросы лишь хуже. Мой соавтор к тому времени проникся перестроечным духом, почитал Солженицына, но это на наших взаимоотношениях долгое время не сказывалось, у нас участки работы были строго распределены: все добывание материалов оставалось за ним, а текст от авторов в основном был написан мной.

Апрель и май у меня ушли на знакомство с материалом, а в июне я начал писать на машинке текст. Многие из собранного Федором Дмитриевичем фактически уже составляли готовые куски книги, оставалось только перепечатать. Он почти освободил меня от самой неприятной части работы – переписывания огромных кусков текста. Многие несущественное я сокращал. К 12 августа 1991 г. с перерывом на отпуск я закончил свою часть работы. А дальше внешние события на некоторое время отвлекли нас от «Дела славистов». Потом шла доработка, уже и я благодаря Ф.Д. Ашнину мог работать в архиве, поправляя и добавляя, а он иногда что-то приписывал к моим текстам. Он взял на себя и переговоры с издателями, а рецензентов искал я. Очень нам помог академик Н.И. Толстой. Книга, вчерне написанная еще при СССР, вышла в конце 1994 г. Еще до ее выхода некоторые ее главы были опубликованы в виде статей, главным образом в «Известиях РАН» серии литературы и языка. Федор Дмитриевич собирал архив и фототеку ученых и за пределами темы репрессий, в частности, архив своего учителя Н.Ф. Яковлева, о котором мы также сделали статью.

Еще до выхода книги, в первые постсоветские годы, Ф.Д. Ашнин через своих знакомых связался с американскими советологами, заинтересовавшимися нашей работой, обсуждался вопрос об издании там книги по-русски (был даже подготовлен текст для печати), а вопросы, с ней связанные, должны были в 1994 г. обсудить на конференции в г. Энн-Арборе. И неожиданный удар для Федора Дмитриевича: на конференцию отправили не его, главного автора, а меня (первая моя поездка в США). Этого Федор Дмитриевич простить мне не мог, хотя я ничего специально для его вытеснения не предпринимал; думаю, что американцы боялись его принимать при явно плохом состоянии здоровья. Он хотел разорвать со мной сотрудничество, но это совпало с этапом издания книги в России, намного поднявшим его настроение. Главный автор сиял: в 72 года он выпустил первую книгу, пусть и в соавторстве. Книга получила хорошие отзывы. В итоге мы продолжали сотрудничать и дальше. А американское издание «Дела славистов» не состоялось. Но иногда книга вызывала интерес с самых неожиданных сторон. В 2007 г. меня во время командировки в Японию пригласили выступить в связи с личностью перебежчика Г.С. Люшкова. Он, тогда занимавший высокий пост в ОГПУ, был едва ли не главным организатором «Дела славистов», а в 1938 г. перешел к японцам. Эта личность вызывает в Японии большой интерес, а Ф.Д. Ашнин собрал материал об одной из его акций до бегства.

Новая тема была выбрана самим Ф.Д. Ашниным, к работе над ней привлекли и Д.М. Насилова. В ней как бы синтезировались два главных направления иссле-

дований Федора Дмитриевича: тюркология и репрессии в СССР. Ф.Д. Ашнин к тому времени уже был болен, но из последних сил, подхватив где-то герпес, продолжал упорно собирать материал, в котором, правда, не удалось избежать белых пятен: Азербайджан, Казахстан и Киргизия пустили его в архивы, а Азербайджан прислал для нас архивные дела в г. Москву, которые уже изучали мы оба. В двух других республиках Федор Дмитриевич опять собирал материал, а я обобщал и писал текст. Однако Узбекистан и Туркмения отказали ему в доступе к архивам.

По сравнению с предыдущей книгой, более значительным оказывался исторический фон: много надо было осмыслять в связи с советской политикой 20–30-х гг., тем более что тогда в тюркских республиках СССР было мало профессиональных лингвистов, а по вопросам языка часто высказывались государственные деятели и писатели, о которых тоже надо было писать. Вот лишь один пример. Почему Сталин устранил в тюркских республиках коммунистов, освоивших русскую и, шире, европейскую культуру, и был более благосклонен к тем, кто был воспитан в мусульманских традициях? И история людей давала разнообразный материал. Выяснил для себя я, например, общее правило 1937–1938 гг.: единственным шансом спастись (не считая каких-то счастливых случаев) было одно – выдержать пытки и ни разу не подписать признания. И такие люди все-таки были. Книга «Репрессированная тюркология» вышла уже после смерти главного соавтора, в 2002 г. И здесь часть материала книги была издана в виде статей. На этом тема репрессий для меня закончилась: я не был ветераном НКВД и после смерти Ф.Д. Ашнина не был допущен в архивы.

Итак, мы видим пример человека, при его характере и склонностях не так удачно выбравшего специальность и нашедшего свое истинное призвание уже на пенсии. И вечная ему память как фронтовику и участнику Парада Победы.

Избранная библиография Ф.Д. Ашнина

- Ашнин Ф.Д.* Указательные местоимения и их производные в азербайджанском, турецком и туркменском языках: дис. ... канд. филол. наук. – М.: Академический Институт языкознания. – 1956. {*F.D. Ashnin.* Demonstrative pronouns and their derivatives in Azerbaijani, Turkish and Turkmen languages: Ph.D. thesis. – Moscow: Academic Institute of Linguistics. – 1956.}
- Ашнин Ф.Д.* Об этимологии азербайджанских, гагаузских, крымско-татарских и турецких имен типа *bura* [бура] ‘это место’ // Тюркологические исследования. – М.–Л., 1963. {*F.D. Ashnin.* On etymology of Azerbaijani, Gagauz, Crimean Tatar and Turkish names like *bura* ‘this place’ // Turkological Studies. – Moscow–Leningrad, 1963.}
- Ашнин Ф.Д.* Александр Николаевич Самойлович // Народы Азии и Африки. – 1963. – № 2. – С. 243–264. {*F.D. Ashnin.* Alexandr Nikolayevich Samoylovich // Peoples of Asia and Africa. – 1963. – No. 2. – PP. 243–264.}
- Ашнин Ф.Д.* Бекир Вагапович Чобан-заде // Народы Азии и Африки. – 1967. – № 1. {*F.D. Ashnin.* Bekir Vagarovich Choban-zade // Peoples of Asia and Africa. – 1967. – No. 1.}
- Ашнин Ф.Д.* Александр Николаевич Самойлович (1880–1938) // Тюркологический сборник-1974. – М., 1978. – С. 8–27. {*F.D. Ashnin.* Alexandr Nikolayevich Samoylovich (1880–1938) // Turkological Miscellany-1974. – Moscow, 1978. – PP. 8–27.}
- Ашнин Ф.Д.* Полузабытые страницы из истории отечественной тюркологии // Тюркологические исследования. – М., 1976. {*F.D. Ashnin.* The half-forgotten pages of Turkology of our country // Turkological Studies. – Moscow, 1976.}
- Ашнин Ф.Д.* Первая печатная научная грамматика алтайского языка: проблема авторства // Тюркологический сборник-1975. – М., 1978. – С. 34–62. {*F.D. Ashnin.* The first printed scientific gram-

- mar of the Altaic language: the issue of the author // *Turkological Miscellany-1975*. – Moscow, 1978. – PP. 34–62.}
- Ашнин Ф.Д. Список трудов А.Н. Самойловича (с указанием рецензий на них) и литература о нем // Тюркологический сборник-1974. – М., 1978. – С. 263–292. {*F.D. Ashnin. List of A.N. Samoylovich's works (with reviews) and literature on him // Turkological Miscellany-1974*. – Moscow, 1978. – PP. 263–292.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. – М.: Наследие, 1994. – 284 с. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov. «The Case of Slavists»: the 1930s*. – Moscow: Naslediye, 1994. – 284 p.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Архивные документы о гибели академика А.Н. Самойловича // *Восток*. – 1996. – № 5. – С. 153–162. {*F.D. Ashnin. Archive files on death of Academician A.N. Samoylovich // Orient*. – 1996. – No. 5. – PP. 153–162.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Из следственного дела Е.Д. Поливанова // *Восток*. – 1997. – № 5. – С. 124–142. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov. From the data of Ye.D. Polivanov's trial records // Orient*. – 1997. – No. 5. – PP. 124–142.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Гибель профессора Губайдуллина // *Altaica*. – № 2. – М., 1998. – С. 5–17. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov. The death of Professor Gubaydullin // Altaica*. – No. 2. – Moscow, 1998. – PP. 5–17.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело профессора Б.В. Чобан-заде // *Восток*. – 1998. – № 5. – С. 125–133. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov. The case of Professor B.V. Choban-zade // Orient*. – 1998. – No. 5. – PP. 125–133.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Казахский ученый и просветитель Ахмет Байтурсунов // *Altaica*. – № 3. – М., 1999. – С. 5–26. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov. Kazakh scholar and enlightener Akhmet Baytursunov // Altaica*. – No. 3. – Moscow, 1999. – PP. 5–26.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Дело Рухруллы Ахундова // *Восток*. – 2000. – № 2. – С. 91–108. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov. The case of Rukhrulla Akhundov // Orient*. – 2000. – No. 2. – PP. 91–108.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Судьбы азербайджанских писателей (по материалам следственных дел) // *Восточный архив*. – Вып. 4–5. – М., 2000. – С. 15–32. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov. The destinies of Azerbaijani writers (based on the trial records) // Oriental archive*. – Issue 4–5. – Moscow, 2000. – PP. 15–32.}
- Ашнин Ф.Д. Автобиография проф. Н.К. Дмитриева // Николай Константинович Дмитриев: к 100-летию со дня рождения. – М., 2001. – С. 113–123. {*F.D. Ashnin. Autobiography of professor N.K. Dmitriyev // Nikolay Konstantinovich Dmitriyev: to the 100th anniversary*. – Moscow, 2001. – PP. 113–123.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Забытый востоковед. Артур Рудольфович Зифельд-Симумяги // *Восток*. – 2001. – № 1. – С. 104–109. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov. The forgotten orientalist. Arthur Rudolphovich Siefeldt-Simumägi // Orient*. – No. 1. – PP. 104–109.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Халид-Саид Ходжаев // *Восток*. – 2002. – № 3. – С. 118–126. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov, D.M. Nasilov. Khalid-Said Khodzhayev // Orient*. – No. 3. – PP. 118–126.}
- Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология. – М.: Восточная литература, 2002. – 296 с. {*F.D. Ashnin, V.M. Alpatov, D.M. Nasilov. Repressed Turkology*. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2002. – 296 p.}
- Ашнин Ф.Д. Die Demonstrativpronomina im Turkmenischen // *Acta Linguistica Hungarica*. – Т. 12. – F./Sz. 1–2. – Budapest, 1962. – S. 117–136. {*F.D. Ashnin. The demonstrative pronouns in Turkmen // Acta Linguistica Hungarica*. – Vol. 12. – No. 1–2. – Budapest, 1962. – PP. 117–136.}

Литература

- Алпатов 1996 – Алпатов В.М. Николай-Николас Поппе. – М.: Восточная литература, 1996. – 144 с. {*V.M. Alpatov. Nikolay-Nicholas Poppe*. – Moscow: Vostochnaya literatura, 1996. – 144 p.}
- Алпатов 1997 – Алпатов В.М. 150 языков и политика: 1917–1997. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Институт востоковедения РАН. – 1997. – 192 с.; Изд. 2-е, доп. – М.: Крафт + Институт востоковедения РАН, 2000. – 224 с. {*V.M. Alpatov. 150 languages and the politics: 1917–1997. The sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space*. – Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. – 1997. –

- 192 p.; The 2nd ed., extended. – Moscow: Kraft + Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000. – 224 p.}
- Алпатов 1998 – *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. Учебное пособие. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 367 с. (Изд. 2-е. – М., 1999. – 367 с. – Изд. 3-е, исправленное и дополненное. – М., 2001. – 367 с. – Изд. 4-е. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 367 с. – Изд. 5-е, переработанное и дополненное. – М.: Юрайт. – 2018. – 454 с.) {*V.M. Alpatov.* History of the linguistic teachings. A manual. – Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1998. – 367 p. (The 2nd edition. – Moscow, 1999. – 367 p. – The 3rd edition, revised and extended. – Moscow, 2001. – 367 p. – The 4th edition. – Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury, 2005. – 367 p. – The 5th edition, reworked and extended. – Moscow: Yurayt. – 2018. – 454 p.)}
- Алпатов 2001 – *Алпатов В.М.* Историк отечественной науки Федор Дмитриевич Ашнин // Известия РАН. – 2001. – № 2. – С. 66–68. {*V.M. Alpatov.* The chronicler of science of our country – Fyodor Dmitriyevich Ashnin // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2001. – No. 2. – PP. 66–68.}
- Милибанд 2008 – *Милибанд С.Д.* Востоковеды России. Библиографический словарь. – М.: Восточная литература, 2008. [переиздание, см. тж. издание 1975 г.] – Т. 1. – С. 83–84. {*S.D. Miliband.* Bio-bibliographic glossary of Soviet orientalists. – Moscow: Vostochnaya literatura, 2008. [see also the edition of 1975]– Vol. 1. – PP. 83–84.}

Fyodor Dmitriyevich Ashnin
(to his 100th anniversary)

Vladimir Mikhailovich Alpatov – Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Languages of East and Southeast Asia, Head of the National-Linguistic Relations Research Center of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, e-mail: v-alpatov@ivran.ru.

**АКАДЕМИК ТУМАШЕВА ВОЗДВИГЛА
ПАМЯТНИК ЯЗЫКУ СИБИРСКИХ ТАТАР
(К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО)¹**

Х.Ч. Алишина

Тюмень

«Вся история Сибири связана не только с различными финно-угорскими, но и тюркскими народами. Отдельные племена, группы тюрков оседали здесь с очень ранних времен», – писала Диляра Тумашева, языковед, доктор филологических наук, академик Академии наук РТ, Заслуженный деятель науки ТАССР, РФ. Диляра Гарифовна много лет изучала диалекты сибирских татар, компактно прожи-

¹ В связи с юбилейной датой в текущем номере журнала опубликована дискуссия Д.Г. Тумашевой и Ф.Т.-А. Валеева о языке сибирских татар на страницах журнала «Идель» в 1993 г. (см. рубрику «Архивная публикация») – *прим. ред.*

Алишина Ханиса Чавдатовна – доктор филологических наук, профессор, почетный член АН РТ, директор Центра тюркологии ТюмГУ

вающих на территории Тюменской, Омской, Томской, Кемеровской, Новосибирской областей. Немногие знают, что в юности перед талантливой провинциалкой открывалась совсем другая дорога. Она могла стать профессиональным музыкантом. Но выбор был сделан в пользу филологии.

Диляра Гарифовна родилась 19 июля 1926 г. в пригороде Тюмени в юртах Есаульских (неоф. Талмы) в семье Амины и Гарифа Заббаровых. Гариф Гаффарович, 1901 г. р., происходил из д. Нижние Аты Арского района, бабушка Загура – из д. Биразабаш. В поисках лучшей жизни дед Диляры Гаффар прибыл в Казань, работал на заводе Крестовниковых. Судьбоносную роль в его жизни сыграл крупный предприниматель того времени, тюменский городской голова, купец 1 гильдии, владелец паровых мельниц и пароходов, производитель свечей и мыла Андрей Иванович Текутьев. Прибыв за очередной партией товара в Казань, он забрал с собой несколько рабочих, в том числе деда Диляры с двумя сыновьями – Гани и Гарифом. В Тюмени отец Диляры Гариф Заббаров начал работу с судового матроса, ему приходилось вместе с другими рабочими вручную перетаскивать суда в акватории Туры и Тавды, выполнять другую тяжелую работу. Это закалило его физически, а сочетание настойчивости и трудолюбия позволило добиться высокого уровня мастерства в своей профессии. Он освоил слесарное дело, деревообработку, преподавал в ремесленном училище при судоверфи, стал его директором. Гариф Заббаров был человеком, который никогда не позволял себе безделья. Отец Диляры Гарифовны умер в 70 лет, похоронен в Тюмени на Мат-массовском кладбище.

Мать, Амина Шакировна, родилась в 1903 г. в местечке «Завод Йюнг» возле г. Пермь в многодетной семье зажиточных татар Галлямовых. Она окончила знаменитое Иж-Бубинское медресе, работала учительницей родного языка в татарских юртах Тюменского округа – в Ахманских (Урманбаш) Нижнетавдинского (быв. Велижанского) района, Есаульских (Талмы), Ембаевских (Малчын) Тюменского района.

По окончании 4 класса Диляре, как единственной отличнице, вручили Почетную грамоту. Награду завернули в газету, чтобы не возбуждать у детей зависть, как потом объяснили родителям. Мама девочки очень расстроилась, назвала такой поступок непедагогичным. Руководство 21 школы (эта школа сейчас считается самой престижной, с преподаванием на английском языке), чтобы загладить неловкость, решило пригласить фотографа Аркадия Космакова и опубликовать фото в газете «Красное знамя». Диляра Гарифовна часто рассказывала об этом, просила меня найти в архиве газету. Я нашла эту фотографию, когда Ди-

НА СНИМКЕ: отличница учебы 5-го класса средней школы № 21 Забарова Диляра. Фото А. Космакова.

ляры Гарифовны уже не стало, в социальных сетях Фейсбук на сайте «Легенды и бренды Тюмени».

Мать Диляры Гарифовны Амина Шакировна Заббарова была образованная, волевая, умная женщина. Через много лет, став аспиранткой Московского университета, Диляра Гарифовна побывала там, где трудилась ее мать. В 1951 г. ей удалось записать воспоминания маминой ученицы Тариги Файзуллиной. «Я училась у твоей матери. Это был ее первый учебный год. Она была хорошенькая, молоденькая, – рассказала Тарига апа. – Придя в класс, твоя мама задала вопрос: “Дети, у вас есть дэфтэр (тетради)?” Нет, но мы пообещали принести их завтра. Придя домой, я сразу полезла на крышу ловить голубей (“кэптэр”). Отец вместе со мной гонялся за птицами, приговаривая: “Оказывается, ваша учительница глупая”. На следующий день каждый принес в школу по голубю. Амина апа, увидев это, остолбенела, не знала, что ей делать. Но мы ведь и вправду слова “дэфтэр” не слышали, подумали, надо принести “кэптэр”. Тетрадь мы называем “кенэгэ”, а не “тэптэр”. Такая вот смешная история».

Кроме учебы в обычной школе, Диляра Заббарова занималась в музыкальной школе с семилетним обучением и окончила ее с отличием за четыре года, переходя по результатам сдачи экзаменов из второго класса в четвертый, из четвертого в шестой. Ее педагогом со второго класса был доцент Минской консерватории пианист К.С. Кочевницкий. Ему приходилось изменять номера пальцев на нотных записях сложных произведений, приспособлявая их для маленькой детской руки. Мать Диляры Гарифовны мечтала о том, чтобы дочь стала профессиональным музыкантом. Для ее обучения в музыкальной школе родители приобрели рояль немецкой фирмы Goetze, что было очень дорогой по тем временам покупкой.

В 1939 г. мать Диляры Гарифовны тяжело заболела и умерла всего в 35 лет, похоронена в мусульманской части Текутьевского кладбища г. Тюмени. Смерть жены потрясла Гарифа Гаффаровича. Дочь старалась не огорчать его, была ласковой и заботливой, по-прежнему отлично училась. По окончании музыкальной школы тетя Диляры Гарифовны привезла ее в Москву для поступления в Государственное музыкальное училище им. Гнесиных. Во время вступительного прослушивания среди членов приемной комиссии присутствовала одна из сестер Гнесиных – Елена Фабиановна.

Вступительный конкурс был пройден успешно, но неожиданно возникло препятствие, связанное с возрастом абитуриентки. Несовершеннолетняя девочка не могла одна проживать в общежитии, а родственников, которые могли бы жить с ней в Москве, в то время не оказалось. Было до слез обидно, но Диляре пришлось вернуться в Тюмень. Школу Диляра Заббарова окончила с золотой медалью.

Выполняя последнюю волю жены, отец не женился до совершеннолетия дочери, заботясь о ней. Позднее он создал новую семью, и у Диляры Гарифовны появилась сестра Лариса. Она также получила музыкальное образование и впоследствии окончила Казанскую государственную консерваторию.

В 1949 г. Диляра Гарифовна получила диплом Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова по специальности филолог-тюрколог, научный работник в области филологических наук, преподаватель вуза. Диляра Гарифовна в своих воспоминаниях с теплотой и благодарностью отзывалась о своих педагогах – арабисте Бенциане Мееровиче Гранде, иранисте Борисе Всево-

лововиче Мюллере, тюркологах Эрванде Владимировиче Севортяне, Владимире Михайловиче Насилове, Эмире Наджиповиче Наджипе, фольклористе Мадине Искандеровне Богдановой. Научным руководителем Диляры Гарифовны стал основатель московской школы тюркологов, чл.-корр. АН СССР, профессор Н.К. Дмитриев. Он рекомендовал способной и старательной выпускнице продолжить образование в аспирантуре. В 1952 г. в г. Москве состоялась защита ее кандидатской диссертации на тему «Татарские диалекты Сибири (Тюмень)». Затем Диляра Гарифовна с супругом Равилем Рахимовичем Тумашевым переезжает в г. Казань, и у нее начинается новая жизнь – жизнь ученого, насыщенная открытиями.

Приехав в 1952 г. в г. Казань и начав работу на кафедре татарского языка, Диляра Гарифовна погрузилась в совершенно новую, непривычную атмосферу. И в коллектив, где не было ни одной женщины, она вошла не сразу, и сама преподавательская работа таила в себе много неожиданностей. Особенно тяжело первое время давалось чтение лекций на татарском языке. Несмотря на то что Диляра Гарифовна в совершенстве владела татарской разговорной речью, ей, выпускнице русской школы, было сложно освоить научную терминологию и излагать теоретические вопросы на татарском языке. Приходилось ночами готовить полные тексты лекций, чтобы чувствовать себя уверенно в аудитории, точно и четко отвечать на вопросы студентов. В горькие минуты она писала своему педагогу Эрванду Севортяну письма, похожие на те, которые писал герой рассказа Антона Павловича Чехова «Ванька» своему дедушке. В ответных письмах Эрванд Владимирович находил для нее очень простые слова, вселяющие веру в свои силы. Первые сложности остались позади. Пройдет немного времени, и Диляра Гарифовна Тумашева с коллегами подготовит учебники по родному языку. По ним в течение двадцати лет будут заниматься ученики татарских школ республики и других областей. Когда появилась уверенность в себе, вернулся и интерес к активной научной работе. Начались экспедиции, поиски забытых, неизвестных форм народной речи, и все встало на свои места.

Выдающийся ученый, известный тюрколог, один из ярких представителей Казанской тюркологической школы Фагима Миргалиевна Хисамова после кончины нашего общего научного руководителя в 2006 г. приехала в Тюменский государственный университет на I Тумашевские чтения и выступила с пленарным докладом. «Диляра Гарифовна – мой наставник и учитель. Она поверила в мои силы тридцать лет тому назад, благодаря ей, вчерашняя деревенская учительница, мать троих детей, я поступила в аспирантуру и начала по-настоящему заниматься наукой. С тех пор мы всегда рядом, и я не перестаю поражаться неу-

сложности остались позади. Пройдет немного времени, и Диляра Гарифовна Тумашева с коллегами подготовит учебники по родному языку. По ним в течение двадцати лет будут заниматься ученики татарских школ республики и других областей. Когда появилась уверенность в себе, вернулся и интерес к активной научной работе. Начались экспедиции, поиски забытых, неизвестных форм народной речи, и все встало на свои места.

танности научного поиска Дияры ханум. Для изучения языка сибирских татар Дияра ханум вместе со своими студентами отправлялась на практику в деревни центральной части Западной Сибири. В течение пятнадцати лет были подробно изучены особенности речи жителей сотен татарских деревень. Молодому ученому и ее питомцам приходилось путешествовать и на байдарках по рекам и озерам, и на тракторах по тайге, и по болотам хаживать пешком. Чем глубже в лес, в болота, тем больше вероятность обнаружить особенности языка жителей глухих деревень. Они-то больше всего и интересовали Дияру Тумашеву. А в деревню Лайтамак, совершенно отрезанную от внешнего мира, пришлось даже добираться на вертолете. Тот их полет дал толчок открытию регулярного вертолетного маршрута в этот район.

Экспедиции в татарские деревни, расположенные на берегах Иртыша, Тобола, Оби, хорошо помнят многие выпускники татарского отделения университета. В их числе был и преподаватель татарской литературы писатель Мухаммет Магдеев. Дияра Гарифовна отправила в свое время студентов под его руководством исследовать татарские деревни, расположенные по берегам Оби. Экспедиционная группа долго не могла найти ни одной из них. Мухаммет Магдеев посылал одну за другой телеграммы: «Татарских деревень нет, разрешите вернуться!» Декан Тумашева в ответ настаивала: «Продолжить поиски по указанному маршруту!» Наконец, группа вышла к деревне Оры (Умар). Это было большим открытием для науки: язык жителей деревни отличался удивительным своеобразием, и после его тщательного изучения ученая выделила его в отдельную группу.

После В.В. Радлова для изучения диалектов сибирских татар была организована всего одна экспедиция в 1940 г., в которой участвовали ученый-фольклорист Хамит Ярми, писатель Наки Исанбет, исследователь из Омска Саит Амиров (позднее погиб на фронте). Перед Диярой Гарифовной Тумашевой, начавшей заново изучать эти диалекты, открылось целое море новой информации: разнообразие говоров, тысячи новых слов, грамматических форм... Большая любовь к науке, выбор правильной методики и целенаправленная работа помогли справиться со всеми трудностями. В результате удалось выявить в языке сибирских татар три диалекта, описать множество наречий, два из которых были описаны и введены в научный оборот впервые. Сравнение этих диалектов с другими тюркскими языками и языком древних письменных памятников показало, что наряду с элементами относительно нового кыпчакского языка в них находятся и архаические формы, свойственные древнему тюркскому языку. Так, язык сибирских татар был четко классифицирован и занял определенное место среди других тюркских языков», – сказала профессор Ф.М. Хисамова.

Ровно полвека проработала Дияра Гарифовна Тумашева в одном из старейших и лучших университетов страны. В музее Казанского университета, наряду с именами выдающихся ученых Лобачевского, Завойского, Бутлерова, Фукса, Вишневского, Бодуэна де Куртенэ, Казембека, Катанова, золотыми буквами написано имя первой женщины-академика Республики Татарстан, профессора Дияры Тумашевой. В стенах Казанского университета она прошла путь от ассистента кафедры до профессора, завкафедрой татарского языка, декана историко-филологического факультета. Там написала и подготовила к защите докторскую диссертацию «Диалекты сибирских татар в отношении к татарскому и другим

тюркским языкам». Ее работа обогатила новыми данными сравнительно-историческое языкознание и диалектологию. Особенно ценным для науки было открытие ею не известных ранее говоров, обоснование классификации и иерархии диалектных единиц сибирских татар. В университетском издательстве вышли ее монографии «Язык сибирских татар» в двух частях, «Диалекты сибирских татар», «Словарь диалектов сибирских татар» и многие другие.

Диляра Гарифовна щедро делилась своими знаниями. Вела большую научно-общественную работу. Была известным и уважаемым человеком не только в России, но и за рубежом. В течение многих лет она выполняла обязанности члена Советского комитета тюркологов, члена Совета по русскому языку при президенте РФ, члена Совета по русскому языку при правительстве РФ, была членом редакционного совета журнала «Советская тюркология», членом Комитета по реализации Закона РТ «О языках народов РТ».

Моя наставница и научный руководитель в 1970-1980-е гг. сотрудничала с учеными Сегедского университета им. Аттилы Йожефа (Венгрия). По приглашению проф. А. Рона-Таша прочла цикл лекций по татарскому языку для венгерских студентов. Под ее руководством в КГУ прошли стажировку тюркологи из Венгрии (Арпад Берта, Клара Адягаши, финно-угровед Габор Берецки) и Румынии (Энвер Мамут, Али Недрет, Вуап Шукран).

Профессор Тумашева читала циклы лекций и доклады в Башкирском, Якутском, Тюменском университетах, Тобольском и других педагогических институтах, Сегедском и Будапештском университетах, в обществе востоковедения Венгерской Академии наук, в обществе им. Тукая в Финляндии.

«Первые лекции учителям Тюменской области я читала в 1950 или 51 году (есть памятная фотография с учителями), т. е. 36 лет тому назад, – писала Диляра Гарифовна директору ИУУ А.Б. Китайгородской в 1986 г. – Тогда учителя были старше меня, но уважительно звали “апа”. У меня в памяти также последняя поездка к вам – 3-4 года назад, когда я побывала на совещании-семинаре учителей области в Яркском районе. Той зимой я была в Финляндии и мои впечатления о школе были столь же яркими, как лекция, прочитанная в Тампере в татарском обществе им. Г. Тукая. Свой юбилейный учебный год я отметила многочисленными поездками по стране. На конференциях, пленумах и т. д. была в Ашхабаде, Львове, Нальчике, Новосибирске, читала лекции в Якутском университете. Осенью в сентябре собираюсь в Ташкент, а в начале октября хочу приехать в Тюменский университет на конференцию, посвященную 400-летию города. Надеюсь увидеться с Вами!»

Профессор Д.Г. Тумашева приехала, она была счастлива вновь побывать на своей родине – в Тюмени! Мой научный руководитель и декан Н.К. Фролов представил меня, хотя мы были уже знакомы. Я готовилась к защите дипломной работы в ТюмГУ. Дело было за малым – окончить университет, получить диплом о втором высшем образовании и поступить в аспирантуру к Диляре Гарифовне. Она мне говорила: «У вас – критический возраст! Если вы в этом году не поступите, то уже не поступите никогда! В очную аспирантуру принимают до 35 лет!»

Кризисная ситуация возникла тогда, когда все трудности были позади. Проректор КГУ Соломонов провел процедуру распределения аспирантов. Меня вызвали в последнюю очередь: «К сожалению, вам мы не можем ничего предло-

жить. В Тюмени нет высшего учебного заведения, где вы могли бы работать!» Трудоустроилась я самостоятельно. Благодаря директору ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова М.З. Закиеву была принята научным сотрудником в Отдел энциклопедии.

Это было интереснейшее время в жизни республики. 30 июня 1991 г. Президент М.Ш. Шаймиев издал Указ о создании Академии наук РТ. Первыми избранными академиками стали Миркасым Абдулахатович Усманов, Мирфатых Закиевич Закиев, Абрар Гибадуллович Каримуллин. Вслед за ними выдвинули Диляру Гарифовну Тумашеву. По условиям для избрания надо было прочитать открытую академическую лекцию, получить рекомендацию от авторитетных ученых. Диляра Гарифовна выбрала для выступления тему по ономастике сибирских татар. Не только учитель, но и ученик должен обогащать своего учителя. Интерес к ономастике у Диляры Гарифовны возник не случайно. Я делилась своими тюменскими наработками: преддипломные курсовые, дипломный проект «Тюркская топонимия юга Тюменской области», библиографию, картотеку онимов передала будущему научному руководителю с думой о том, что кандидатская диссертация будет посвящена ономастике. Но не сложилось. Я получила тему «Говоры сибирских татар юга Тюменской области», любимую ономастику отложила до поры до времени.

Академический доклад Диляры Гарифовны мы готовили вместе, подбирали интересные примеры, а потом я слушала Диляру Гарифовну в малом зале Академии наук вместе со всеми. На другой день стали с нетерпением узнавать, пришла или нет рекомендация из Москвы от Тенишева Эдхема Рахимовича. Несколько раз по просьбе Диляры Гарифовны бегала в канцелярию ИЯЛИ. Наконец, и это условие прохождения в ряды академиков было выполнено.

Таким образом, в состав академии на демократической основе было избрано 28 действительных членов и 36 членов-корреспондентов, а также четыре почетных члена. На тот момент в республике работало 700 докторов и 6000 кандидатов наук. Первым президентом АН РТ стал доктор филологических наук Мансур Хасанович Хасанов. Он же возглавил преобразованный из отдела ИЯЛИ имени Г. Ибрагимова новый Институт татарской энциклопедии АН РТ, став моим руководителем.

Профессор Д.Г. Тумашева в течение тридцати лет была участником многих международных конференций, проводившихся в Москве, Казани, Новосибирске, Анкаре, др. Все-таки более всего она ценила тюменские конференции, проведенные пусть очень скромно, но от всей души. С Дилярой Гарифовной Тумашевой мы познакомились накануне ее личного 60-летнего юбилея, в 1986 г. она приехала в Тюмень на конференцию 400-летия города. 70-летие Диляры Гарифовны праздновали вместе в Тюменском государственном университете. Так, 24 мая 1996 г., впервые создав тюркологическую секцию на «Славянских чтениях», нам удалось посвятить ее юбилею научной наставницы. Диляра Гарифовна по возвращении в Казань написала мне в письме теплый отзыв: «Все было, с одной стороны, как сказочный сон, а с другой – бесконечная гонка: успеть туда, успеть сюда (...) хочу выразить (...) огромную благодарность за этот праздник! Все было прекрасно организовано, все было тепло, от души. Не могу не сказать особо о твоём докладе, который произвел большое впечатление своей неординарностью, в нем была и лаборатория нашей работы с аспирантами, и уважительное, доброе

и даже нежное отношение ко мне... Дорогая Ханиса, надо бы как-то сохранить твой доклад, или лучше опубликовать где-нибудь хотя бы тезисно, включив наиболее интересные места. Во всяком случае пришли мне на память».

75-летний юбилей отметили ее казанские коллеги. В 2003 и 2004 гг. в Казани вышли в свет две биобиблиографические книги «Академик Тумашева», посвященные 75-летию Диляры Гарифовны. В этом сборнике аккумулирована научная тюркологическая мысль XX в. Каких знаменитых и авторитетных имен здесь только нет! Э.В. Севортян, А. Рона-Таш, Э.А. Грунина, А.Н. Кононов, Э.Р. Тенишев, А.Н. и С.Н. Ивановы, Е.И. Убрятова, А.П. Дульзон, М.Х. Хасанов, Ф.М. Хисамова, И.А. Добродомов, Рифкат Ахметьянов, Флора Ахметова, Нургали Булатов, Василь Гарифуллин, Азат Ахунов, Гази Кашшаф, Равия Абдуллина, Дария Рамазанова, Изиль Гарифуллин... Авторы статей раскрывают суть научных трудов, характера, судьбы выдающейся современницы.

80-летие Диляры Гарифовны было проведено отделением татарского языка и литературы ТюмГУ через три месяца после ее кончины. В течение четырех лет, начиная с 2006 г., мы в Тюмени организовывали Всероссийскую научно-практическую конференцию «Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии» с изданием сборников.

Директор Института филологии Казанского университета Радиф Рифкатович Замалетдинов организовал (пятую) Международную тюркологическую конференцию «Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков», посвященную памяти академика Д.Г. Тумашевой, которая состоялась с 21 по 24 октября 2011 г. Отделение татарского языка и литературы ТюмГУ в количестве 14 человек приняло в ней активное участие.

Диляра Гарифовна создала свою научную школу, в рядах которой двадцать один кандидат, семь докторов наук. Они трудятся в отраслевых институтах Академии наук РТ, Казанском, Томском, Тюменском государственных университетах, в ХакНИИЯЛИ в г. Абакан, в Елабужском, Набережно-Челнинском филиалах КФУ.

Всего за годы работы в Казанском университете Д.Г. Тумашевой по разным направлениям научных исследований было издано 11 монографий, опубликованы десятки статей в республиканских, общесоюзных и зарубежных журналах. Была создана своя научная школа. Научные работы Д.Г. Тумашевой получили известность среди отечественных и зарубежных тюркологов.

Имя Диляры Гарифовны навечно вписано в историю отечественной науки. Ее душа, ум, мысли, весь труд ее жизни целиком и полностью были посвящены Сибири. В знак великой благодарности моему научному руководителю мы продолжаем вести целенаправленную работу по увековечению памяти Диляры Гарифовны Тумашевой в Тюмени.

Библиография основных трудов Д.Г. Тумашевой

- Язык западносибирских татар. Грамматический очерк и словарь. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1961. – 240 с. {The language of Tatars of Western Siberia. A grammatical sketch and a dictionary. – Kazan: The publishing house of Kazan University, 1961. – 240 p.}
- Морфология современного татарского литературного языка. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1964. – 299 с. (на татарском языке). {Morphology of modern Tatar literary language. – Kazan: The publishing house of Kazan University, 1964. – 299 p. [In Tatar].}

- Язык сибирских татар. – Ч. 2. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968. – 182 с. {The language of Siberian Tatars. – Part 2. – Kazan: The publishing house of Kazan University, 1968. – 182 p.}
- Современный татарский литературный язык. Лексикология, фонетика, морфология. – М.: Наука, 1969. – (Раздел: Глагол.) – С. 210–294. {Modern literary Tatar language. Lexicology, phonology, morphology. – Moscow: Nauka, 1969. – (Section: The Verb.) – PP. 210–294.}
- К вопросу о типах диалектных лексических различий // Советская тюркология. – 1973. – № 6. – С. 68–72. {To the question of types of lexical diversity within dialects // Soviet Turkology. – 1973. – No. 6. – PP. 68–72.}
- Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – 295 с. {The dialects of West Siberian Tatars. An attempt at comparative research. – Kazan: The publishing house of Kazan University, 1977. – 295 p.}
- Les dialectes des Tatares sibériens // Acta Orientalia Hung. (Academiae Scientiarum Hungaricae). – Budapest. – [T.] XXXII (2. Szám). – 1978. – С. 175–186. {The dialects of Siberian Tatars // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest. – Vol. 32. (No. 2). – 1978. – PP. 175–186. [in French.]}
- Хэзерге татар әдәби теле. Морфология / Допущено Минвузом СССР в качестве учебного пособия. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1978. – 221 с. {Modern literary Tatar language. Morphology / With the leave of the Ministry of Higher Education of the USSR as a manual. – Kazan: The publishing house of Kazan University, 1978. – 221 p. [In Tatar.]}
- Формирование вокализма западносибирских татарских диалектов // Исследование звуковых систем языков Сибири. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 11–17. {Formation of the vocal system of West Siberian Tatar dialects // Research of sound systems of the languages of Siberia. – Novosibirsk: Nauka, 1984. – PP. 11–17.}
- Татарский глагол. Опыт функционально-семантического исследования грамматических категорий. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 189 с. {The Tatar Verb. An attempt at functional and semantic research of grammar categories. – Kazan: The publishing house of Kazan University, 1986. – 189 p.}
- Перебой гласных и формирование вокализма кипчакских языков // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры / Д.Г. Тумашева, Дж.И. Эдельман, Л.Г. Герценберг и др.; отв. ред. Н.З. Гаджиева. – М.: Наука, 1989. – С. 5–18, 190, 202–204. {Comparative and historical research of languages of different families: Reconstruction based on discrete levels of the language structure / D.G. Tumasheva, J.I. Edelmann, L.G. Gertsenger et al.; ed. by N.Z. Gadzhiev. – PP. 5–18, 190, 202–204.}
- Модальные формы татарского глагола и межкатегориальные связи // Советская тюркология. – 1990. – № 4. – С. 3–9. {The modal forms of Tatar verb and intercategory ties // Soviet Turkology. – 1990. – No. 4. – PP. 3–9.}
- Взаимодействие лексической и грамматической семантики // Исследование языковых систем в синхронии и диахронии. – М.: Наука, 1991. – С. 137–149. {Interaction of lexical and grammatical semantics // Research of language structures in synchrony and diachrony. – Moscow: Nauka, 1991. – PP. 137–149.}
- Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 255 с. {A dictionary of dialects of West Siberian Tatars. – Kazan: The publishing house of Kazan University, 1992. – 255 p.}
- Категория наклонения. Модальные формы и конструкции глагола // Татарская грамматика. Т. II. Морфология. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1993. – С. 88–95, 99–161, 235–250. {The category of mood. Modal forms and verb constructions // Tatar Grammar. Vol. 2. Morphology. – Kazan: Tatar book publishing house, 1993. – PP. 88–95, 99–161, 235–250.}
- Семантические классы глагола и структура глаголов движения в выражении способов действия в татарском языке // Модели национальных языков. – Казань: «Фән», 1996. – С. 133–143. {The semantic classes of verb and structure of motion verbs in expression of *modi operandi* in Tatar // The models of national languages. – Kazan: «Fän», 1996. – PP. 133–143.}
- Лексика сибирских татар и памятники древнетюркской письменности // Вопросы тюркской филологии. – Вып. IV. – Материалы Дмитриевских чтений к 100-летию со дня рождения. – М.: МГУ, 1999. – С. 130–139. {The vocabulary of West Siberian Tatars and monuments of Ancient Turkic script // Issues of Turkic philology. – Issue 4. – Proceedings of Dmitriev Readings dedicated to his 100th anniversary. – Moscow: Moscow State University, 1999. – PP. 130–139.}

- Sibirya tatarlarının Dili ve Eski Türk abideleri // 3. Uluslararası Türk Dil Kurultayı, 1996. – Ankara, 1999. – S. 1161–1163. {The language of Siberian Tatars and Ancient Turkic monuments // 3th International Turkic Language Congress, 1996. – Ankara, 1999. – PP. 1161–1163. [In Turkish.]}
- Kaşgarlı Mahmud'un «Divānu Lügati't Türk» eseri ve Sibirya Tatar Şiveleri Sözlüğü. – Ankara, 2000. – 10 s. [См. тж.: Kaşgarlı Mahmud'un «Divānu Lügati't Türk» Eseri ve Sibirya Tatar Şiveleri Sözlüğü // IV. Uluslararası Türk Dili Kurultayı Bildirileri – II 24–29 Eylül 2000, Türk Dil Kurumu. – С. 2. – Ankara, 2007. – S. 1817–1824.] {Mahmud al-Kashgari's «Dīwān Lughāt at-Turk» and Siberian Tatar Dictionary of Dialects. – Ankara, 2000. – 10 p. [See also: Mahmud al-Kashgari's «Dīwān Lughāt at-Turk» and Siberian Tatar Dictionary of Dialects // Proceedings of the 4th International Turkic Language Congress – II September 24–29, 2000, The Turkish Language Association. – Vol. 2. – Ankara, 2007. – PP. 1817–1824.]}
- Татар теле грамматикасы. Т. II. Морфология. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2002. (Разделы: «Татар телендә фигыль»: «Фигыльнең лексик-грамматик мәгънәсе» и «Татар теле фигыленең темпоральлек, модальлек һәм персональлеккә караган функциональ-семантик категорияләре») – С. 92–187, 221–248. {Grammar of the Tatar language. Vol. 2. Morphology. – Kazan: Tatar book publishing house, 2002. (Chapters: «Verb in the Tatar language»: «Lexical and semantic meaning of verb» and «Temporal, modal, and person-related functional and semantic categories of verb in Tatar») – PP. 92–187, 221–248.}

Статьи о Д.Г. Тумашевой

- Академик Д.Г. Тумашева / Х.Ч. Алишина // Сулеймановские чтения – 2000: материалы научно-практической конференции. – Тюмень, 2001. – С. 3–4. – (Наши юбиляры). {Academician D.G. Tumasheva / Kh.Ch. Alishina // Suleimanov readings – 2000: proceedings of the scientific conference. – Tyumen, 2001. – PP. 3–4. – (Our anniversaries).}
- Диляра Гарифовна Тумашева / Х.Ч. Алишина // Филологический дискурс. Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета / гл. ред. Н.П. Дворцова. – Тюмень, 2001. – Вып. 2: Филологические прогулки по городу. – С. 230–232. – (Юбиляры). {Dilyara Garifovna Tumasheva / Kh.Ch. Alishina // Philological discourse. Bulletin of Philology department of Tyumen State University / Ed. by N.P. Dvortsova. – Tyumen, 2001. – Issue 2: Philological walks around the city. – PP. 230–232. – (Anniversaries).}
- «Словарь диалектов...» Д.Г. Тумашевой – сокровищница языкового богатства сибирских татар / Х.Ч. Алишина // Филологический дискурс. Вестник филологического факультета Тюменского государственного университета / гл. ред. Н.П. Дворцова. – Тюмень, 2002. – Вып. 3: Филологические прогулки по современности. – С. 89–96. – (Современные языковые процессы). {D.G. Tumasheva's «Dictionary of dialects...» – a treasury of linguistic wealth of Siberian Tatars / Kh.Ch. Alishina // Philological discourse. Bulletin of Philology department of Tyumen State University / Ed. by N.P. Dvortsova. – Tyumen, 2002. – Issue 3: Philological walks around the modern time. – PP. 89–96. – (Modern processes in languages).}
- Диляра Гарифовна Тумашева / Х.Ч. Алишина // Академик Тумашева / Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе. – Казань, 2004. – С. 37–39. {Dilyara Garifovna Tumasheva / Kh.Ch. Alishina // Academician Tumasheva / The Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. – Kazan, 2004. – PP. 37–39.}
- «Словарь диалектов...» Д.Г. Тумашевой – сокровище языкового богатства сибирских татар / Х.Ч. Алишина // Академик Тумашева / Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе. – Казань, 2004. – С. 150–161. {D.G. Tumasheva's «Dictionary of dialects...» – a treasury of linguistic wealth of Siberian Tatars / Kh.Ch. Alishina // Academician Tumasheva / The Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. – Kazan, 2004. – PP. 150–161.}
- Академик Д.Г. Тумашева и итоги изучения ею языка сибирских татар в XX веке / Х.Ч. Алишина // Словоцкие чтения – 2006: материалы XVIII Всероссийской научно-практической краеведческой конференции. – Тюмень, 2006. – С. 147–149. {Academician D.G. Tumasheva and the results of her research of Siberian Tatar language in the 20th century / Kh.Ch. Alishina // Slovtsov readings – 2006: proceedings of the 18th All-Russian scientific local history conference. – Tyumen, 2005. – PP. 147–149.}

- Дильра Гарифовна Тумашева – основатель сибирской тюркологической школы / Х.Ч. Алишина // Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию академика Д.Г. Тумашевой (Тюмень, 19 октября 2006). – Тюмень, 2007. – С. 8–19. {Dilyara Garifovna Tumasheva – founder of Siberian school of Turkology / Kh.Ch. Alishina // Tumasheva readings: topical issues of Turkology: proceedings of All-Russian scientific conference, dedicated to the 80th anniversary of Academician D.G. Tumasheva (Tyumen, October 19, 2006). – Tyumen, 2007. – PP. 8–19.}
- «Словарь диалектов...» Тумашевой Д.Г. – сокровищница языкового богатства сибирских татар / Х.Ч. Алишина // Тумашевские чтения: актуальные проблемы развития языка, фольклора, литературы, искусства сибирских татар: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 17 октября 2008). – Тюмень, 2008. – С. 10–19. {D.G. Tumasheva's «Dictionary of dialects...» – a treasury of linguistic wealth of Siberian Tatars / Kh.Ch. Alishina // Tumasheva readings: topical issues of language changes, folklore, literature, and art of Siberian Tatars: proceedings of the 2nd All-Russian scientific conference (Tyumen, October 17, 2008). – Tyumen, 2008. – PP. 10–19.}
- Академик Д.Г. Тумашева – основатель сибирской тюркологической школы / Х.Ч. Алишина // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: сборник материалов Международной тюркологической конференции, посвященной памяти профессора Казанского университета Д.Г. Тумашевой (Казань, 21–24 октября 2011) / Казанский (Приволжский) федеральный университет; Академия наук Республики Татарстан; под общ. ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань, 2011. – С. 24–31. {Academician D.G. Tumasheva – founder of Siberian school of Turkology / Kh.Ch. Alishina // Dialectology, history and grammar structure of Turkic languages: a compendium of International Turkological conference, dedicated to the memory of Professor of Kazan University D.G. Tumasheva (Kazan, October 21–24, 2011) / Kazan (Volga Region) Federal University; the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Ed. by R.R. Zamaletdinov. – Kazan, 2011. – PP. 24–31.}
- Фундаментальное научно-методическое наследие академика Дильры Тумашевой / Х.Ч. Алишина // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: материалы V Международной научно-практической конференции. – Казань, 2014. – С. 12–14. {Fundamental scientific and methodological heritage of Academician Dilyara Tumasheva / Kh.Ch. Alishina // Retention and development of native languages in the midst of a multinational state: problems and perspectives: proceedings of the 5th International scientific conference. – Kazan, 2014. – PP. 12–14.}
- Академик Дильра Тумашева известна в научном мире как специалист по языку сибирских татар: доклад, прочитанный на пленарном заседании конференции / Х.Ч. Алишина // Сулеймановские чтения. – Вып. 19. – Сохранение татарского языка, фольклора, традиций и обычаев в современных условиях / ред. Х.Ч. Алишина. – Тюмень, 2016. – С. 12–15. {Academician Dilyara Tumasheva is world-famous among the scientists as a Siberian Tatar language expert: report read at plenary session of the Conference / Kh.Ch. Alishina // Suleimanov readings. – Issue 19. – Retention of Tatar language, folklore, traditions, and rites in modern conditions / Ed. by Kh.Ch. Alishina. – Tyumen, 2016. – PP. 12–15.}
- Ее душа, ум, мысли были посвящены Сибири...: к 95-летию Д.Г. Тумашевой / Х.Ч. Алишина // Хикмет. – Тюмень, 2021. – Сентябрь-октябрь (№ 4). – С. 10–11. {Her soul, her mind, her thoughts were dedicated to Siberia...: to the 95th anniversary of D.G. Tumasheva / Kh.Ch. Alishina // Khikmet. – Tyumen, 2021. – September-October (No. 4). – PP. 10–11.}

Специальное издание

- Дильра Тумашева – выдающийся тюрколог XX столетия: статьи, воспоминания / авт.-сост. Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2011. – 73 с. – (Жизнь замечательных людей). {Dilyara Tumasheva – a prominent Turkologist of the 20th century: articles, memoirs / Edited by Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2011. – 73 p.}

Сборники конференций

- Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию акад. Д.Г. Тумашевой (Тюмень, 19 октября

- 2006) / редкол.: Х.Ч. Алишина и др. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2007. – 300 с. – В надзаг.: Российская Федерация, Министерство образования и науки, ГОУ ВПО Тюменский государственный университет. {Tumasheva readings: topical issues of Turkology: proceedings of All-Russian scientific conference, dedicated to the 80th anniversary of Academician D.G. Tumasheva (Tyumen, October 19, 2006). – Tyumen: The publishing house of Tyumen State University, 2007. – 300 p. – Caption: Russian Federation, Ministry of Education and Science, Public Educational Establishment of Higher Professional Education Tyumen State University.}
- Тумашевские чтения: актуальные проблемы развития языка, фольклора, литературы, искусства сибирских татар: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 17 октября 2008) / ред. Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2008. – 258 с. – [на тат. и рус. яз.]. {Tumasheva readings: topical issues of language changes, folklore, literature, and art of Siberian Tatars: proceedings of the 2nd All-Russian scientific conference (Tyumen, October 17, 2008) / Ed. by Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2008.}
- Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 15 октября 2009) / отв. ред. Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2009. – 318 с. – [текст: рус., тат., англ.]. {Tumasheva readings: topical issues of Turkology: proceedings of the 3rd All-Russian scientific conference (Tyumen, October 15, 2009) / Ed. by Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2009. – 318 p. – [In Russian, Tatar, and English].}
- Тумашевские чтения: актуальные проблемы тюркологии: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 17 октября 2010) / отв. ред. Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2010. – 451 с. {Tumasheva readings: topical issues of Turkology: proceedings of the 4th All-Russian scientific conference (Tyumen, October 17, 2010) / Ed. by Kh.Ch. Alishina. – Tyumen: Pechatnik, 2010. – 451 p.}

**Academician Tumasheva made a monument to the language of Siberian Tatars
(to her 95th anniversary)**

Kh.Ch. Alishina

Tyumen

Khanisa Chavdatovna Alishina – Doctor of Philology, Professor, Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Director of the Center of Turkology of TSU

**ДЖАЛИЛЬ ГИНИЯТОВИЧ КИЕКБАЕВ –
ПЕРВЫЙ ДОКТОР ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИЗ ЧИСЛА БАШКИР
(К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Ю.В. Псянчин
г. Уфа

В октябре 2021 г. исполнилось 110 лет со дня рождения видного ученого-тюрколога и языковеда-алтаиста, педагога, общественного деятеля, писателя, доктора филологических наук, профессора Джалиля Гиниятовича Киекбаева (1911–1968). Он, как основатель школы сравнительно-исторического изучения урало-алтайских языков и первый доктор филологических наук из числа башкир, внес неоценимый вклад в развитие башкирской филологии [Зайнуллин 1996; Зайнуллин 2011; Псянчин 2021; Юдакин 2001].

Джалиль Гиниятович Киекбаев (башк. *Жәлил Гиниәт улы Кәйекбаев*) родился 25 октября 1911 г. в деревне Каран-Елга Стерлитамакского уезда Уфимской губернии, ныне – Гафурийского района Республики Башкортостан, в крестьянской

Псянчин Юлай Валиевич – доктор филологических наук, профессор, ученый секретарь Государственного автономного учреждения «Башкирский научно-исследовательский центр по пчеловодству и апитерапии» Министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан, e-mail: yulayps@uandex.ru.

семье. В 1920–1926 гг. обучался в Саитбабинской начальной школе, в 1926–1930 гг. учился в Макаровской школе. В 1930–1932 гг. он был учащимся Башкирского педагогического техникума по специальности «Башкирский язык и литература» (г. Уфа).

В 1932 г. Дж.Г. Киекбаев поступает на отделение германской филологии Первого Московского государственного педагогического института иностранных языков, которое успешно оканчивает в 1937 г. и до 1938 г. работает учителем Рошальской средней школы в Московской области.

В 1938–1948 гг. он трудится в различных учреждениях Башкортостана, преподает в вузах, с 1942 по 1943 гг. работает директором в родной Саитбабинской средней школе Гафурийского района Башкирской АССР, в 1943–1944 гг. является главным редактором Башкирского книжного издательства. В 1945–1946 гг. обучается в аспирантуре Института языкознания АН СССР в г. Москве.

После успешной защиты в 1948 г. под руководством члена-корреспондента АН СССР Н.К. Дмитриева (1848–1954) кандидатской диссертации на тему «Орфоэпия башкирского литературного языка» [Киекбаев 1949] Дж.Г. Киекбаев начинает работать в Башкирском государственном педагогическом институте им. Н.А. Тимирязева: сначала – старшим преподавателем, затем – доцентом и деканом факультета иностранных языков. С 1951 г. и до конца своей жизни он беспрерывно заведует кафедрой башкирского языкознания (с 1957 г. – Башкирского государственного университета имени 40-летия Октября). С 1957 по 1961 гг. – проректор университета по учебной работе.

В 1960 г. в Институте языкознания АН СССР Дж.Г. Киекбаев защищает докторскую диссертацию на тему «Фонетика башкирского языка (опыт описательного и сравнительно-исторического исследования)» [Киекбаев 1959]. В следующем, 1961 г. утверждается в ученном звании профессора кафедры башкирского языка. Таким образом, Джалиль Гиниятович становится не только самым первым доктором филологических наук из числа башкир, но еще является и первым профессором в области башкирского языкознания.

Первое направление в научно-исследовательской деятельности Дж.Г. Киекбаева было посвящено вопросам орфоэпии башкирского языка, столь важного в период языкового строительства в Башкирской АССР, которое было начато еще в 20-х гг. XX в. Тогда Советом народных комиссаров Башкирской АССР перед учеными-языковедами была поставлена очень серьезная задача – выработать и установить стабильные нормы литературного произношения. Поэтому исследование Дж.Г. Киекбаева было востребовано всей системой школьного образования, средств массовой информации, театра и радио. Кроме этого, автором в тот момент решались многие вопросы фонетики и фонологии, акцентологии и интонации [Зайнуллин 2011: 915]. В 1964 г. работа «Башкирское литературное произношение» («Башкорт эзэби теленең дөрөс әйтелеше») [Киекбаев 1964] была издана на башкирском языке.

Второе направление в научно-исследовательской деятельности Дж.Г. Киекбаева посвящено изучению природы сингармонизма как древнейшего общеалтайского наследия. Основная часть его докторского исследования в 1958 г. была издана на башкирском языке в качестве монографии «Фонетика башкирского языка (опыт описательного и сравнительно-исторического исследования)» («Башкорт теленең фонетикаһы (тасуири һәм сағыштырмаса-тарихи тикшерү тәжрибәһе)» [Киекбаев 1958]. В этом труде на большом фактическом материале были детально проанализированы все типы сингармонизма, и на основе сингармонических параллелей они были показаны как единое общеалтайское явление. Эта работа Дж.Г. Киекбаева внесла значительный вклад в изучение проблем исторической фонетики тюркских языков.

Работа Дж.Г. Киекбаева над третьим научно-исследовательским направлением восходит к началу 60-х гг. прошлого, XX в. и связана с изучением теоретических оснований исторической грамматики урало-алтайских языков. По данной проблеме он публикует целый ряд научных статей в ведущих научных журналах и сборниках, участвует в работе различных конференций, симпозиумов и семинаров. Основные результаты его исследований были уже посмертно опубликованы в двух монографиях – «Введение в урало-алтайское языкознание» [Киекбаев 1972] и «Основы исторической грамматики урало-алтайских языков» [Киекбаев 1996].

Автор смог добиться решения следующих проблем: 1) ему удалось разработать теорию определенности-неопределенности, которая, будучи грамматической категорией, ранее считалась характерной только для индоевропейских, но никак не для урало-алтайских языков (в т. ч. и для башкирского языка). Как известно, идеи определенности-неопределенности в индоевропейских языках представляют традиционно – только при помощи артиклей. Дж.Г. Киекбаеву удалось выявить и систематизировать средства определенности-неопределенности в урало-алтайских языках, квалифицировав их как фонетические, морфо-

логические, лексические и синтаксические; 2) до его изысканий в алтаистике доминировала теория о том, что все грамматические аффиксы произошли только от самостоятельных слов (Г.И. Рамстедт, А.Н. Кононов, Н.К. Дмитриев, Э.В. Севортян). Профессору Дж.Г. Киекбаеву впервые в истории отечественной тюркологии и урало-алтаистики удалось доказать, что сложные аффиксы возникли путем сращения древнейших простых аффиксов с тем же значением: например, аффикс множественного числа *-лар* (*алма-лар* ‘яблоки’) распадается на два древнейших общеалтайских аффикса множественного числа *-л* и *-р*, при этом между ними функционирует широкий гласный *а* – показатель неопределенной множественности, т. е. неопределенности; 3) он также доказал генетическое и типологическое родство уральских и алтайских языков по данным грамматического (морфологического) строя.

Четвертым, особым направлением в научно-исследовательской деятельности Дж.Г. Киекбаева является изучение лексикологии родного языка: в 1966 г. увидел свет его вузовский учебник «Лексика и фразеология современного башкирского языка» [Киекбаев 1966а]. В книге рассмотрены проблемы формирования башкирского литературного языка, вопросы стилистики, диалектологии, основ терминологии и лексикографии. Новаторским подходом автора в этой работе следует считать исследование отраслевой лексики башкирского языка путем составления многочисленных тематических групп [Киекбаев 1966а: 153]. В дальнейшем эти новаторские исследования были продолжены и творчески развиты языковедами Э.Ф. Ишбердиным (1934–2019), Н.Х. Максютовой (1932–2004), С.Ф. Миржановой (1924–2000), М.Х. Ахтямовым (1929–2020), У.Ф. Надергуловым (1937–1997), Г.Г. Кагармановым, М.И. Багаутдиновой, Г.Н. Ягафаровой. Усилиями этих ученых были выявлены хронологические рамки формирования лексики башкирского языка.

Дж.Г. Киекбаевым было написано большое количество статей по проблемам диалектологии, стилистики, культуры речи и топонимики башкирского языка. Он является автором более двухсот работ, среди которых девять монографий, учебники, программы, статьи.

Ученый много сделал для развития высшего образования в республике: он является автором изданных программ курсов «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» [Историческая грамматика 1967], «Введение в урало-алтайское языкознание» [Введение в урало-алтайское языкознание 1967], «Сравнительная грамматика тюркских языков» [Сравнительная грамматика 1967]. Особо следует выделить его учебное пособие «Современный башкирский язык» [Киекбаев 1966б], подготовленное для студентов заочного отделения.

Дж.Г. Киекбаев оказывал существенную научно-методическую помощь учителям башкирского языка и литературы, являлся автором учебников, учебных пособий и программ для школ и педагогических училищ. Об этой стороне его деятельности наиболее объективно высказался его ученик, академик Академии наук Республики Башкортостан М.В. Зайнуллин: «Глубоко волновали его проблемы преподавания родного языка в средней и высшей школах. Он ратовал за то, чтобы исследования теоретического языкознания нашли приложение не только к преподаванию в высшей школе, но и в школьном преподавании. Он был одним из инициаторов организации первой крупномасштабной республиканской

научно-практической конференции преподавателей родного языка и литературы, которая состоялась в 1966 году в Уфе. На пленарном заседании конференции Киекбаев выступил с докладом “Родной язык как средство воспитания в школе”. В своем выступлении он подчеркнул, что изучение родного языка не только помогает развитию интеллектуальных способностей, но и способствует формированию индивидуальности. Киекбаев был убежден в том, что ученики в процессе изучения родного языка приобретают способность осознавать свое мышление. В этом как раз и заключается неоспоримое общеобразовательное значение родного языка» [Зайнуллин 2011: 916]. С этим строками нельзя не согласиться.

Он также известен как переводчик художественных произведений и сказок с немецкого и венгерского языков на башкирский, поэт, писатель, публицист. С 1944 г. – член Союз писателей СССР. Дж.Г. Киекбаеву суждено было стать первым переводчиком с немецкого на башкирский язык произведений Гете, Гейне, Эриха Вайнера, Вилли Бределя, Фридриха Вольфа, братьев Гримм. В годы Великой Отечественной войны им были созданы очерки «Зубай Утягулов» (Уфа, 1944; 1985), кубайры (Уфа, 1944; 1966) и др., а также издан поэтический сборник «Фронтовые стихи» (Уфа, 1944). Его исторический роман «Родные и знакомые» выдержал три издания (1975, 1991, 2011) и был переведен на русский язык в 1986 г.

За годы научной деятельности им подготовлено более десяти кандидатов наук.

Дж.Г. Киекбаев вел большую общественную работу, являлся членом Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, членом редколлегии республиканского журнала «Учитель Башкирии», председателем Учебно-методической комиссии при Министерстве просвещения БАССР, избирался депутатом Верховного Совета Башкирской АССР.

За большие заслуги в области науки и образования он был удостоен орденов «Знак Почета» (1961) и Ленина (1967), ему было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Башкирской АССР» (1967).

Дж.Г. Киекбаев скоропостижно скончался 19 марта 1968 г. в возрасте 57 лет.

В Башкортостане не забывают о Джалиле Гиниятовиче Киекбаеве: раз в пять лет в Башкирском государственном университете проводятся международные конференции по актуальным проблемам урало-алтаистики, которые собирают представителей не только из Российской Федерации, но и стран СНГ. Решением Ученого совета Башкирского государственного университета установлены именные стипендии имени Дж.Г. Киекбаева для студентов-отличников факультета башкирской филологии и журналистики. На факультете уже сорок с лишним лет успешно функционирует Мемориальный кабинет имени Дж.Г. Киекбаева, успевший превратиться за это время в известный на всю республику и в сопредельных регионах Центр по изучению и преподаванию башкирского языка.

Во втором по значению городе Башкортостана г. Стерлитамак на базе гимназии № 3 им. Джалиля Киекбаева ежегодно проводятся республиканские научно-практические конференции «Киекбаевские чтения».

Чтут память видного ученого и на его родине – в Гафурийском районе Башкортостана. С 1969 г. средняя школа с. Сайтбаба носит его имя, там был открыт Мемориальный музей Дж.Г. Киекбаева, а с осени 1991 г. он переведен в отдельное здание в д. Каран-Елга и стал филиалом Национального музея Республики Башкортостан.

В 1991 г. в связи с 80-летием знаменитого земляка исполком Гафурийского районного Совета народных депутатов учредил общественную премию имени Джалиля Киекбаева. Ее удостоились ученые, писатели, художники, работники культуры и просвещения, внесшие большой вклад в увековечение памяти выдающегося языковеда-педагога и писателя. Среди них немало и представителей отечественной тюркологической науки – М.З. Закиев, Г.Г. Саитбатталов, М.В. Зайнуллин, Г.С. Кунафин, Р.Х. Халикова, А.М. Сулейманов, А.М. Азнабаев.

В 2011 г. к 100-летию юбилею Дж.Г. Киекбаева увидело свет третье издание на башкирском языке книги воспоминаний о нем академика Академии наук Республики Татарстан М.З. Закиева «Вдохновенная песня» [Закиев 2011]. К юбилейной дате также была издана и полная версия библиографии ученого, включающая опубликованные с 1940 по 2011 гг. его труды и произведения [Ученый и писатель 2011], а также была выпущена книга Г.С. Кунафина «Джалиль Киекбаев. Жизнь и творчество» [Кунафин 2012]. Выход в свет этого труда стал знаковым событием в научной жизни Башкортостана.

Республиканским издательством «Китап» им. З. Бишевой в 2012–2014 гг. изданы два тома избранных научных трудов Дж.Г. Киекбаева [Киекбаев 2012; Киекбаев 2014]. В 2016 г. там же увидело свет второе издание его монографии «Введение в урало-алтайское языкознание» [Киекбаев 2016].

Дело своего великого учителя достойно продолжили его верные ученики – А.М. Азнабаев и В.Ш. Псянчин. Ими были опубликованы статьи [Азнабаев 2004; Азнабаев 2013; Азнабаев 2017; Азнабаев, Псянчин 1971; Псянчин 1973; Псянчин 1976], монография на башкирском языке «Историческая морфология башкирского языка» [Азнабаев, Псянчин 1976] и учебник для вузов «Историческая грамматика башкирского языка» [Азнабаев, Псянчин 1983], а также ряд учебных пособий по данной проблематике [Историческая грамматика 1999; Азнабаев 2002; Псянчин 1978].

Идеи Дж.Г. Киекбаева не потеряли своей актуальности и сегодня: например, в 2015 г. его учеником, профессором А.М. Азнабаевым в соавторстве с молодым лингвистом-исследователем Р.Т. Акбулатовой был издан очень оригинальный труд – «Историко-этимологический словарь диалектизмов башкирского языка» [Азнабаев, Акбулатова 2015]. Словарь составлен путем обращения к принципам категории определенности/неопределенности [Азнабаев 2004; Азнабаев, Акбулатова 2015: 10–23], что свидетельствует о его новаторстве как лексикографического труда подобного типа. Ранее в 2014 г. этими же авторами при участии доктора филологических наук, профессора Р.З. Шакурова было напечатано учебное пособие для студентов педвузов «Историческая основа диалектизмов в башкирском языке» [Азнабаев, Акбулатова, Шакуров 2014].

Таким образом, вот уже более шестидесяти лет учение Дж.Г. Киекбаева остается востребованным не только в башкирском языкознании и тюркологии, но и в алтаистике.

Литература

- Азнабаев 2002 – *Азнабаев А.М.* Историческая грамматика башкирского языка: учеб. пособ. – Уфа: БашГПУ, 2002. – 81 с. (на башк. яз.) {*A.M. Aznabayev. Historical Grammar of the Bashkir Language: a Manual.* – Ufa: BashGPU, 2002. – 81 p. (in Bashkir.)}

- Азнабаев 2004 – *Азнабаев А.М.* Категория определенности-неопределенности в башкирском языке // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. – 2004. – Том 9. – № 4. – С. 29–34. {*A.M. Aznabayev. The Category of Certainty-Uncertainty in the Bashkir Language // Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. – 2004. – Vol. 9. – No. 4. – P. 29–34.*}
- Азнабаев 2013 – *Азнабаев А.М.* Плеоназм и категория определенности-неопределенности в исторической судьбе башкирского и других тюркских языков // Проблемы востоковедения. – 2013. – № 2. – С. 57–62. {*A.M. Aznabayev. Pleonasm and the Category of Certainty-Uncertainty in the Historical Fate of the Bashkir and Other Turkic Languages // Issues of Oriental Studies. – 2013. – No. 2. – P. 57–62.*}
- Азнабаев 2017 – *Азнабаев А.М.* О научных достижениях профессора Дж.Г. Кiekбаева (к 105-летию со дня рождения) // Проблемы востоковедения. – 2017. – № 1 (75). – С.61–64. {*A.M. Aznabayev. On the Scientific Achievements of Professor J.G. Kiekbayev (to the 105th Anniversary of His Birth) // Issues of Oriental Studies. – 2017. – No. 1 (75). – PP. 61–64.*}
- Азнабаев, Акбулатова 2015 – *Азнабаев А.М., Акбулатова Р.Т.* Историко-этимологический словарь диалектизмов башкирского языка. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2015. – 184 с. {*A.M. Aznabayev, R.T. Akbulatova. Historical and Etymological Dictionary of Dialectisms of the Bashkir Language. – Ufa: Bashkir Encyclopaedia, 2015. – 184 p.*}
- Азнабаев, Акбулатова, Шакуров 2014 – *Азнабаев А.М., Акбулатова Р.Т., Шакуров Р.З.* Историческая основа диалектизмов в башкирском языке: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 120 с. {*A.M. Aznabayev, R.T. Akbulatova, R.Z. Shakhurov. The Historical Basis of Dialectisms in the Bashkir Language: a Textbook for Students of Higher Educational Institutions. – Ufa: BSPU Publishing House, 2014. – 120 p.*}
- Азнабаев, Псянчин 1971 – *Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш.* К проблеме исторического аффикса множественного числа *-лар* в тюркских языках // Советская тюркология. – 1971. – № 5. – С. 11–20. {*A.M. Aznabayev, V.Sh. Psianchin. To the Problem of the Historical Plural Affix -lar in the Turkic Languages // Soviet Turkology. – 1971. – No. 5. – PP. 11–20.*}
- Азнабаев, Псянчин 1976 – *Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш.* Историческая морфология башкирского языка (опыт сравнительно-исторического исследования). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1976. – 176 с. (на башк. яз.) {*A.M. Aznabayev, V.Sh. Psianchin. Historical Morphology of the Bashkir Language (an Attempt at Comparative and Historical Research). – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1976. – 176 p. (in Bashkir.)*}
- Азнабаев, Псянчин 1983 – *Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш.* Историческая грамматика башкирского языка: учебное пособие. – Уфа: Изд-во Башк. гос. ун-та, 1983. – 244 с. {*A.M. Aznabayev, V.Sh. Psianchin. Historical Grammar of the Bashkir Language: a Manual. – Ufa: Publishing House of the Bashkir State University, 1983. – 244 p.*}
- Зайнуллин 1996 – *Зайнуллин М.В.* Кiekбаев Джалиль Гиниятович // Башкортостан: краткая энциклопедия. – Уфа: Научн. изд-во «Башкирская энциклопедия», 1996. – С. 333. {*M.V. Zainullin. Kiekbaev Dzhahalil Giniyatovich // Bashkortostan: Brief Encyclopaedia. – Ufa: The Scientific publishing house «Bashkir Encyclopaedia», 1996. – P. 333.*}
- Зайнуллин 2011 – *Зайнуллин М.В.* Выдающийся ученый-башкировед и тюрколог (к 100-летию профессора Дж.Г. Кiekбаева) // Вестник Башкирского университета. – 2011. – Т. 16. – № 3 (1). – С. 914–917. {*M.V. Zainullin. Outstanding Scientist, Bashkirist and Turkologist (to the 100th Anniversary of Professor J.G. Kiekbaev) // Bulletin of the Bashkir University. – 2011. – Vol. 16. – No. 3 (1). – PP. 914–917.*}
- Закиев 2011 – *Закиев М.З.* Вдохновенная песня. Воспоминания о башкирском ученом-языковеде и писателе Джалиле Кiekбаеве. – Уфа: БашГУ, 2011. – 144 с. (на башк. яз.) {*M.Z. Zakiev. Inspirational Song. Memories of the Bashkir Linguist and Writer Dzhahalil Kiekbaev. – Ufa: BashSU, 2011. – 144 p. (in Bashkir.)*}
- Историческая грамматика 1999 – Историческая грамматика башкирского языка: программа курса / Сост. *А.М. Азнабаев.* – Уфа: БашГПИ, 1999. – 14 с. (на башк. яз.) {*Historical Grammar of the Bashkir Language: Course Programme / Comp. by A.M. Aznabayev. – Ufa: BashGPI, 1999. – 14 p. (in Bashkir.)*}
- Кунафин 2012 – *Кунафин Г.С.* Джалиль Кiekбаев. Жизнь и творчество: монография. – Уфа: Китап, 2012. – 248 с. {*G.S. Kunafin. Dzhahalil Kiekbayev. Life and Work: a Monograph. – Ufa: Kitap, 2012. – 248 p.*}

- Псянчин 1973 – Псянчин В.Ш. История форм развития порядковых, разделительных и собирательных числительных в тюркских языках // Советская тюркология. – 1973. – № 3. – С.49–58. {*V.Sh. Psysanchin. History of the Developmental Forms of Ordinal, Separative and Collective Numerals in the Turkic Languages // Soviet Turkology. – 1973. – No. 3. – PP. 49–58.*}
- Псянчин 1976 – Псянчин В.Ш. К истории развития аффиксов сравнительной и уменьшительной степеней прилагательных в башкирском языке // Советская тюркология. – 1976. – № 6. – С.15–23. {*V.Sh. Psysanchin. On the History of the Development of Affixes of Comparative and Diminutive Degrees of Adjectives in the Bashkir Language // Soviet Turkology. – 1976. – No. 6. – PP. 15–23.*}
- Псянчин 1978 – Псянчин В.Ш. Лекции о происхождении формообразующих аффиксов имени прилагательного башкирского языка. – Уфа: БашГУ, 1978. – 81 с. {*V.Sh. Psysanchin. Lectures on Genesis of Derivational Affixes of Adjective in the Bashkir Language. – Ufa: BashSU, 1978. – 81 p.*}
- Псянчин 2021 – Псянчин Ю. Джалиль Киекбаев – первый доктор филологии // Ватандаш (Соотечественник). – 2021. – № 10. – С. 134–140. {*Yu. Psysanchin. Dzhaliil Kiekbayev – the First Doctor of Philology // Vatandaş (Compatriot). – 2021. – No. 10. – PP. 134–140.*}
- Ученый и писатель 2011 – Ученый и писатель Джалиль Гиниятович Киекбаев: биобиблиография. – Уфа: РИО БашГУ, 2011. – 128 с. {*Scientist and Writer Dzhaliil Ghiniyatovich Kiekbayev: Biobibliography. – Ufa: RIO BashGU, 2011. – 128 p.*}
- Юдакин 2001 – Юдакин А.П. Киекбаев Джалиль Гиниятович // Юдакин Анатолий. Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание: энциклопедия. – М., 2001. (Серия: Ведущие языковеды мира. 4). – С. 247–250. {*A.P. Yudakin. Kiekbayev Dzhaliil Ghiniyatovich // Yudakin Anatoly. Ural-Altai (Turkic-Mongolic) Linguistics: Encyclopaedia. – Moscow, 2001. (Series: The Leading Linguists of the World. 4). – PP. 247– 250.*}

Основные научные труды Дж.К. Киекбаева **The main works of Dzh.K. Kiekbayev**

- Киекбаев Дж.Г. Орфоэпия башкирского литературного языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1949. – 24 с. {*Dzh.G. Kiekbayev. Orthoepy of the Bashkir Literary Language: Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1949. – 24 p.*}
- Киекбаев Дж.Г. Фонетика башкирского языка (опыт описательного и сравнительно-исторического исследования). – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1958. – 212 с. (на башк. яз.) {*Dzh.G. Kiekbayev. Phonetics of the Bashkir Language (Experience of Descriptive and Comparative Historical Research). – Ufa: Bashkir book publishing house, 1958. – 212 p. (in Bashkir.)*}
- Киекбаев Дж.Г. Фонетика башкирского языка (опыт описательного и сравнительно-исторического исследования): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1959. – 49 с. {*Dzh.G. Kiekbayev. Phonetics of the Bashkir Language (Experience of Descriptive and Comparative Historical Research): Ph.D. diss. abstract. – Moscow, 1959. – 49 p.*}
- Киекбаев Дж.Г. Башкирское литературное произношение. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1964. – 88 с. (на башк. яз.) {*Dzh.G. Kiekbayev. Bashkir Literary Pronunciation. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1964. – 88 p. (in Bashkir.)*}
- Киекбаев Дж.Г. Лексика и фразеология современного башкирского языка: учеб. пособ. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1966. – 276 с. (на башк. яз.) {*Dzh.G. Kiekbayev. Vocabulary and Phraseology of Modern Bashkir Language: a Manual. – Ufa: Bashkir book publishing house, 1966. – 276 p. (in Bashkir.)*}
- Киекбаев Дж.Г. Современный башкирский язык (лекции для студентов заочного отделения Башкирского государственного университета). – Уфа: БашГУ, 1966. – 146 с. (на башк. яз.) {*Dzh.G. Kiekbayev. Modern Bashkir Language (Lectures for Correspondence Students of the Bashkir State University). – Ufa: BashGU, 1966. – 146 p. (in Bashkir.)*}
- Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1972. – 152 с. {*Dzh.G. Kiekbayev. Introduction to the Ural-Altai Linguistics. – Ufa: Bashkir Book Publishing House, 1972. – 152 p.*}
- Киекбаев Дж.Г. Основы исторической грамматики урало-алтайских языков. – Уфа: Китап, 1996. – 368 с. {*Dzh.G. Kiekbayev. Foundations of the Historical Grammar of the Ural-Altai Languages. – Ufa: Kitap, 1996. – 368 p.*}

- Киекбаев Дж.Г.* Сборник научных трудов и избранные произведения. I том. Башкирское литературное произведение. Фонетика башкирского языка. – Уфа: Китап, 2012. – 288 с. {*Dzh.G. Kiekbayev.* A Collection of Scientific Works and Selected Papers. Volume 1. Bashkir Literary Work. Phonetics of the Bashkir Language. – Ufa: Kitap, 2012. – 288 p.}
- Киекбаев Дж.Г.* Сборник научных трудов и избранные произведения. II том. Лексика и фразеология современного башкирского языка. – Уфа: Китап, 2014. – 260 с. {*Dzh.G. Kiekbayev.* Collection of Scientific Works and Selected Papers. Volume 2. Lexicon and Phraseology of Modern Bashkir Language. – Ufa: Kitap, 2014. – 260 p.}
- Киекбаев Дж.Г.* Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: Китап, 2016. – 168 с. {*Dzh.G. Kiekbayev.* Introduction to the Ural-Altai Linguistics. – Ufa: Kitap, 2016. – 168 p.}
- Программа курса «Историческая грамматика башкирского и татарского языков» / Сост. *Дж.Г. Киекбаев.* – Уфа: БашГУ, 1967. – 36 с. {The Program of the Course «Historical Grammar of the Bashkir and Tatar Languages» / Comp. by *Dzh.G. Kiekbayev.* – Ufa: BashSU, 1967. – 36 p.}
- Программа курса «Введение в урало-алтайское языкознание» / Сост. *Дж.Г. Киекбаев.* – Уфа: БашГУ, 1967. – 40 с. {The Program of the Course «Introduction to the Ural-Altai Linguistics» / Comp. by *Dzh.G. Kiekbayev.* – Ufa: BashGU, 1967. – 40 p.}
- Программа курса «Сравнительная грамматика тюркских языков» / Сост. *Дж.Г. Киекбаев.* – Уфа: БашГУ, 1967. – 48 с. {The Program of the Course «The Comparative Grammar of the Turkic Languages» / Comp. by *Dzh.G. Kiekbayev.* – Ufa: BashSU, 1967. – 48 p.}

**Dzhalil Ghiniyatovich Kiyekbayev:
The first doctor of philology among Bashkirs
(to his 110th anniversary)**

Y.V. Psyanchin
Ufa

Yulai Valievich Psyanchin – Ph.D. in philology, professor, scientific secretary of the State Autonomous Institution “Bashkir Research Center for Beekeeping and Apitherapy”, Ministry of Agriculture of Republic of Bashkortostan, e-mail: yulayps@yandex.ru.

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

СИБИРСКИЕ ТАТАРЫ¹

Ф.Т.-А. Валеев

Сибирские татары – это тюркское население Сибири, издавна обитающее в основном в сельских районах и городах Тюменской, Омской, Новосибирской и Томской областей. Переписи населения включают в этот состав не только коренных тюрков Сибири, но и представителей татар, прибывших в разное время из Поволжья и Приуралья. В современных условиях невозможно установить их точное количество.

Во многих районах «пришлые» сильно смешались со старожилами Сибири и считают себя «коренными».

Разрозненные группы тюркоязычных насельников, живших к западу от Оби, в лесостепной и степной полосе, в исторической литературе носят название бабинцев, теренинцев, иртышских, ишимских и тобольских татар.

Об их происхождении и этническом развитии, об этимологии этнонима «татары» существуют разные мнения. Так, современный историк-сибиревед А.В. Головнев², основываясь на данных литературы и археологии, отмечает, что тюркские племена хунну на территории Западной Сибири обитали уже во II–III вв. н. э. С того периода начинается этап двухвекового взаимодействия сибирских тюрков с местными угорязычными племенами, в результате чего к IV–V вв. формируется

¹ Перепечатка из молодежного журнала «Идель» (Казань, № 4, 1993). Опубликовано: Валеев Ф.Т.-А. Сибирские татары // Тумашевские чтения: актуальные проблемы развития языка, фольклора, литературы, искусства сибирских татар: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 17 октября 2008) / ред. Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2008. – 258 с. [на тат. и рус. яз.]. – С. 220–229.

² Головнев Андрей Владимирович – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор Кунсткамеры. Работал в г. Тобольске.

Валеев Фoaт Тач-Ахметович (1918–2010) – доктор исторических наук, профессор Казанского строительного института. Автор таких основополагающих трудов, как «Западносибирские татары во второй половине XIX – начале XX веков» (1980), «Сибирские татары» (1993), «Сибирские татары: культура и быт» (1992), «Сибирские татары: этнокультурные и политические проблемы возрождения» (1996), «Татары Западной Сибири» (1996).

один из компонентов гуннского конгломерата (гунны – кочевой народ, сложившийся во II–IV вв. в Приуралье из хунну, местных угров и сарматов. Их массовое переселение на запад дало толчок так называемому Великому переселению народов). Среди гуннов, как отмечает А.В. Головнев, оказался целый ряд тюркоязычных племен – болгары, хазары, сибирь. Под этнонимом «сибир» подразумевается народ, известный под названием сывыр, или сыбыр, по преданиям тобольских татар, занимавший места по среднему течению Иртыша еще до прихода туда предков татар, но по каким-то причинам покинувший эту территорию, «оставив» ей свое имя. Бытует также мнение, что сывыры (сыбыры) были непосредственными предками нынешних сибирских татар.

Происхождение и сложение сибирских татар в этническую общность представляет сложный и малоизученный вопрос. На их развитие в исторически обозримое время оказывали влияние группы угорского происхождения, монголы, народы Саяно-Алтайского нагорья, узбеки, таджики, каракалпаки, казахи, татары Поволжья, башкиры, некоторые другие народы, с которыми предки современных сибирских татар поддерживали этнические и этнокультурные связи.

На основе научного анализа данных археологии, антропологии, этнографии и лингвистики современные исследователи истории народов Сибири пришли уже к определенным выводам по вопросу о сложении тюркских племен в Западной Сибири.

Различные племена, обитавшие в южной лесной, лесостепной полосе Западной Сибири, по языку в подавляющем большинстве своем были тюрки. Они сложились из угрозязычных, кетоязычных и самодийских групп, подвергшихся смешению между собой и тюркизации. Причем тюркизация, по мнению известных исследователей этого вопроса, происходила с трех сторон: со стороны Алтая, где с древних времен обитали тюрки, со стороны Енисея, где до монгольского завоевания существовало объединение тюркоязычных енисейских кыргызов, и с верховьев Оби, где обитали кыпчакские племена.

Это смешение нашло свое отражение в физическом типе, языке, материальной и духовной культуре этих групп. Например, родственные связи северных алтайцев с кетами подтверждаются топонимическими материалами. На северном Алтае ряд рек в своих названиях имеют кетские окончания – *-зас*, *-сас*, *-сес*. А реки с подобными кельтскими названиями распространены по Енисею, севернее современного г. Енисейска.

При выяснении вопроса о тюркизации местного населения Западной Сибири большой интерес представляет высказывание по этому вопросу лингвиста А.П. Дульзона. Как известно, он писал о наличии двух волн тюркизации местного населения. Одна волна, наиболее ранняя, шла с юга по Оби и Томи и отсюда распространялась к востоку на Чулым. Эта волна принесла тюркское приращение *-су* в названия рек. Другая волна тюркизации, по времени более поздние (наиболее интенсивная в XII–XVI вв.), шла на Чулым с юго-востока, из минусинских степей, района обитания енисейских кыргызов. В кетских и других местных названиях рек появилось тюркское приращение *-юл*, или *-чул* (Чичка-юл, Боготу-юл, Кундат-юл, Ит-чул и др.). Зона переkreщивания этих двух волн тюркизации лежала по р. Кии (притоку Чулыма) и ее притокам. Считается, что одновременно шел процесс тюркизации в левобережной части бассейна Оби и ее притока Ир-

тыша. В этом районе на угроязычное население довольно сильное влияние оказали кыпчакские племена, язык которых относится к тюркским группам. Кыпчакские племена потеснили далее к северу угроязычные племена, кочевавшие по среднему течению Иртыша и его притоку Тоболу, частично ассимилировали их.

Кыпчаки, принимавшие непосредственное участие в формировании многих тюркских народов, считаются ближайшими историческими предками разных этнографических групп сибирских татар.

Кыпчаки упоминаются в китайской хронике 203 г. до н. э. под наименованием «кююше» или «цзюшэ», которое в литературе отождествляется с племенным наименованием «кыпчак». Под собственным названием «кыпчак» они известны в надписях селенгинского камня, относящихся к середине VIII в. н. э. Позже наименование «кыпчак» (или «кифчак») встречается в сочинениях таких мусульманских авторов, как Худуд ал-Алем (X в.), Бейхаки (X в.), Гардизи (XI в.), Ахмед ат-Туси (XII в.), Ибн ал-Асир (XIII в.), Рашид ад-Дин (XIV в.). Этноним «кыпчак» упоминается также в произведениях Низами, Навои.

Этноним «кыпчак» в форме «кипчак» упоминается у Гильома Рубрука (Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука [М., 1957: 111]). Русские летописи кыпчаков называют «половцами», «куманами». Западноевропейским народам кыпчаки-половцы были известны под различными наименованиями. Например, греки называли их «певияни», поляки и чехи – «плавцы», немцы – «флеви, фалон» и т. д.

В литературе о сибирских татарах еще нет исследований об этногенетических связях последних с кыпчаками. Однако анализ и сопоставительное изучение некоторых историко-этнографических и лингвистических материалов о кыпчаках и сибирских татарах подтверждает установившееся мнение о кыпчакском происхождении сибирских татар.

Прародиной древнетюркских кыпчакских племен является северо-западный Алтай. Предками кыпчаков считаются так называемые динлины, которые были автохтонными жителями Южной Сибири и с древних времен обитали в окрестностях Гоби, в Минусинской котловине и Туве.

Кыпчаки вместе с другими тюркскими племенами Алтая с III в. до н. э. и по XI в. оставались в политическом подчинении племен Сяньби, западные владения которых доходили до Алтая. В VI в. кыпчаки вошли в состав Тюркского каганата, разделившегося на два самостоятельных каганата: Западный, с центром в Семиречье, Восточный, с центром в Монголии (на Орхоне). В этот период происходит передвижение кыпчаков из северо-западного Алтая. В конце VII–VIII вв. часть кыпчаков переселяется в северо-западную Монголию, а другая (основная масса) – на среднее течение Иртыша. В IX–X вв. непосредственными районами их расселения здесь были территории, расположенные по левому берегу Иртыша, бассейнов рек Ишим и Тобол.

В IX–X вв. западнее енисейских кыргызов складывается кимакский этнокультурный ареал. Кимакский племенной союз состоял из семи, а в последствии двенадцати племен, наиболее крупными из которых были имак, ими, байандур, татар и кыпчак. В конце X в. в пределах кимакского государства выделились несколько самостоятельных областей, в том числе западная – Андар аз-Кыфчак. Отделение кыпчакского этнокультурного ареала обеспечило широкое распро-

странение южносибирских культурных традиций. В этот период многие тюркоязычные племена, в том числе и кыпчаки, расселенные в районах Прииртышья, были подчинены государству кимаков. Границы владений кимаков в IX–X вв. приблизительно определялись так: на востоке их кочевья доходили до областей киргизов (кыргызов), на юге и юго-востоке – до западных склонов Тарбагатайского хребта и берегов о. Балхаш, на западе – до юго-восточных склонов Уральских гор, на севере и северо-востоке – по р. Иртыш. Причем главная ставка правительства также находится на р. Иртыш.

В течение X в. кыпчаки вели борьбу против кимаков за независимость и овладение областью между Уралом и Волгой.

Продвигаясь дальше на запад, уже в IX–X вв. кыпчаки вплотную подошли к границам башкир, печенегов, гузов. В середине XI в. основными районами кочевий кыпчаков являются области между реками Уралом и Волгой, южнее владений волжских булгар. Здесь образуется крупное этнополитическое объединение кыпчаков, подчинившее себе племена государства кимаков.

Из приведенных выше сведений из истории средневековых кыпчаков видно, что часть последних в течение нескольких столетий обитала на территории, расположенной по среднему течению Иртыша и бассейнов рек Тобол и Ишим. А указанная территория издавна была основным местом жительства коренных сибирских татар, где их предки вели кочевой образ жизни. Поэтому формирование сибирских татар в этнос, несомненно, началось в кыпчакской среде. Повидимому, в формировании сибирских татар здесь принимали участие и кимаки.

По преданиям и сведениям, содержащимся в фантастических и бытовых сказках сибирских татар, предки последних до образования Сибирского ханства вели кочевой образ жизни, занимались кочевым скотоводством, охотой и рыболовством. В рамках федерального государства, каковым являлось Сибирское ханство, население также продолжало кочевой и полукочевой образ жизни. Занятия сибирских татар как до образования ханства, так и в рамках последнего, несомненно, имели преемственную связь с занятиями средневековых кыпчаков.

По письменным источникам, основным занятием средневековых кыпчаков было кочевое скотоводство, а в Западном Алтае и в районах Прииртышья, кроме того, кыпчаки занимались охотой, причем основными объектами их охоты были соболи и горностаи. Указанные занятия кыпчаков в течении длительного периода времени оставались и занятиями татар Прииртышья. Вероятно, кыпчакское происхождение имели и временные жилища – остроконечные шалаши сибирских татар, бытовавшие среди них до середины 30-х гг. нашего столетия.

Сибирскотатарские и кыпчакские параллели обнаруживаются в доисламских пережитках в религиозных верованиях и народно-разговорном языке сибирских татар. Религией древних тюркоязычных народов был шаманизм, сочетавшийся с реликтами более ранних, домашних религий. Шаманизм являлся основной религией и средневековых кыпчаков вплоть до XV в. Ибн Арабшах писал, что кыпчаки были «идолопоклонниками и многобожниками, не знавшими ни ислама, ни правоверья. Некоторые из них до сих пор еще поклоняются идолам».

Близость сибирских татар и средневековых кыпчаков подтверждают данные сравнительного изучения языка сибирских татар и кыпчакского языка. К сожалению, этот представляющий большой интерес вопрос еще не изучен исследовате-

лями, занимавшимися сравнительно-историческим изучением тюркских языков. Между тем даже беглое знакомство с некоторыми явлениями, относящимися к сибирскотатарским и кыпчакским языковым контактам, подтверждает близость рассматриваемых языков. Например, некоторые зафиксированные С.М. Исхаковой³ загадки тарских татар почти полностью совпадают с загадками, помещенными в известном памятнике кыпчакско-половецкого языка «Кодекс Куманикус», датированном 1303 г.

Таковы некоторые историко-этнографические и лингвистические сибирскотатарские и кыпчакские параллели, которые в какой-то степени подтверждают наличие этногенетических и историко-культурных контактов между указанными народами.

Тюркоязычные кыпчакские племена в XII–XIII вв. обитали не только на территории западносибирской низменности, но и на огромной территории, доходившей до низовьев Волги. Эти племена в XIII в. были покорены монголами и вошли в состав империи Чингисхана. В это время происходит смешение тюркских этнических элементов с монгольскими. Позднее указанная территория была заселена тюркоязычными кочевыми племенами, среди которых находились и предки нынешних сибирских татар.

В первой половине XV в. Золотая Орда распалась, и на ее территории образовался ряд ханств. На Волге – Казанское ханство, где основалась династия одного из последних ордынских ханов Улуг-Мухаммеда. На территории Волго-Яицкого междуречья и зауральских степей – Ногайская орда. В Западной Сибири, по Тюмени, Тоболу и Ишиму – Сибирское ханство. Здесь сначала правили ханы из местной татарской знати – «Тайбугина рода», а в начале второй половины XVI в. власть перешла к династии Шейбанидов.

Поскольку исторические судьбы сибирских татар были связаны с историей Сибирского ханства, мы напомним основные моменты из истории этого государства.

Разложение первобытнообщинного строя у сибирских татар приводит к классовому расслоению, выделению сильной улусной знати, подвергавшей эксплуатации трудовые массы населения. Усиление экономического положения верхушки, начавшийся процесс развития феодализма привели к образованию в XIV в. раннего политического объединения – Тюменского ханства.

Тюменское ханство занимало территорию по среднему течению р. Тобола и междуречья его притоков Туры и Тобола называли. Центр его называли Чимги-Тура (Цимга-Тура), а объединение – Тюменью. Во главе его правительства стояли золотоордынцы. Например, в конце XIV или начале XV в. в Чимге-Туре находился изгнанный из Золотой Орды потомок чингизидов Тохтамыш, после гибели последнего правителем на некоторое время становится Чегра, ставленник эмира Белой Орды Едигея. Это обстоятельство свидетельствует о том, что Тюменское ханство находилось в определенной степени в подчиненном Золотой Орде положении.

С 20-х гг. XV в. территория Тюменского ханства становится объектом борьбы между правителями Белой Орды и потомками Шейбани-хана, брата Батыея.

³ Исхакова Суфия Мунзировна – супруга Ф.Т.-А. Валеева, кандидат филологических наук, преподаватель латинского языка в КГПИ.

В результате этой борьбы внук убитого ханом Абу-л-Хайром Хаджи Мухаммеда, кочевавшего вниз по Ишиму, Ибак при поддержке некоторых ногайских мурз захватил власть в Тюменском ханстве.

При Ибаке территория ханства выросла за счет присоединения степных районов по Тоболу. Что касается татарских улусов, расположенных по Нижнему Тоболу и Среднему Иртышу, то они не входили в состав Тюменского ханства. Власть там принадлежала потомкам «Тайбугина рода».

В дальнейшем во второй половине XV в. развернулась ожесточенная борьба представителей «Тайбугина рода» с потомками Чингисхана – шейбанидами, ногайскими мурзами и потомками Абу-л-Хайра, претендовавшими на господство в южной части Западной Сибири.

В целях упрочнения своего положения в Тюменском ханстве шейбанид Ибак выдал замуж за одного из тайбугинов Мара свою сестру. Но вскоре Ибак умертвил своего зятя и захватил значительную часть его улуса. Сыновья Мара, Абдер, Ябалак, были убиты одним из родственников Мара, Маметом (или Мухамедом). Последний объединил татарские улусы по Тоболу и Среднему Иртышу и перенес свою ставку на новое место. Это было старинное укрепленное селение угров на высоком берегу Иртыша, носившее название Сибирь, Кашлык или Искер, расположенное на правом крутом берегу Иртыша в 17 км от современного г. Тобольска. Политический союз татарских улусов по имени его главной ставки стал называться Сибирским ханством.

Представители шейбанидской династии продолжали некоторое время сохранять в своих руках земли в бассейне р. Туры. Наследником Ибака был его брат Мамук, который в борьбе с Маметом потерял значительную часть Тюмени. После Мамука правителем в Чимге-Туре был Кулук-султан – последний шейбанид в Тюменском ханстве. В первом десятилетии XVI в. Тюменское ханство перестало существовать, его земли вошли в состав Сибирского ханства.

К середине XVI в. территория Сибирского ханства простиралась от бассейна Туры на западе до Барабы на востоке. Его границы были расширены за счет включения некоторых башкирских племен на восточных склонах Урала и завоевания угрозязычных и тюркоязычных насельников Прииртышья, а также бассейна р. Оми. Но упорная борьба за овладение Сибирском ханством продолжалась. В этой борьбе участвовали шейбаниды, ногайские мурзы, правители узбекских орд. На престол в Сибирском ханстве претендовал шейбанид Кучум, сын узбекского правителя Муртазы. Г.Ф. Миллер, ссылаясь на «Родословное древо тюрков» Абулгази, пишет, что Кучум – потомок Чингисхана, внук Тюменского хана Ибака. При помощи ногайских правителей Кучум в 1563 г. захватил власть в Сибирском ханстве. Прежние правители ханства Едигер и Бекбулат из «Тайбугина рода» и их все близкие родственники были истреблены Кучумом. Столицей ханства был г. Искер.

Сибирское ханство представляло собой феодальное государство, состоявшее из отдельных улусов, между которыми не было более или менее развитых экономических связей.

Однако именно в рамках Сибирского ханства возникли основные предпосылки для объединения тюркоязычного населения в единую народность. А процесс формирования отдельных этнических групп проходил в XV–XVII вв. Что касает-

ся консолидации бывших мелких родоплеменных объединений в более крупные этнические группы, она проходила уже в рамках Русского централизованного государства.

Этногенетически связанные между собой отдельные группы имеют родовые и племенные подразделения, названия которых употребляются татарами в качестве самоназвания. Так, например, тарские делились на племена: аялы, туралы, курдак, сарт; тобольские – терена, тара, барама, келебе, лонга, ловей, каргалы. Соседи – ханты и манси, башкиры и казахи – называли татар соответственно хатан, туралы, ногай, селькупы-тын.

В.В. Радлов утверждал, что все перечисленные племена (сибирских татар) – близкие родственники алтайских телеутов. Татары Тюменского и Ялуторовского округов, по мнению В.В. Радлова, не разделяются на отдельные племена. Они называются просто мусульманами и по местам жительства – тюменскими, тобольскими и ялуторовскими. «Тарские татары», – писал В.В. Радлов, – «живущие более густыми кучами и далеко от большой дороги, сохранили свои родовые имена Туралы, Курджак, Аялы и Сарт».

При рассмотрении вопроса об этнических контактах сибирских татар с другими народами следует различать более ранние этнические контакты от более поздних. К ранним этническим связям татар относятся, кроме их контактов с кыпчаками, их взаимоотношения с тюркизированными угрозязычными племенами, народами Средней Азии, татарами Поволжья, башкирами, казахами. Конечно, степень влияния указанных народов на этническое развитие сибирских татар не была одинаковой. Это зависело от конкретных исторических условий, при которых происходили контакты татар с другими народами, от их продолжительности и т. д.

Контакты сибирских татар с татарами Поволжья начались еще до присоединения Западной Сибири к Русскому государству. По данным Сибирской летописи, казанские ханы поддерживали связи еще с правителями Тюменского ханства из рода Тайбуги. Один из них Мар (или Умар) вошел в родственные отношения с казанским ханом Упаком, женившись на его дочери (или сестре). Правда, хана по имени Упак среди казанских правителей не встречается. По мнению татарского историка Атласи, Упак, возможно, был одним из князьков в Казанском ханстве.

По другому варианту Сибирской летописи, Упак убил своего зятя Умара, а двух его сыновей Абдора и Ябалака взял в плен и увез с собой заложниками в Казань, где они умерли. С этого времени владения Умара оказались в зависимости от казанских ханов. Только внук Умара (сын Абдора), Сабир, возвратился из Казани в прежние владения своего деда вместе со своими племенными родственниками, последовавшими за ним чувашами. А по другому варианту – Умар убил своего тестя Упака и долго владел Казанью.

Известны случаи, когда представители из правящей верхушки сибирских татар пытались захватить престол в Казанском ханстве. Например, в 1496 г. ханский престол в Казани захватил сибирский князь Мамук, правда, вскоре изгнанный восставшим народом Казани.

При Кучуме в Сибирском ханстве часто появлялись из Казани представители мусульманского духовенства («абызы») и мурзы со своими людьми. В памяти старшего поколения «заболотных» татар до настоящего времени продолжает

храниться предание о распространении ислама среди их предков муллами из Казани, приглашенными для этой цели Кучумом. После завоевания Западной Сибири Русским государством контакты сибирских татар с татарами Поволжья усилились. В XVII в. среди захребетников сибирских служилых татар, наряду с их обедневшими сородичами, были и казанские татары, которые работали на пашне у своих хозяев, исполняли подводную повинность.

О пребывании в Сибири казанских татар свидетельствуют и архивные документы. По данным переписной книги, в 1682 г. в татарских юртах по Иртышу зафиксированы 14 дворов казанских татар. В самом конце XVII в. казанские татары числились во многих татарских аулах Тобольского уезда.

Совершенно не затрагивался в современной литературе вопрос об исторических контактах сибирских татар с так называемыми касимовскими татарами. Касимовское «царство» – владение татарских князей с середины XV в. в составе Русского государства на р. Оке. Оно в 1452 г. было пожаловано царевичу Золотой Орды Касиму, перешедшему на службу к московскому великому князю Василию II Темному, и существовало до конца XVII в. В августе 1614 г. царем Михаилом Федоровичем правителем Касимова был назначен сибирский царевич Арслан Алиевич, внук Кучума, после смерти которого (1672) престол в Касимове унаследовал его сын Сеид-Бурган, после своего крещения (1653) получивший имя Василий (умер в 1679). Последним правителем Касимовского «царства» была мать Василия, вдова Арслана, Фатыма-султан Сеитовна, умершая около 1681 г. Престола в Касимове удостаивались также представители другой ветви сибирских царевичей, находившейся на службе у царского правительства. Это были сыновья и внуки Алтаная, одного из младших сыновей Кучума, которые, как и другие царевичи, были привезены в Москву после разгрома Кучума и присоединения Западной Сибири к Русскому государству.

Следует сказать, что вместе с сибирскими царевичами и мурзами в Москву и другие города европейской части России, в том числе и в Касимов, прибывали и простые люди из сибирских татар, которые вступали в этнические и этнокультурные взаимодействия с местным тюркским населением.

Переселение татар Поволжья и Приуралья в Сибирь продолжается и в XIX–XX вв. Причинами их переселений были безземелье, избавление от рекрутчины, от жестокого социально-политического и национального гнета на родине. Они попадали в Сибирь также в качестве ссыльных за те или иные преступления или во время массовых переселений из европейских губерний в Сибирь. Как известно, такие массовые переселения имели место в конце XIX – начале XX вв. (до Октябрьской революции), а также в 1921–1922 гг. во время голода в Поволжье.

Поволжские и сибирские татары взаимодействовали в области хозяйственной деятельности, различных сферах, материальной и духовной культуры. Это взаимодействие, взаимовлияние особенно усиливается в период развития в Сибири капитализма, когда участились разносторонние связи между этими группами татар.

Казанские татары принесли с собой в Сибирь свои лирические и обрядовые песни, байты, сказки, загадки и другие жанры устного народного творчества, а также разные обычаи, поверья, положительные народные знания. Все это в процессе длительных исторических контактов между указанными народами стало впоследствии ограниченной составной частью духовной культуры сибирских

татар. Татарский литературный язык оказывал влияние на развитие народно-разговорного языка разных групп сибирских татар и способствовал обогащению его лексического фонда.

Прогрессивное влияние литературного татарского языка на язык сибирских в дореволюционный период шло также через школьное образование и периодическую печать, издававшуюся на татарском языке в Казани, Оренбурге, Петербурге и в Сибири.

В литературе дореволюционного периода специальных исследований, посвященных изучению этнических процессов и этнической принадлежности сибирских татар не было. Лишь в 1950-е гг. появились работы, затрагивающие эту тему. Например, в книге «Народы Сибири» сибирские татары наряду с алтайцами, хакасами, бурятами и якутами отнесены к народностям, у которых к началу XX в. зародились капиталистические отношения.

Особенности этногенеза сибирских татар нашли освещение в трудах сибириведа Н.А. Томилова⁴. Кстати, в результате своих изысканий Н.А. Томилов пришел к выводу о том, что казанские и сибирские татары представляют собой «два самостоятельных этноса».

Интересующий нас вопрос нашел свое отражение и в работах лингвистов Г.Х. Ахатова и Д.Г. Тумашевой, занимающихся изучением сибирских татар. Общее в их взглядах на язык сибирских татар состоит в том, что они считают этот язык восточным диалектом татарского литературного языка. Разница лишь в том, что первый из них рассматривает язык сибирских татар не деля на несколько диалектов.

В этих работах сделана попытка определить место языка сибирских татар в системе тюркских языков и выяснить его отношение к литературному татарскому языку. Однако методы, применяемые исследователями, особенно Д.Г. Тумашевой, противоречия и непоследовательность суждений при изучении сибирско-татарского языка не позволили им правильно решить поставленные перед собой задачи. Так, язык сибирских татар Д.Г. Тумашева рассматривает «как языковое подразделение низшего порядка, входящее в состав другой языковой единицы более высокого уровня членения». Не выдерживает научной критики и ее утверждение о стихийном сложении на территории тоболо-иртышского диалекта сибирских татар своеобразного наддиалектного «койне». В действительности же разные группы сибирских татар никогда не нуждались для общения между собой в каком-то новом языке, их вполне устраивал свой родной язык, имеющий богатый лексический фонд.

Научно необоснованным является также утверждение Д.Г. Тумашевой о завершении консолидации языка сибирских татар с татарским литературным языком и консолидации его носителя вокруг татарской нации, сформировавшейся в Среднем Поволжье.

Сибирские татары представляют собой самостоятельную этническую общность с присущими ей такими устойчивыми признаками и свойствами, как язык и территория, экономическая общность и религия, этническое самосознание, эндогамия, а на раннем этапе своего развития и социально-политическая общность –

⁴ Томилов Николай Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор ОмГУ.

Сибирское ханство, представляющее собой феодальное государство. Сибирский татарский этнос состоит из ряда этнографических групп, отличающихся друг от друга лишь незначительными особенностями в народно-разговорном языке, различиями хозяйственной деятельности. В исторически обозримое время основными компонентами, из которых состояли современные сибирские потомки среднеазиатских переселенцев и татары Поволжья, переселившиеся в Сибирь еще в XV в., ассимилированные сибирскими татарами. Язык сибирских татар – это самостоятельный язык, в котором сохранилось много древнетюркских элементов, арабские, персидские, монгольские заимствования из современных тюркских языков, а также русские заимствования. Татарский литературный язык играет обслуживающую роль по отношению к народно-разговорным языкам разных групп сибирских татар.

ДИАЛЕКТ-ОСНОВА¹

Д.Г. Тумашева

Язык сибирских татар и его отношение к литературному татарскому языку вызывают одновременно и большой интерес, и много вопросов. Это естественно. Однако я не могу согласиться с методами, которые используются в критике.

Я думаю, такая критика далека как от науки, так и от культуры научного диспута.

В центре спора – взаимоотношение языка и его диалектов.

В современном языкознании применяются два значения слова «диалект». Первое и широко распространенное: слово «диалект» обозначает ветвь, часть какого-либо языка. В диалектах отражаются идущие из глубины веков и характерные для данного края местные особенности языка. Однако есть общий, понятный для всех литературный язык. Язык и диалект употребляются в значении общего и частного. Оба они являются средством общения всего народа или отдельных его групп.

У слова «диалект» есть еще одно значение. Потому что приведенные выше определения относятся в основном к периоду сложившихся наций. А как же обстояли дела в Сибири до времени образования наций? У многих народов, проживающих в Сибири, в том числе у сибирских татар, к XX в. общенародный язык еще не образовался, однако родственность языков, проживающих на различных территориях групп народа сближало их. В этом случае, т. е. в случае отсутствия общенародного языка, мы слово «диалект» не рассматриваем как ветвь отдельно взятого языка, а как диалекты одного народа, проживающего на различных территориях. Если вы помните, моя книга, вышедшая в 1977 г., называлась «Диалекты сибирских татар». В диалектологии эта точка зрения не получила широкого распространения, однако до нас к этому вопросу обратился знаток многих языков, авторитетный ученый Е.Д. Поливанов, позднее ее осветил в своих трудах академик В.В. Виноградов.

¹ Перепечатка из молодежного журнала «Идель» (Казань, № 4, 1993). Опубликовано: *Валеев Ф.Т.-А.* Сибирские татары // Тумашевские чтения: актуальные проблемы развития языка, фольклора, литературы, искусства сибирских татар: материалы II Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 17 октября 2008) / ред. Х.Ч. Алишина. – Тюмень: Печатник, 2008. – 258 с. [на тат. и рус. яз.] – С. 230–232.

Ф.Т.-А. Валеев вместо терминов «диалект» и «говор» сибирских татар применяет наименование «язык групп сибирских татар».

Конечно, литературные языки существовали и в период до образования наций (например, старотатарский, чагатайский языки), но они во многом случае применялись гораздо уже и в основном в письменной форме. Однако со временем в регионах, где прогрессировали экономика и культура, на основе одного или нескольких диалектов возникает общий язык, понятный для представителей этого народа, который проживает на разных территориях. Его называют «койнэ» и он стоит выше всех диалектов. Опираясь на многолетние наблюдения, я в своей книге делаю вывод, что на основе диалектов Тюмени, Тары и Тобола рождается такой койнэ. Койнэ проникает даже в среду татар Барабы и Томи. Молодежь те местные особенности, которые встречаются в языке старожилов, считает отклонением от нормы. Такое койнэ, которое основывается на общих закономерностях, является «зачатком» общенародного языка. По-видимому, Ф.Т.-А. Валеев вообще не понимает значения слова «койнэ».

«Этот взгляд Тумашевой не состоятелен с точки зрения научной критики. Для общения различных групп сибирских татар никогда не требовался новый язык, их полностью удовлетворял богатый лексическим фондом свой родной язык». Но койнэ – не чужой, не пришлый язык, он рождается, основываясь на говорах и диалектах самого народа. Об этом сказано и в словарях. Для разъяснения данной проблемы можно обратиться к книге «Типы наддиалектных форм языка» [М.: Наука, 1981].

Лексика языка сибирских татар, несомненно, очень богата. При составлении словаря их языка это было особенно заметно. Но много слов, которые затрудняют общение между различными группами татар, так как эти слова в различных регионах имеют разное значение. Например, понятие *эби* ‘мать отца матери; бабушка’ в разных местах передается различными словами: *карт инэ, картнэ, ма^ома’, нэнэ, өлинэ, олинэ, онна, өннэ, өлнэ, эннэ, эүэ*. Для обращения к брату применяется следующие слова: *экэ, акка, куца, куцакэ, цицата, цицибаба, цэцэү, цэцэкэү, цибаба*. В значении «чашка» употребляются следующие слова: *йомалак, цене, цен, цыны, йоморца, йомрцы, табаца, чинак, тоголок, тугалак*. К тому же слово *йомалак* обозначает клубок, картошку, что-либо круглое. Из этих слов наиболее распространенное, наиболее понятное всем со временем превращается в койнэ.

Развитие диалектов идет по пути не только отдаления друг от друга, но и сближения.

Ф.Т.-А. Валеев признает, что связь между сибирскими и поволжскими татарами установилась уже со временем ханств, а то и раньше, и продолжалась в течение нескольких столетий. В особенности он отмечает, что в конце XIX – начале XX вв., в результате Октябрьской революции, вследствие массового переселения поволжских татар (прибавим к этому переселение в Сибирь татар в наше время на нефтяные промыслы) культурные, духовные, экономические связи татар Поволжья и Сибири усиливаются. Он пишет, что привнесенными татарами Поволжья песни, байты, обычаи, обряды входят в жизнь как неотъемлемая часть духовного богатства сибирских татар. Автор поддерживает и влияние волжских татар на этническое развитие Сибири на данном этапе, в настоящее время.

Ф.Т.-А. Валеев отмечает положительное влияние татарского литературного языка, татарской школы, печати, литературы на рост лексического богатства языка, их большую роль в сближении диалектов сибирских татар.

Остановимся на основных взглядах Ф.Т.-А. Валеева на проблемы языка. «Языковые различия никогда не были препятствием для общения отдельных групп татар. Вследствие проникновения в конце XIX – начале XX вв. в среду групп сибирских татар языка казанских татар общаться им стало еще легче. Значит, уже в то время татарский литературный язык был в активном употреблении и был понятен для различных групп татар».

Фоат Валеев прав в том, что татарский литературный язык играет обслуживающую роль по отношению к говорам сибирских татар... И это понятно. Роль языка – в обеспечении общения... Значит, с одной стороны, существуют отдельные народные говоры (как отмечено выше, мы их называем диалектами регионально-этнических групп), с другой стороны, есть понятный всем, обслуживающий общение этими группами общий татарский литературный язык. Не отношения ли это между литературным языком и диалектами?

Под термином языка казанских татар Ф.Т.-А. Валеев подразумевает современный татарский литературный язык, и, по его мнению, в Сибири он используется не только в письменной форме, но и выполняет коммуникативную роль. Это очень важно. Ведь в Сибири пробуждение национального самосознания породило прежде всего отрицательное отношение к татарскому литературному языку. Якобы татарский литературный язык не дает возможность сохранить «родной язык групп сибирских татар», и будто бы название «диалект» их унижает, мешает завоеванию законных прав.

Основная причина рождения таких взглядов – изменение национальной политики, начатой в 1960-е гг.: замена полностью обучения на татарском языке обучением на русском, закрытие национальных школ... Эта политика привела нас к плачевным результатам и в Татарстане, и в Сибири, и в других регионах. В течение четверти века появилось поколение, полностью отказавшееся от родного языка. В результате политики, проводимой в указанные годы, в настоящее время нет кадров, которые способны поднять престиж национальных школ, молодежь в это тяжелое время не идет в науку, издание пособий и научных трудов с каждым днем становится труднее, нет ученых, которые способны преподавать в вузах различные предметы на татарском языке...

В это тяжелое время нам надо опираться на те силы, которые нас объединяют, сближают, надо трезво мыслить, не поддаваясь эмоциям. Нельзя забывать: у нашего народа есть отражающее народный дух богатое литературное наследие. Сегодня есть татарская литература, есть обогатившее различные группы фольклорное творчество, усовершенствованный в течение веков татарский литературный язык!

Диалекты сохраняют богатство народного языка, каждый говор и диалект отражает мышление, дух, воззрения на жизнь, обычаи, формы быта, историю народа, проживающего на отдельно взятой территории. Но допущены серьезные ошибки в разъяснении необходимости знания литературного языка, в методах его обучения: началась борьба с диалектами, диалектальный выговор, диалектальные слова расценивались и признавались «неправильными». Вот поэтому

слово «диалект» породило пренебрежительное к себе отношение. С этим нельзя согласиться. Диалект – родной язык каждого человека, посредством его он знакомится с окружающим миром.

Будем помнить, что диалект – источник обогащения литературного языка!

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

ОЛЕГ АЛЕКСЕЕВИЧ МУДРАК КАК ТЮРКОЛОГ (К 60-ЛЕТИЮ УЧЁНОГО)¹

А.В. Савельев

г. Москва

14 января отметил 60-летний юбилей ведущий отечественный тюрколог и специалист по сравнительно-историческому языкознанию, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания Российской академии наук Олег Алексеевич Мудрак.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-01924 «Лингвистическая история Чувашско-Марийского Поволжья» (организация финансирования – Институт языкознания Российской академии наук). URL: <https://rscf.ru/project/22-28-01924/>. Автор выражает благодарность М.К. Амелиной за помощь в подготовке публикации.

Савельев Александр Владиславович – кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, e-mail: a.savelyev@iling-ran.ru.

Олег Алексеевич широко известен как тюрколог и алтаист, хотя его научные интересы алтайским миром не ограничиваются и выходят далеко за его пределы. За четыре десятилетия научной работы он внес исключительный вклад в сравнительно-историческое изучение западноалтайских языков – тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских; эскимосских языков; чукотско-камчатских и других языков палеосибирского круга. В последнее десятилетие он опубликовал фундаментальные труды в области сравнительно-исторического кавказоведения. Это исследования, посвященные праязыковой реконструкции, проблемам этимологии и контактных связей, прежде всего, северокавказской семьи, но также и других языков данного ареала (осетинского, армянского, картвельских). Совместно с С.Л. Николаевым О.А. Мудрак занимался – в рамках экспедиций по Западной Украине и Закарпатья – славянской диалектологией, в том же соавторстве изучал древнейшие связи чукотско-камчатских и нивхского языков с языками индейцев Северной Америки. Начиная с 1979 г. он участвовал в работе Ностратического семинара им. В.М. Иллич-Свитыча. Этот перечень наглядно иллюстрирует необыкновенный охват проблем, получивших разработку в научной деятельности Олега Алексеевича.

Олег Алексеевич Мудрак родился 14 января 1962 г. в г. Рубцовске Алтайского края. В 1978 г., победив в Общесоюзной олимпиаде по языковедению и математике, он поступил в МГУ им. М.В. Ломоносова на отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета, где учился в японской языковой группе. В 1984 г., после окончания университета, он отправился по распределению в г. Чебоксары, где работал в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР и участвовал в сборе материалов для картотеки чувашского этимологического словаря. К этому времени О.А. Мудрак уже добился ряда важных результатов в других областях сравнительно-исторического языкознания. Еще во время учебы в университете он разрабатывал проблемы эскимосской этимологии и праязыковой реконструкции; выполнил реконструкцию вокализма монгольского праязыка (этому была посвящена дипломная работа Олега Алексеевича); уже в чебоксарский период начал публиковать итоги дешифровки чжурчжэньской письменности и подготовил первый вариант чукотско-камчатской реконструкции. В середине 1980–1990-х гг. одним из основных направлений работы О.А. Мудрака стало решение вопроса о месте чувашского языка в тюркской семье и о значении чувашских данных для пратюркской реконструкции.

Неизменный интерес к чувашскому языку наблюдался в тюркологии со времен публикации первой чувашской сравнительно-исторической грамматики [Schott 1841], в которой была научно доказана принадлежность этого языка именно к тюркской семье. В последующие десятилетия было установлено, что чувашский язык является единственным живым представителем наиболее обособленной ветви тюркских языков – болгарской. При этом на протяжении XIX и большей части XX вв. чувашский язык воспринимался скорее как любопытный пример вопиюще «нетюркского» тюркского языка, данными которого, как правило, пренебрегали при работе над пратюркской реконструкцией. Начиная с работ В.В. Радлова, широкой поддержкой среди тюркологов пользовалась гипотеза, согласно которой чрезвычайное своеобразие чувашского языка на общетюрк-

ском фоне может быть объяснено единственным способом, а именно радикальным переустройством какого-то изначально нетюркского (как предполагали, финно-угорского) языка в результате тюркизации. Эту точку зрения поддерживал и ряд тюркологов второй половины прошлого столетия (например, А.М. Щербак). Схожий подход практиковался в отношении якутского языка, а до некоторой степени – и других сибирско-тюркских.

В 1986 г. в сборнике «Вопросы чувашской фонетики и морфологии» вышла статья О.А. Мудрака «К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке». В ней он впервые указал на необходимость пересмотра принятой в то время пратюркской реконструкции, опиравшейся фактически только на «стандартно-тюркские» (т. е. огузо-кыпчако-карлукские) соответствия и материал древнетюркских памятников, который был прочитан «по подсказке» современных представителей трех указанных подгрупп. Необъяснимые в этой реконструкции свидетельства наиболее обособленных сибирско-тюркских подгрупп – якутской и тувинско-тофаларской, не говоря уже о чувашском языке, в данной исследовательской парадигме игнорировались. В действительности же, как отметил О.А. Мудрак, именно в географически периферийных ветвях, которые большую часть своей истории находились вне зоны интенсивных межтюркских контактов, следовало искать значимые для пратюркской реконструкции архаизмы. В первую очередь речь шла об исторически западной периферии тюркского мира, представленной болгарской ветвью и чувашским языком как единственным ее представителем, доступным для полноценного изучения. Эта исследовательская программа получила развитие в последующих публикациях Олега Алексеевича – в статье «Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском» (1989), в монографии «Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации» (1993), в докторской диссертации «Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка» (1994), в разделе «Булгарская группа» коллективной монографии «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции» (2002) и в написанном в соавторстве с А.В. Дыбо фонетическом разделе «Очерка пратюркского языка-основы» тома «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка» (2006).

Проблематика статей О.А. Мудрака 1980-х гг. связана с историей чувашского консонантизма на общетюркском фоне. В частности, в этих работах было сформулировано положение о необходимости опираться, прежде всего, на чувашские, а также сибирско-тюркские данные при определении качества пратюркских согласных. Среди таких архаизмов, общих для западной и восточной периферии тюркской семьи, были отмечены шумные рефлексы пратюркских согласных *ǰ- (= традиционный *j-) и *-ǰ-. В обоих случаях «стандартно-тюркские» языки демонстрируют йотовые рефлексы, что, как показал Олег Алексеевич, следует считать характерной для центра языкового ареала инновацией.

В фокусе статьи [Мудрак 1986] находится одна очень специфичная черта, выделяющая чувашский на фоне других языков тюркской семьи, а именно историческая палатализация дентальных и велярных шумных согласных. Речь идет о появлении шипящего рефлекса *š в чувашском как соответствия общетюрк. *s;

чувакской палатальной аффрикаты *č в соответствии с общетюрк. *t, *d. Позднее было обосновано, что результатом палатализации является и чув. *č как соответствие общетюрк. *č (при ś как базовом чувашском соответствии). В предшествующей тюркологической традиции эти соответствия объяснялись чаще всего узколокальным развитием в чувашском, вопреки невозможности установить какое-либо распределение на собственно чувашском уровне и сходным явлениям, отмеченным в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. О.А. Мудрак, во-первых, вслед за Г. Рамstedтом и М. Рясененом обратил внимание на архаичный характер чувашской палатализации, которая отражается уже в датированных первым тысячелетием нашей эры булгаризмах венгерского языка. Во-вторых, им были обнаружены параллели еще и в некоторых памятниках древнетюркской орхонской письменности, где знак для мягкого ś-, реже š-, отмечается в тех же заднерядных основах, где в чувашском наблюдается палатализация *s- > š- (подробнее эти параллели были рассмотрены позже в обобщающем очерке [СИГТЯ 2006: 9–227]). В-третьих, Олегу Алексеевичу удалось описать условия появления палатализованных рефлексов в чувашском. Было показано, что чувашская (или, точнее, болгарская) палатализация последовательно действует в позиции перед пратюрк. *i, *i. Еще одну группу случаев составили подпадающие под болгарскую палатализацию основы, в общетюркских соответствиях которых наблюдается гласный, отличный от узких неогубленных. О.А. Мудрак реабилитировал и развил полузабытую идею Б.Я. Владимирцова и Н.Н. Поппе (позже охарактеризованную им как «революционную»), согласно которой в таких случаях следует реконструировать пратюркские дифтонги с первым i-образным элементом. Наконец, было продемонстрировано, что в части основ с пратюркским дентальным или велярным палатализованные рефлексy в чувашском возникли в результате метатезы пратюрк. *-j- (как в случае чув. śonat ‘крыло’: согласно уточненной реконструкции [СИГТЯ 2006: 39], из промежуточного ⁺xjonatъ² < пратюрк. *qajnatъ³).

Основной вопрос, рассмотренный в статье «Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском» [Мудрак 1989], – это отражение архаичных противопоставлений в болгарской ветви на месте общетюркских заднеязычных шумных, а также сонантов *n, *ŋ в конечной позиции. Как известно, в болгарском происходило отпадение пратюркских заднеязычных шумных в ауслауте, не затрагивавшее только односложные основы. Вместе с тем известен значительный корпус чувашских неодносложных основ, в исходе которых наблюдается как раз заднеязычный. Традиционное – и неудачное – решение состояло в том, чтобы считать такие слова новообразованиями и усматривать в их составе аффиксы с исходом на заднеязычный, якобы заимствованные из кыпчакских языков. При этом обходили стороной тот факт, что описать сколько-нибудь продуктивные деривационные модели исходя из этих предпосылок не удавалось. Кроме того, гипотезу о кыпчакском влиянии исключало опосредованное отражение в данных

² Здесь и далее значком ⁺ обозначаются (вслед за работами О.А. Мудрака) внутриязыковые морфонологические реконструкции.

³ Несколько доработанное и расширенное описание болгарской палатализации представлено в монографии [Мудрак 1993: 107–121].

основах старой системы тюркского сингармонизма (чув. $x <$ пратюрк. $*q$ в первично заднерядных и чув. $k <$ пратюрк. $*k$ в первично переднерядных основах).

Объяснение этих случаев, предложенное О.А. Мудраком, было основано на выделении в списке чувашских основ с исходом на заднеязычный двух групп. В первой группе оказались те основы, общетюркские соответствия которых также оканчиваются на заднеязычный. Поскольку базовое соответствие общетюрк. $*-q$, $*-k \sim$ чув. $-l$ интерпретировалось как отражение пратюрк. $*-q$, $*-k$, то необходимо было установить дополнительный фонетический фактор, приводивший к появлению соответствий типа общетюрк. $*-q \sim$ чув. $-x$, общетюрк. $*-k \sim$ чув. $-k$. Как предположил Олег Алексеевич, таким фактором был редуцированный ($*-ə$) или, возможно, особый узкий гласный, реконструируемый на пратюркском уровне в исходе данных основ. Отчасти такое решение строилось на наблюдении за хорошо известным классом имен, обнаруживающих конечный редуцированный в чувашском в соответствии с нулем в других тюркских языках (типа общетюрк. $*köl \sim$ чув. $külə$ 'озеро'). Хотя в тюркологии предпринимались попытки объяснения чувашского редуцированного как «спорадической» инновации, очевидно, что его появление не может быть объяснено никакими распределениями на чувашском уровне, а значит, пратюркские реконструкции для таких основ должны содержать конечный $*-ə$. В более длинных основах, где в общетюркском представлены двуслоги, а в болгарском, соответственно, ожидалась бы трехсложная структура, исторический редуцированный отпадает в том числе и в чувашском, но его следы сохраняются в склонении. На вокалическую основу указывают архаичные варианты типа $śonatt-i$ 'его крыло' ($< {}^+śonadъ$ при зафиксированном $śonat$ 'крыло'), $jivśś-i$ 'его дерево' ($< {}^+jivъzъ$ при зафиксированном $jivśś$ 'дерево'). Предложение реконструировать чувашские многосложные основы с исходом на заднеязычный как исторически вокалические хорошо сочеталось с тем фактом, что в словоизменительной парадигме таких основ были отмечены подобные же архаичные варианты (типа $vožaxx-i$ 'его очаг' $< {}^+vožauъ$ при зафиксированном $vožax$ 'очаг'). Кроме того, Олег Алексеевич обнаружил параллель для архаичного чувашского развития в памятниках орхонской письменности, где заднеязычный в орфографическом исходе основ, чувашские соответствия которых сохраняют конечный согласный, передается через знак $-q^w$ ($= -qo$ в нотации, предложенной позднее в статье [Мудрак 2015], о чем см. ниже).

В другой группе примеров чувашский демонстрирует в ауслауте как бы «избыточный» заднеязычный согласный – в том смысле, что никаких его следов в общетюркской ветви не обнаруживается. Это случаи типа чув. $oļx \sim$ общетюрк. $*ān$ 'луна, месяц', чув. $xəlax \sim$ общетюрк. $*qil$ 'конский волос', чув. $tələk \sim$ общетюрк. $*dūs$ 'сновидение', чув. $pilək \sim$ общетюрк. $*bəl$ 'поясница' и др. О.А. Мудрак показал, что чувашские рефлексы с конечным заднеязычным опять же носят архаичный характер, демонстрируя распределение $-x$ и $-k$ в зависимости от старого сингармонистического ряда. Он предложил возводить данные случаи к пратюркским основам вида $*(C)VLK$, т. е. оканчивающимся на сочетание сонанта и заднеязычного. Такая реконструкция позволила объяснить одновременно и сохранение заднеязычного в чувашском (как в однословах), и утерю его в общетюркской ветви (в результате упрощения сочетания согласных в абсолютном конце слова; единственное исключение составляют сочетания типа $*-rK$, которые

в общетюркском не упрощаются, а разбиваются вставным гласным). Предложенная интерпретация подтверждалась и сравнительным алтайским материалом, ср. содержащие сочетания с заднеязычным параллели к приведенным выше тюркским основам: пратунг. **aŋŋa* ‘возраст, год’; прамонг. **kilga-su* ‘конский волос’, пратунг. **xiŋŋakta* ‘волос, шерсть’; прамонг. **tölge* ‘предсказание, гадание’, пратунг. **tolki-n* ‘сновидение’; прамонг. **belkehü-sü* ‘поясница’, пратунг. **belge* ‘передняя часть бедер (в сидячем положении)’ (примеры приводятся в соответствии с несколько расширенным изложением [СИГТЯ 2006: 56]). Так был установлен еще один архаизм в чувашской фонетике, отражающий праалтайское состояние и противопоставленный инновационному развитию во всех прочих языках тюркской группы.

Что касается развития пратюрк. **n*, **ŋ*, дающих в чувашском двойственные рефлексы *n/m*, то в интерпретации О.А. Мудрака их распределение выглядит следующим образом. В позиции перед старым узким, чаще всего огубленным гласным происходил переход **-ŋ- > -m-* (как в случае пратюрк. **qoŋur > чув. хьмър* ‘бурый’). В остальных контекстах в исторически неконечной позиции рефлексом **-n-*, **-ŋ-* является *-n-*. В ауслaute же **-n*, **-ŋ > чув. -n* в исходе любых глагольных основ, а также именных основ после пратюркских широких гласных. Для двусложных основ с невыпадающим вторым узким гласным, демонстрирующих соответствие чув. *-m* ~ общетюрк. **-n*, в этой статье было предложено реконструировать конечные сочетания **-nə*, **-ŋə* на пратюркском уровне. В более поздней работе [СИГТЯ 2006: 44–48] Олег Алексеевич предложил иную интерпретацию, согласно которой чув. *-m* в такой позиции является пратюркским архаизмом.

Наконец, еще одна проблема, рассмотренная в статье [Мудрак 1989], – это расщепление рефлексов в чувашском при соответствии общетюрк. **-δ-*. Как хорошо известно, базовым соответствием для этого согласного в чувашском является *-r-*, однако в части случаев рефлексом оказывается «древнечувашский» **-j-* (в современном языке частично сохраняется, частично стягивается с предыдущим гласным или палатализует соседний согласный). Олег Алексеевич развил идею Н.И. Егорова, согласно которой в большинстве случаев общетюрк. **-δ-* соответствует чув. *-j-*, а не *-r-*, если основа уже включает последующий *-r-*. Случаев, которые не получалось объяснить на основе этого распределения, оказалось менее десятка; для них было предложено объяснение, опирающееся на привлечение внешних алтайских параллелей⁴.

В 1986 г. О.А. Мудрак поступил в аспирантуру Института языкознания АН СССР и начал работать над диссертацией, посвященной соотношению систем чувашского и общетюркского вокализма. В ходе подготовки диссертации он написал и в 1993 г. издал монографию «Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации». Если в части консонантизма наиболее проблемные чувашско-тюркские соответствия уже были рассмотрены в предыдущих работах, теперь схожие задачи решались в области вокализма.

⁴ Альтернативные интерпретации обсуждаются в [СИГТЯ 2002: 692] и [СИГТЯ 2006: 33–35].

В «Исторических соответствиях...» очень представительный корпус чувашских основ был впервые введен в полноценный оборот тюркской компаративистики. Особое значение этого труда состояло и в том, что лексический материал в нем был проанализирован сразу на трех уровнях. Первый из них – междиалектный. Наряду с «классическим» материалом верхового и низового диалектов чувашского языка в монографии были впервые привлечены к сравнительно-историческому исследованию и данные т. н. малокарачкинского (пошкартского) наречия – особого варианта чувашского языка, в историческое время имевшего распространение на северо-западе чувашского ареала и сохранившегося только в с. Малое Карачкино Ядринского района Чувашии. Еще в конце XIX в. это наречие привлекло внимание Н.И. Ашмарина, заметившего его крайнее своеобразие на общечувашском фоне. Как полагал Ашмарин, отличительные черты данного варианта чувашского языка следует целиком относить на счет марийского субстрата. Однако О.А. Мудрак показал, что, хотя в малокарачкинском и обнаруживается некоторое марийское влияние (это заимствования в области экспрессивной лексики и некоторые названия для флоры и фауны), определяющие его черты являются, в первую очередь, результатом собственного развития на фоне изолированного географического положения, из-за чего малокарачкинский не подпал под действие ряда общечувашских изоглосс. Было продемонстрировано, что малокарачкинский (а вернее, т. н. северо-западный диалект, реликтовым представителем которого является говор этого села) следует считать наиболее ранним ответвлением от общечувашского диалектного древа. На это указывали и особая система консонантизма, предполагающая «общую невыводимость фонетического облика слов из норм верхового или низового диалектов» [Мудрак 1993: 9], и система вокализма (в частности, включающая архаичные гласные **ε* и **ø* с хорошими соответствиями в общетюркской ветви), и специфический облик именной и глагольной морфологии, и, наконец, наличие пласта уникальной на чувашском фоне и при этом исконной лексики. Второй уровень сравнения – межтюркский, и здесь новаторство подхода Олега Алексеевича состояло в полномасштабном привлечении к сравнению данных тюркских языков Сибири. На третьем уровне пратюркские реконструкции верифицировались при помощи алтайского сравнения. Важность алтаистической перспективы была обусловлена общей методологической проблематичностью праязыковой реконструкции в случае семьи, имеющей бинарную структуру (образцом которой и является тюркская семья). В случаях бинарных соответствий бывает сложно определить, в какой из двух ветвей каждая конкретная изоглосса представлена архаизмом, а в какой – инновацией. Решение О.А. Мудрака заключалось как раз в обращении к данным внешнего сравнения, наряду с тщательной работой над внутренней морфологической реконструкцией.

В противовес сложившемуся консенсусу, в котором фактически постулировался хаотичный характер чувашско-общетюркских вокалических соответствий, в монографии было показано, что чувашский материал полностью пригоден для интерпретации в рамках классического младограмматического подхода, т. е. связан с другими тюркскими подгруппами системой регулярных корреспонденций. Случаи, вызывавшие у тюркологов наибольшие затруднения, в большинстве своем оказались развитиями в особых фонетических контекстах, где определяющую

роль играли качество соседних согласных и слоговая структура. Также было показано, что в части случаев чувашские рефлексы отражают восходящие к пратюркскому состоянию долготные противопоставления. Значительное внимание в монографии уделено особым пратюркским гласным **a*, **e*: первый реконструирован на базе чувашских и якутских данных, второй – также по огузским материалам. В ряде основ, где в чувашском и сибирско-тюркских бывают закрытые (в т. ч. огубленные) рефлексы, а в алтайских параллелях отмечаются губные согласные, О.А. Мудрак предложил реконструировать особые пратюркские гласные **ȧ*, **ė*. Наконец, в этом труде получила дальнейшую разработку идея о необходимости – ввиду чувашских данных – реконструировать для пратюркского языка восходящие дифтонги.

Отдельный большой раздел «Исторических соответствий...» посвящен представлению модели поэтапного развития вокализма от пратюркского состояния к современному чувашскому. Для тюркского языка без обширного корпуса древних письменных памятников, каковым является чувашский, такая задача была выполнена впервые. Модель предполагала выделение в истории чувашского языка трех периодов. Древнечувашский, или болгарский, период (от распада пратюркской общности до IX в. н. э.) характеризовался, согласно реконструкции О.А. Мудрака, сохранением пратюркских количественных противопоставлений и дифтонгизацией огубленных гласных среднего подъема **ō*, **ȫ*. В среднечувашский, или волжско-болгарский, период (до XIV–XV вв.) исчезла часть старых дифтонгов, появилось противопоставление гласных по напряженности, особые развития претерпели сочетания гласных с *w*, что привело в части случаев к возникновению новых дифтонгов. Последний – собственно чувашский, или новочувашский, – период характеризовался исчезновением противопоставления гласных по напряженности; многие основы поменяли сингармонистический ряд, а дифтонги совпали с рефлексами обычных гласных.

В 1994 г. Олег Алексеевич, обобщив свои исследования по истории чувашского языка и отчасти расширив их, завершил диссертацию «Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка: Историческая фонетика, морфонология и интерпретация». Ввиду выдающегося уровня работа была защищена в Институте языкознания сразу как докторская диссертация. Среди результатов, впервые представленных именно в диссертации, были уточненные формулировки законов, касающихся более всего известных широкой компаративистской аудитории особенностей болгарской исторической фонетики – ламбдаизма (появления чув. *l* в соответствии с общетюрк. *š*) и ротацизма (чув. *r* в соответствии с общетюрк. **z*). Как показал О.А. Мудрак, чувашские рефлексы в этих случаях определяются следующими правилами: пратюрк. **l* > чув. *š* в позиции перед гласным, *l* в прочих позициях; пратюрк. **lč*, **lč̄* > чув. *š*; пратюрк. **r*, **r̄* > чув. *r*, но **rs*, *r̄s* > *s*.

Некоторые значимые добавления к картине развития чувашского языка были внесены в обобщающем очерке «Болгарская группа», подготовленном Олегом Алексеевичем для коллективной монографии [СИГТЯ 2002]. Помимо фонетической части, очерк включал и впервые опубликованный раздел, посвященный исторической морфологии чувашского имени и глагола. Среди прочего были рассмотрены вопросы развития чувашской посессивной и падежной парадигм (частично сохраняющих утерянные в других тюркских языках морфонологические

чередования); происхождения показателя именной множественности *-sem*; местоименного склонения; происхождения показателей различных разрядов числительных. При рассмотрении глагольной морфологии особое внимание было уделено нетривиальным явлениям в системе чувашских каузативов; происхождению показателя отрицания в настояще-будущем времени *-mas* и свободной отрицательной частицы *mar*; происхождению парадигм лично-числовых показателей глагола. В качестве решения последней проблемы была предложена контаминация двух исходных парадигм тюркского лично-числового спряжения под влиянием контактной общетюркской изоглоссы. Как предположил Олег Алексеевич, это произошло в волжско-булгарское время в связи с перекочевкой кыпчакских племен в Европу. В целом же относительно чувашской морфологической системы был сделан тот же вывод, что и ранее в связи с проблемой чувашской фонетики: она не является в своей основе субстратной или иным образом заимствованной, а имеет общее происхождение с морфологическими системами других тюркских языков.

Наконец, дальнейшее развитие взглядов О.А. Мудрака на историческую фонетику чувашского языка и пратюркскую реконструкцию отразилось в фонетическом разделе «Очерка пратюркского языка-основы», подготовленном им в соавторстве с А.В. Дыбо для коллективной монографии [СИГТЯ 2006]. Вдобавок к праязыковой реконструкции здесь были представлены картины развития фонетики в конкретных тюркских подгруппах в период после распада праязыка.

Особый интерес в этом очерке представляют наблюдения типологического и ареального характера. В частности, было отмечено, что спирантная реализация звонких шумных согласных в пратюркском типична для языков сибирского ареала (эскимосских, чукотско-корякских, юкагирских). Оглушение начального пратюрк. **b-* в чувашском и некоторых сибирско-тюркских языках было охарактеризовано как вторичный процесс, обусловленный иноязычным влиянием в зоне тюркско-уральских контактов. Некоторое внимание в очерке было уделено и ареальным изоглоссам, характерным конкретно для Волжско-Камского языкового союза, среди них – редукция узких гласных и лабиализация **a*. В целом же было показано, что специфический облик чувашского языка на тюркском фоне следует связывать, во-первых, с его длительным существованием в изоляции от родственных языков и, во-вторых, с инновациями контактно-ареального происхождения.

Подытоживая, в публикациях 1986–2006 гг. О.А. Мудрак представил целостную, подробную и правдоподобную модель чувашской исторической грамматики (в первую очередь, фонетики, но в значительной степени и морфологии), что естественным образом привело и к значительному уточнению реконструкции тюркского праязыка. Данная модель отвела наконец чувашскому языку надлежащее – ввиду уникального статуса – место в сравнительно-исторической тюркологии. Характерной ее особенностью является, во-первых, близкое по охвату к сплошному привлечение чувашского материала: в одной только монографии [Мудрак 1993] рассмотрены около 800 чувашских основ, имеющих пратюркскую этимологию, а при учете других работ это число, по-видимому, превысит тысячу. Во-вторых, подход О.А. Мудрака отличает общая емкость предложенных решений: ключевую роль в этом сыграла установка на поиск дополнительных распределений при развитии от пратюркского состояния к чувашскому. Это позволило

избежать апелляции к принципиально недоказуемым сущностям, которыми злоупотребляло предшествующее – и, к сожалению, в значительной степени современное – чувашеведение (вроде бессистемного по своей природе «растворения» некоторого финно-угорского языка-основы в тюркского суперстрате или постулирования интенсивных заимствований из исчезнувших близкородственных волжско-булгарских диалектов, которые якобы определили облик чувашского языка). В-третьих, на фоне общего положения дел в сравнительно-историческом чувашеведении работы Олега Алексеевича носят не только прорывной, но и фактически визионерский характер. Последующее развитие и практика чувашеведческих исследований показали, что данная модель обладает огромной прогностической силой: она хорошо объясняет особенности данных по истории чувашского языка, впервые вводимых в научных оборот, – будь то важные для диахронии свидетельства современных чувашских диалектов, старописьменные памятники XVIII–XIX вв. или ранние чувашские заимствования в других языках Волжско-Камского региона.

Помимо достижений в формальной – фонетической и морфологической – реконструкции пратюркского языка, необходимо отметить вклад О.А. Мудрака в разработку пратюркской культурной реконструкции. Этой проблеме был посвящен том «Лексика» коллективного труда «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков», в котором авторству Олега Алексеевича принадлежали две главы [СИГТЯ 1997/2001: 67–86; 401–413]. В главе «Время, отрезки времени, сезоны» представлены реконструкции и комментарии (семантические и этимологические, в том числе с привлечением алтайских параллелей) к 30 пратюркским терминам, относящимся к данному семантическому полю. Это общие понятия для времени и периода времени, а также для года и времен года, суток и частей суток, момента речи. Здесь же рассмотрены термины для исчисления жизни людей и «жизни» вещей ('возраст', 'старый', 'новый' и т. п.), временные прилагательные. В главе были сформулированы некоторые важные выводы относительно представлений пратюрков о времени – в частности, сделано предположение о том, что год в представлении ранних тюрков мог изначально делиться не на четыре сезона, а на два – весну-лето и осень-зиму, что находит параллель в древнекитайской традиции. Вторая глава, подготовленная О.А. Мудраком для этого тома, – «Металлы, обработка металлов». В ней реконструируется разветвленная металлургическая терминология, в том числе названия конкретных металлов, известных пратюркскому обществу позднего бронзового и раннего железного века, – 'золото', 'серебро', 'медь', 'бронза', 'жесть', 'свинец', 'железо'. Для ряда основ было показано наличие хороших алтайских параллелей, а другие случаи оказались старыми заимствованиями – в первую очередь, из древнекитайского языка. Интересным результатом оказалось отсутствие в пратюркском металлургическом лексиконе индоевропейских заимствований, хотя индоевропейцы, как и китайцы, населяли граничащие с тюркской прародиной территории.

Еще в 1990-е гг. началась совместная работа С.А. Старостина, А.В. Дыбо и О.А. Мудрака над этимологическим словарем алтайских языков («Etymological Dictionary of the Altaic Languages»), трехтомное издание которого увидело свет в г. Лейдене в 2003 г. За О.А. Мудраком была закреплена работа над монгольской частью словаря, в то время как за тюркскую часть отвечала А.В. Дыбо, но в сло-

варе были учтены тюркологические разработки Олега Алексеевича, прежде всего, касающиеся интерпретации болгаро-общетюркских соответствий.

Значимые уточнения к алтайской реконструкции были предложены О.А. Мудраком в статье «Развитие сочетаний с *l в праалтайском языке» (2007). В ней сформулировано положение о шумном характере праалтайского согласного, обычно толковавшегося как *l̥ («l-мягкий»). Об этом свидетельствовали, среди прочего, и тюркские данные, где шумный спирант является рефлексом данного согласного как в общетюркской ветви, так и – в части позиций – в чувашском языке. Кроме того, в статье были уточнены, а в части случаев впервые представлены описания развития праалтайского простого *l̥ и сочетаний с этим согласным в тюркской группе и других дочерних ветвях.

Одним из главных направлений исследований Олега Алексеевича в конце 1990-х – 2000-е гг. стало построение генеалогической классификации тюркских языков и диалектов на основе формализованных критериев. Посвященная этому вопросу глава («Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики») появилась уже в коллективном труде [СИГТЯ 2002: 713–737]. Полное изложение методов и результатов работы было представлено в 2009 г. в монографии «Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике».

Одной из предпосылок данного исследования стали размышления О.А. Мудрака об оптимальном методе построения древа родства для семей, сходных по своим характеристикам с тюркской. Традиционно задача языковой классификации решается на основе выбора 10–20 языковых признаков, имеющих особое значение в компаративистской перспективе. В сравнении с традиционным подходом метод лексикостатистики (глоттохронологии) опирается, как правило, на анкету из 100 вопросов и уже поэтому является более точным и надежным. При этом и данный метод, как отмечал Олег Алексеевич, может давать ошибочные результаты, особенно в ситуации интенсивных контактов между близкородственными языками – в таком случае бывает крайне сложно определить, является ли некоторое слово исконным или заимствованным. Для частичного решения этой проблемы на материале тюркских языков было предложено использовать опросник по исторической фонетике и морфологии, ответы на который демонстрируют в сравнении со 100-словным лексическим списком бóльший разброс значений (и, следовательно, являются более информативными с точки зрения классификации) и при этом касаются тех уровней языка, где реже, чем в лексике, происходят обусловленные контактными воздействием замены. Получившаяся анкета из 96 вопросов (83 основных и 13 дополнительных, характеризующих только болгарскую ветвь) была приложена к данным 42 тюркских языков и диалектов. Коэффициент λ , характеризующий скорость распада списка, был рассчитан независимо от кросс-лингвистически постоянного значения, установленного С.А. Старостиным для работы с лексической анкетой, но на основе его глоттохронологической формулы. Сделать это удалось благодаря привлечению экстралингвистических данных, а именно вероятной причинно-следственной связи между завоеваниями Тимура в XIV в. и единовременным распадом ряда тюркских языков сразу в нескольких ареалах.

В результате сложилась следующая картина внутреннего устройства тюркской семьи. Сибирско-тюркские языки представляют, согласно выводам О.А. Мудрака, генетическую, а не ареальную, общность, внутри которой якутская и тувинско-тофаларская ветви демонстрируют специфическое родство. Включенными в сибирско-тюркскую ветвь оказались, среди прочих, и географические аутлайеры – киргизский язык (в составе киргизо-алтайской подгруппы) и сарыг-югурский (в составе хакасской подгруппы). Языки древнетюркских памятников были определены как карлукские, и такое же заключение было сделано относительно халджского языка. Для саларского языка в Китае было установлено огузское происхождение. Были даны и конкретные датировки для разных этапов дивергенции тюркской семьи: рубеж эр для распада пратюркской языковой общности на болгарскую и общетюркскую ветвь, I в. н. э. для обособления внутри общетюркской ветви сибирских и «стандартных» тюркских языков. В IV в. произошло выделение якутско-тувинской ветви внутри сибирско-тюркских, а вторая группа распалась на огузскую, карлукскую и кыпчакскую подгруппы. К VIII в. якутский отделился от тувинско-тофаларского, а к IX в. оставшиеся сибирские языки распались на киргизо-алтайскую и хакасскую подгруппы. Было показано, что эти даты хорошо ложатся на известные события истории тюркских народов. С некоторыми дополнениями основные положения монографии 2009 г. воспроизводились в ряде последующих работ О.А. Мудрака – в частности, в тезисах «Интерпретация инновативных изоглосс языков и диалектов кыпчакской подгруппы» (2010), в главе «Место башкирского языка в кыпчакской подгруппе тюркских языков», написанной для коллективной монографии «История башкирского народа» (2012), в главе «Распад пратюркской общности и формирование кыпчакской подгруппы тюркских языков», подготовленной в соавторстве с Ф.Г. Хисамитдиновой для монографии «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» (2018).

В 2003–2011 гг. Олег Алексеевич опубликовал ряд работ, посвященных письменным памятникам болгарской ветви. Первые текстовые фиксации болгарского материала датируются уже второй половиной I тысячелетия н. э.; таким образом, они практически синхронны памятникам древнетюркской письменности Сибири и Монголии. Поскольку болгары к этому времени уже отселились с тюркской прародины далеко на запад Евразии, то древнейшие памятники болгарской письменности происходят с территории Европы. Преславская надпись дунайских болгар была рассмотрена О.А. Мудраком в одноименных тезисах (2003) и более подробно в «Заметках о языке и культуре дунайских болгар» (2005). В этих работах была показана возможность чтения данной надписи, выполненной греческим письмом, именно как памятника дунайско-болгарского языка. В «Заметках...» же был проанализирован с точки зрения культурной и языковой истории еще один памятник дунайско-болгарской традиции – Именник болгарских князей (фрагмент утерянного источника, сохранившийся благодаря цитате в восточнославянском памятнике XVI в.). Помимо собственно имен тюрко-болгарских правителей, в Именнике приводятся в довольно необычном виде и годы их правления, поэтому значительная часть статьи посвящена как раз реконструкции болгарского календаря. Согласно интерпретации О.А. Мудрака, этот календарь являлся осколком древней восточноазиатской традиции, подразумевающей, в частности, использование полного 60-ричного цикла по китайскому образцу. Что касается

языка обоих дунайско-булгарских памятников, то в нем были обнаружены, с одной стороны, хорошие фонетические соответствия с современным чувашским языком, а с другой, контактные изоглоссы, обусловленные взаимодействием с южнославянскими диалектами. Ввиду хорошо разработанной и при этом нетривиальной орфографии данных памятников (включающей, например, лигатуры для передачи специфических звуков) О.А. Мудрак предположил, что ко времени их создания на Балканах уже устоялась некоторая традиция письменной фиксации языков частично христианизированных народов, к каковым относились и булгары.

Памятнику из смежного ареала, предположительно отражающему данные языка тюркоязычных авар, посвящена статья О.А. Мудрака «Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош» (2007). Данный сосуд был найден в аварском кладе на территории Трансильвании, а надпись на нем выполнена греческими буквами на «неизвестном», но традиционно соотносимом с аварским языке. Олег Алексеевич предложил для этой надписи правдоподобное чтение, исходящее из ее булгарской языковой принадлежности, из чего автоматически следовало, что и язык авар был фактически одним из булгарских диалектов. Также он предположил, что именно аварский языковой компонент в Трансильвании и Паннонии стал источником нескольких сотен булгаризмов в венгерском языке, а не дунайско-булгарский, как это традиционно считается. В этой же статье обсуждается ряд нетривиальных булгаризмов в языках Южной и Восточной Европы (венг. *polgár* ‘гражданин’, слав. *пирогъ* и др.).

В 2011 г. Олег Алексеевич подготовил статью «Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника “Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка”», которая была опубликована как приложение к переизданию этой старочувашской книги. «Сочинения...» – это первая грамматика чувашского языка, сопровождаемая обширным словарем (объемом почти в тысячу основ) и изданная в г. Санкт-Петербурге в 1769 г. На основе росписи примерно трети лексических вхождений «Сочинений...» О.А. Мудрак заключил, что материал памятника записан в довольно последовательно выдержанной орфографии, а его фонетика системно отражает данные верхового диалекта чувашского языка. Замечу, что исследование «Сочинений...», несмотря на небольшой объем, имело важнейшее значение для всей области изучения старописьменных памятников чувашского языка. С начала XX в., когда их материал впервые стал предметом научного изучения, в чувашеведении преобладало пренебрежительное к ним отношение, обусловленное якобы чрезвычайно низким качеством записи языковых данных. Однако в этой статье было продемонстрировано, что предполагаемые «ошибки» в старочувашских текстах во многих случаях отражают, на самом деле, значимые фонетические архаизмы чувашских диалектов XVIII в., а значит, и в целом данный круг памятников с полным правом может использоваться как источник по истории чувашского языка.

Хотя в количественном отношении в корпусе работ Олега Алексеевича по конкретным тюркским подгруппам доминирует болгарская проблематика, значителен и его вклад в исследования различных языков общетюркской ветви. Еще в томе «Региональные реконструкции», помимо главы о болгарском, появился и очерк О.А. Мудрака о якутской подгруппе [СИГТЯ 2002: 661–676]. В нем представлен краткий обзор истории якутского языка, включающий отделение сибир-

ско-тюркской ветви в начале нашей эры, разделение якутской и тувинско-тофаларской ветвей в период становления Второго Тюркского каганата и период изоляции якутского от других тюркских языков после миграции его носителей в бассейн Верхней и Средней Лены. В очерке также описаны характерные особенности якутской исторической фонетики и морфологии на общетюркском фоне – прежде всего, многочисленные инновации, но также и ряд значимых архаизмов (например, глагольное спряжение, которое, согласно интерпретации Олега Алексеевича, во многом отражает пратюркскую ситуацию). Кроме того, был сделан вывод о том, что часть инноваций в якутской группе имеет ареальное происхождение, являясь результатом сосуществования в рамках языкового союза с тунгусскими и палеоазиатскими языками. Влияние тунгусских (а также монгольских) языков выражается и в прямом заимствовании морфологических показателей, при этом, вопреки старой идее В.В. Радлова, якутский ни в коем случае нельзя считать «отуреченным» тунгусским языком. Отличия же долганского языка от якутского по большому счету сводятся, по О.А. Мудраку, к явлениям адстратного происхождения.

Исторической фонетике наиболее своеобразного языка хакасской подгруппы сибирско-тюркских языков посвящена опубликованная в 2010 г. статья «Отражение тюркских шипящих в сарыг-югурском языке». Как заметил Олег Алексеевич, на фоне ранней изоляции от близкородственных языков (согласно приведенной в статье датировке, это произошло еще в XI в.) в данном языке наблюдаются очень неожиданные на общетюркском фоне соответствия. Оказалось, что объяснить их невозможно ни междиалектной «мешаниной», ни иноязычным влиянием. Было показано, что в действительности их появление связано с сочетанием в сарыг-югурском архаичных черт общетюркской фонетики и уникальных инновативных переходов. В частности, в статье обсуждаются особые сарыг-югурские рефлексy на месте пратюркских сочетаний с *ʃ, что считалось до этого характерной чертой только болгарской ветви. Рассмотрение развития форм с шипящими в этом географически обособленном тюркском языке позволило в части случаев уточнить реконструкции соответствующих пратюркских основ.

Ряд публикаций О.А. Мудрака посвящен материалу языков карлукской подгруппы. В 2005 г. он опубликовал статью «Развитие тюркского *a в узбекском языке». В ней на материале восточного диалекта (распространенного в Синьцзяне) решен один из сложных вопросов исторической фонетики узбекского языка, связанный с наличием сразу двух рефлексов, *ɔ* и *ε*, на месте пратюрк. *a. Традиционно в тюркологии сложилась практика объяснять случаи сложных вокалических соответствий в конкретных тюркских языках либо воздействием некоего «субстрата» (в узбекском случае – иранского), либо опосредованным отражением пратюркских долгот (что, как правило, вовсе не подтверждалось фактическим языковым материалом). При этом часто игнорировался более очевидный фактор возникновения расщепленных рефлексов, а именно диахронический и синхронный фонетический контекст. Олегу Алексеевичу удалось показать, что распределение рефлексов *a в узбекском определяется именно контекстом – во-первых, слоговой структурой основы, а во-вторых, консонантным и вокалическим (т. н. «карлукский умлаут») окружением. Исключения из установленных правил были объяснены как случаи внутритюркских – кыпчакских, реже огузских – заимствований.

Как было отмечено выше, в работах по классификации тюркских языков О.А. Мудрак продемонстрировал специфически карлукский характер памятников древнетюркской письменности. Помимо этого, его авторству принадлежит ряд трудов по конкретным древнетюркским памятникам. В 2010 г. им была опубликована статья «Тюркская надпись на Батеневском алтаре». Речь идет о выполненном в буддистской традиции алтаре, обнаруженном в середине XIX в. на Верхнем Енисее и хранящемся ныне в Государственном историческом музее. Этот алтарь датируется концом VI в. и содержит – наряду с надписью на китайском языке – надпись согдийским письмом, для которой Олег Алексеевич предложил тюркское чтение. Был сделан вывод, что надпись выполнена на особом варианте тюркской уйгурицы, близком к монгольскому варианту этого письма и отчасти к манихейскому письму. При этом выражено консонантный характер орфографии памятника был объяснен влиянием со стороны орхонской руники. В лексике памятника были обнаружены специфические схождения с материалами Махмуда Кашгарского (XI в.), отражающими караханидские говоры Восточного Туркестана. В связи с этим Олег Алексеевич предположил, что и Батеневский алтарь происходит с той же территории (возможно, конкретно из Хотана, который упоминается в надписи); также он поддержал вывод ранних исследователей о том, что далеко на север этот алтарь попал в статусе трофея после завоевательных походов Киргизского каганата. Разбор текста показал, что он, хотя и изобилует буддистскими терминами, отражает скорее усвоение буддистских традиций в манихейской среде. Как итог, на основе анализа графики и орфографии, языка и содержания надписи О.А. Мудраку удалось сделать несколько важных выводов о культурной истории данного региона – в частности, о знакомстве с орхонским руническим письмом в районе Восточного Туркестана в VI в. и о степени распространения манихейства в южной части Великого шелкового пути.

В серии публикаций О.А. Мудрака центральное место уделено языковым данным, приведенным в труде «Диван Лугъат ат-Турк» великого тюркского лингвиста Махмуда Кашгари. В 2012 г. увидела свет статья «Поэзия у Махмуда Кашгарского как свидетельство тюркско-монгольских языковых контактов». В ней Олег Алексеевич обратился к тем поэтическим фрагментам «Дивана», которые не были снабжены полным переводом на арабский язык. Оказалось, что уточнить перевод и смысл многих стихотворений удается исходя из предпосылки о том, что очень значительный пласт лексики у Махмуда является не исконно тюркским, а монгольским по происхождению. Из этого следовало, что уже к XI в., то есть до эпохи монгольских завоеваний, Восточный Туркестан был зоной интенсивных тюркско-монгольских контактов, что сопровождалось, по-видимому, ситуацией двуязычия. Таким образом, неверным является представление о караханидском как о «чистом» тюркском языке, как его характеризовал сам Махмуд. По предположению О.А. Мудрака, такая этноязыковая ситуация сложилась в регионе вследствие экспансии киданьской империи Ляо, а особенности развития монгольской фонетики, отраженные в «Диване», могут считаться характерными чертами языка киданей.

Во многом именно на данных Махмуда строится исследование в статье О.А. Мудрака «Классы каузативов в тюркском глаголе», написанной еще во второй половине 1980-х гг., но опубликованной в 2014 г. Одной из теоретических

предпосылок этой работы стало положение об особом статусе тюркской категории каузации, промежуточном между словоизменением и словообразованием. В связи с этим каузативные образования отмечаются практически от всех глагольных основ, при этом правила выбора конкретных каузативных показателей лишь отчасти могут быть объяснены синхронным морфонологическим контекстом. Олег Алексеевич показал, что из-за расположения непосредственно после производящей основы тюркские каузативные показатели специфически взаимодействовали с ее исходом; как следствие, именно историческим типом основы определялся выбор каузативного показателя. С учетом этих наблюдений в статье был представлен опыт описания систем каузативных аффиксов в отдельных тюркских языках, а исходя из этого – и реконструкции праязыковой системы каузативов, распределенных в зависимости от типа основы.

Значение данной работы не ограничивается областью сравнительно-исторической тюркологии, она внесла вклад и в общую методологию морфологической реконструкции некоторого праязыка. Прежде всего, О.А. Мудрак указал на необходимость придерживаться парадигматического подхода, построенного на сравнении целостных морфологических подсистем в дочерних языках, а не отдельных форм, как нередко делалось в тюркологии. Кроме того, с методологической точки зрения представляется важным эксплицированное в статье положение о двух типах производных образований, «доминантных» и «рецессивных». Первые ассоциируются с «популярными», наиболее продуктивными моделями деривации в дочерних языках, а вторые – с нетривиальными, «непопулярными» моделями. В диахронической же перспективе «доминантные» типы отождествляются с инновативно «регулярными» формами, значительно сузившими в процессе развития системы зону употребления «рецессивных» образований. Последние являются, таким образом, архаизмами, и именно им следует уделять основное внимание в морфологической реконструкции. Этой предпосылкой была обусловлена, в частности, выборка языков для исследования тюркских каузативов – предпочтение отдавалось тем из них, которые имеют менее генерализованные системы каузативного образования.

Что касается собственно тюркологической проблематики, затронутой в «Классах каузативов...», то здесь отдельный интерес представляет рассмотрение вопроса об особом редуцированном гласном *-ə в исходе одного из типов пратюркских глагольных основ. Согласно О.А. Мудраку, именно на этот гласный во многом было завязано распределение каузативных показателей в пратюркском. Оказалось, что неизбежность реконструкции предкового *-ə в части тюркских глаголов независимо подтверждается на материале ряда дочерних языков. Во-первых, в языке Махмуда Кашгарского и в якутском в исходе непроезводных двусложных глаголов отмечаются только долгие гласные, но не краткие. При этом число непроезводных глаголов с конечным гласным в тюркских языках в целом невелико. Олег Алексеевич пришел к выводу, что вокалические основы тюркских глаголов восходят к пратюркским основам на долгий гласный, а якутская и караханидская ситуация является, таким образом, архаизмом. При этом, поскольку существование двусложных основ с исходом только на долгий гласный типологически довольно необычно, естественно предполагать, что в пратюркском присутствовали основы и на краткий гласный, не отражающийся явно

в дочерних языках. В таких случаях было предложено реконструировать конечный *-ə, повсеместное отпадение которого повлекло переход соответствующих основ в класс консонантных. Во-вторых, как уже было отмечено выше, на необходимость реконструировать в праторкском особый ауслатный гласный *-ə указывают чувашские данные – в частности, наличие класса именных основ, демонстрирующих конечный редуцированный в соответствии с общетюркским нулем. По системным соображениям следовало бы ожидать, что подобный класс основ существовал и в глаголах, и О.А. Мудрак предположил, что отсутствие глагольных основ на редуцированный в современном чувашском обусловлено аналогическим выравниванием⁵. В-третьих, в данной статье и, несколько подробнее, в опубликованных в 2011 г. тезисах было показано, что у Махмуда и в ряде других тюркских языков выбор варианта в показателях соединительного деепричастия (-A, -I, -U) и причастия настоящего-будущего времени на -r может быть отчасти связан как раз с утерянным вторым гласным глагольной основы.

Проблематика тюркских рунических надписей так или иначе затронута во многих работах О.А. Мудрака, а ряд его исследований, в том числе еще ожидающих публикации, специально посвящен данному корпусу памятников. Я остановлюсь на одной конкретной разработке Олега Алексеевича в этой области – новой практической транслитерации рунического письма. В печати эта система была представлена в статье «К значению одного из клише енисейских надписей» (2015). Основной предмет обсуждения в этой статье – одна традиционная формула (оборот с глаголом *bök-*), широко использовавшаяся в енисейских ритуальных надписях, но предваряет анализ этой конструкции обширный комментарий, касающийся предпочтительной системы передачи тюркской руники в научной транскрипции. Как отметил Олег Алексеевич, бытующие в тюркологической практике системы отличаются обычно одной из двух крайностей. В части работ используется побуквенная передача с подписными цифрами, которая исходит из сомнительной предпосылки о буквенном характере тюркского рунического письма, а также создает ложное впечатление о крайне «консонантно-насыщенном» характере тюркской фонетики. В других же работах предпринята попытка фонетической передачи, сопровождающаяся, однако, произвольными интерпретациями в части чтения спирантов и гласных верхнего и среднего подъема, а также общей подгонкой чтений под облик современных «стандартно-тюркских» языков.

О.А. Мудрак привел весомые аргументы в пользу того, что тюркское руническое письмо было слоговым, а не буквенным, по своему характеру. Это подтверждается, в частности, существованием двух отличных знаков для *j*, выбор между которыми обусловлен рядностью сингармонистической основы. Если в случае с непалатальными согласными противопоставление по «мягкости» еще можно было бы считать связанным с качеством самого согласного, то в случае йота завязка на слог оказывается неизбежной. Кроме того, наличие, по крайней мере, нескольких слоговых знаков в тюркской рунике является общепризнанным, а соче-

⁵ Предпринятые в дальнейшем исследования выявили, что класс глагольных основ с исходом на редуцированный существовал в чувашском, по крайней мере, вплоть до середины XIX в. – об этом прямо свидетельствуют данные старописьменных памятников данного периода. См. [Савельев 2021: 81].

тание слогового и буквенного принципа в одной системе для известных письменностей нехарактерно. В связи с положением о слоговой природе рунического письма Олег Алексеевич указал на необходимость обозначать в транслитерации «неопределенные» гласные, следующие за немаркированным согласным, – через *ь* в заднем ряду и *ə* в переднем. В этой системе только те контексты, где после согласного в исходе слова не выписан ауслатный гласный, предполагают простой согласный в транслитерации. Слоговые знаки с огубленным гласным заднего ряда было предложено передавать через *qo*, переднего – через *kö*; для обоснования именно такой интерпретации были привлечены сравнительные данные чувашского языка. В статье были приведены и некоторые другие принципы транслитерации данной системы письма, которые, хочется надеяться, найдут широкое применение в дальнейших рунологических исследованиях.

Ряд важных наблюдений относительно орфографии, языка и историко-культурных реалий, отраженных в памятниках орхонской и енисейской руники, был сделан в докладе О.А. Мудрака «Рунические заметки», представленном в 2016 г. в Институте языкознания РАН на круглом столе по случаю 95-летия со дня рождения Э.Р. Тенишева.

Вклад Олега Алексеевича в разработку вопросов кыпчакской языковой истории выразился, в частности, в подготовленной совместно с Ф.Г. Хисамитдиновой книге «Кыпчакские языки Урало-Поволжья» (2018). Авторству О.А. Мудрака принадлежат одна из двух глав монографии («Распад пратюркской общности и формирование кыпчакской группы тюркских языков») и заключение, имеющее подзаголовок «Периодизация этапов развития башкирского языка». В главе была предложена, среди прочего, выполненная Олегом Алексеевичем реконструкция пракыпчакской фонетики. В разделе, касающемся консонантизма, особый интерес представляет описание распределения глухих и звонких рефлексов смычных согласных. Для инлаутной позиции была в целом принята интерпретация, сформулированная ранее А.В. Дыбо в «Очерке пратюркского языка-основы» [СИГТЯ 2006: 118–144]: в части случаев появление звонкого зависит от долготной характеристики пратюркского гласного первого слога, а также от характеристики пратюркского срединного согласного по признаку придыхательности (что отражает оппозицию, реконструируемую уже для праалтайского состояния). Также были отмечены претендующие на статус архаизмов случаи в анлауте типа кыпч. **d-* < пратюрк. **d-* и кыпч. **g-* < пратюрк. **g-* (последний рефлекс известен, в первую очередь, на материале кумыкского языка). Происхождение системы кыпчакского вокализма, как было продемонстрировано, сводится по большому счету к упрощению пратюркской системы, прежде всего, – к исчезновению противопоставления по долготе и краткости гласных (лишь опосредованно отражающегося в различении глухих и звонких смычных) и к упрощению дифтонгов. Отдельный раздел этой главы посвящен исторической фонетике башкирского языка; в частности, в ней разобран сложный вопрос о происхождении татаро-башкирского гласного *ε*.

В заключающем монографию очерке «Периодизация этапов развития башкирского языка» была представлена модель поэтапного развития фонетики с момента распада кыпчакской общности и вплоть до новейшего этапа башкирской языковой истории. С точки зрения общей методологии и структуры исследова-

ния эта модель во многом сходна с картиной поэтапного развития чувашской фонетики, изложенной О.А. Мудраком в более ранних работах.

В последнее время Олег Алексеевич много занимается проблематикой кавказского языкового ареала. Это направление его работы нашло отражение и в исследованиях кыпчакских языков Северного Кавказа. Так, в 2019 г. вышла его небольшая статья «Лексические заимствования культурной лексики как свидетельство миграций носителей карачаево-балкарского языка». В ней, среди прочего, были изложены результаты количественной оценки лексического влияния иных языков на карачаево-балкарский. Было выявлено, что источником наибольшего числа заимствований (более 300 слов) в этом языке является дигорский осетинский. Далее следуют, в порядке убывания, западнокавказские (прежде всего, кабардинские и абазинские), нахские и аваро-андо-цезские заимствования. Оказалось, что нередко принимаемое за данность болгарское влияние на карачаево-балкарский сильно переоценено: О.А. Мудраку удалось выделить всего полдесятка слов, для которых болгарское происхождение является наиболее вероятным.

Кроме того, анализ контактной лексики позволил Олегу Алексеевичу сделать выводы о деталях этнической истории карачаево-балкарского народа. Он нашел свидетельства в пользу того, что после появления кыпчакского языкового элемента в Предкавказье (не ранее начала XI в.) и до миграции в район Приэльбрусья предки карачаево-балкарцев населяли исторический регион Салатавия в Дагестане. А лексика болгарского происхождения, согласно данной интерпретации, могла попасть в карачаево-балкарский в результате контактов на территории Верхнего Прикубанья и Прикумья. Обобщающая работа О.А. Мудрака о заимствованной лексике карачаево-балкарского языка, включающая развернутое представление соответствующих языковых данных, в настоящее время ожидает публикации.

Ряд исследований Олега Алексеевича посвящен письменным памятникам, ранее соотносившимся с языками кыпчакской группы тюркской семьи, но при ближайшем рассмотрении оказавшимся огузскими. Так, в 2019 г. вышла в свет его статья «“Карачаевский” и “ногайский” переводы молитвы “Отче наш” в записях Ю. Клапрота». В ней было продемонстрировано, что записанные в начале XIX в. переводы христианской молитвы «Отче наш» на языки, которые Ю. Клапрот идентифицировал как «карачаевский» и «ногайский», на самом деле являются переводами на османский литературный язык (выполненными, по-видимому, мусульманскими священнослужителями). Сходные выводы, хотя и касающиеся значительно более раннего тюркского памятника, были сделаны в докладе «Проблема средневековых кыпчакских памятников. Кодекс Куманикус», представленном в 2021 г. на XIV «Тенишевских чтениях». В нем было показано, что, вопреки принятому мнению, только т. н. немецкая (выполненная носителем немецкого языка) часть знаменитой рукописи XIV в. Кодекс Куманикус отражает материал кыпчакского половецкого языка. Итальянская же часть оказалась по результатам анализа ее лексики и фонетики не кыпчакским, а огузским памятником. О.А. Мудрак предложил называть язык итальянской части Кодекса «(румелийско-)сельджукским», исходя из вероятного появления его носителей в Северном Причерноморье еще в доосманское время (по-видимому, в первой половине XIII в.). В том же докладе было указано на необходимость дальнейших исследо-

ваний армяно-кыпчакского языка, фонетика и морфология которого обнаруживают сходжения с огузской группой, а также на вероятное огузское происхождение языка крымчаков.

В публикациях последних лет Олег Алексеевич рассматривает вопросы этноязыковой идентификации ряда исторических народов, которые только в силу установившейся традиции, не подкрепленной надежными лингвистическими свидетельствами, считаются преимущественно или даже исключительно тюркоязычными. Эти исследования опираются на языковой материал по большей части не тюркской, а иных семей, но ввиду широко принятого отождествления данных народов с ранними тюрками можно говорить о непосредственной связи с тюркологической проблематикой. К числу таких работ относится, например, статья «Ранние хазары с точки зрения этимологии» (2010). В ней показано, что лексика, определяемая историками как хазарская, во многих случаях имеет не тюркское, а северокавказское происхождение. Тюркские же слова фиксируются при упоминании хазар только начиная с армянских источников VII–VIII вв. Кроме того, и сам этноним «хазар» впервые упомянут в ряду других кавказских народов задолго до появления тюрков в Восточной Европе. Согласно О.А. Мудраку, лишь позже данный этноним был распространен в том числе и на тюркоязычное население Хазарского каганата.

Обсуждение хазарской проблемы было продолжено в статье «Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов» (2016), посвященной этимологизации хазарских слов в памятниках на еврейском языке. В литературе для этих слов принимается обычно тюркское происхождение, однако подобные интерпретации зачастую нарушают законы тюркской исторической фонетики и при этом включают очевидно изобретенные тюркские лексемы. Учитывая расположение ядра Хазарского государства на территории Дагестана и Предкавказья, в «Заметках...» для этой лексики предложены «местные» этимологии, т. е. основанные на данных осетинского языка и языков северокавказской семьи. Но здесь же рассматриваются и отдельные тюркские слова, приведенные в хазарско-еврейской переписке. Особый интерес с точки зрения тюрколога представляет анализ упомянутого в письме царя Иосифа этнонима «черемис» – צַרְמִיס [sərmis]. Как показал О.А. Мудрак, данный этноним восходит к болгарскому источнику чувашского слова *šarmś* ‘мариец’ (также употреблявшегося применительно к обособленной внутри чувашского этноса группе северо-западных чувашей) и имеет первоначальное значение ‘удалец, джигит’ (ср. чув. *šarmr̥k*, диал. *šarmr̥k* ‘молодой, юноша’). Поскольку данное слово имеет очевидно тюркское происхождение и не представлено ни в марийском, ни в других финно-угорских языках, Олег Алексеевич пришел к выводу о том, что в памятнике X в. оно обозначало, по-видимому, языковых предков чувашей.

Прямое отношение к хазарскому вопросу имеет проблема т. н. восточноевропейской рунической письменности, известной по памятникам с территориями Хазарского и Аварского каганатов. Ей посвящена статья О.А. Мудрака «Основной корпус восточноевропейской руники» (2017). Как и ассоциируемый с хазарами лексический материал в иноязычных источниках, памятники восточноевропейской руники традиционно читались исходя из предпосылки об их тюркской принадлежности, но, как показал Олег Алексеевич, эти чтения методологически

ошибочны и строятся на некорректном обращении с тюркским лексическим материалом. Согласно его интерпретации, эта письменность использовалась, прежде всего, для записи осетинского языка в его дигорском варианте.

В том же 2017 г., принимая во внимание обновленную картину этноязыковой истории Южной и Восточной Европы в раннесредневековое время, Олег Алексеевич вернулся к анализу Именника болгарских князей в докладе, прочитанном на XXV «Дмитриевских чтениях». В нем были предложены осетинские этимологии для слов «неизвестного» происхождения, присутствующих в Именнике наряду с собственно болгаро-тюркской лексикой, и обнаружены переклички с хазарской культурной традицией. На этом основании было сделано предположение о том, что помимо доминирующего западнотюркского компонента в составе болгар присутствовали и осетиноговорящие группы.

Смежное положение занимает проблема языковой идентификации исторического народа печенегов, традиционно ассоциируемых с тюркской семьей. В статье «Печенежский материал Константина Багрянородного» (2017), а затем в обобщающем труде «Печенежские имена и названия» (2020) было обосновано положение о том, что печенежская лексика не является тюркской, зато хорошо этимологизируется на основе осетинского языка. Как отметил О.А. Мудрак, принятое в литературе причисление печенегов к тюркским народам отчасти связано с их включением в число «турков» рядом исторических источников. Это, однако, само по себе не показательно, поскольку «турками» в раннесредневековое время называли, например, венгров и другие народы, знакомые с коневодством. Кроме того, представление о печенегах как о тюркском народе проистекает из тюркской интерпретации печенежского лексического материала, предложенной в свое время Н.А. Баскаковым. О.А. Мудрак продемонстрировал, что с позиций современной тюркологии печенежские этимологии Н.А. Баскакова не выдерживают критики.

Помимо «кабинетной» научной работы, в течение многих лет Олег Алексеевич ведет экспедиционную деятельность, направленную на документацию тюркских языков и диалектов. Его большой заслугой является создание специальных программ сбора материалов по тюркской диалектологии. В рамках этого направления были разработаны вопросники для чувашского языка, для кыпчакских и огузских языков. Эти вопросники структурированы таким образом, чтобы полученные данные можно было удобно использовать в сравнительно-исторической работе. Также Олег Алексеевич организовывал и участвовал в выездах непосредственно на территории бытования тюркских языков. В первую очередь, необходимо отметить его роль в документации диалектов чувашского языка. В 2009 и 2011 гг. в рамках совместных экспедиций Отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН и Чувашского государственного института гуманитарных наук в Ядринском районе Чувашии были проведены полевые исследования наиболее обособленного чувашского диалекта – малокарачклинского наречия. В 2012–2015 гг. эти исследования были продолжены рядом экспедиций в зонах распространения верхового и средненизового диалектов чувашского языка. В ходе этих выездов были попутно обследованы и мишарско-татарские говоры Пильнинского района Нижегородской области.

В 1995–2018 гг. Олег Алексеевич преподавал в Российском государственном гуманитарном университете, где читал в том числе тюркологические курсы

(в частности, по языку тюркских рунических памятников). В научно-популярном направлении его деятельности следует отметить сотрудничество с проектом «Публичные лекции “Полит.ру”», в рамках которого, среди прочего, была прочитана лекция об истории и классификации тюркских языков (2009).

Олег Алексеевич Мудрак является членом Российского комитета тюркологов с момента возобновления его деятельности как преемника Советского комитета тюркологов в 2007 г. Он является членом редколлегий журналов «Российская тюркология» и «Урало-алтайские исследования», а также журнала «Родной язык» (не являющегося специально тюркологическим, но регулярно освещающего вопросы тюркского языкознания). За выдающийся вклад в тюркологию в 2018 г. Олег Алексеевич был награжден Международной Тюркской академией медалью Вильгельма Томсена.

Автору этих строк довелось быть учеником Олега Алексеевича и написать под его руководством диссертацию по истории чувашского языка. Спустя годы, уже занимаясь самостоятельной исследовательской работой, я часто думаю о том, насколько мне повезло с научным руководителем. Как учитель Олег Алексеевич всегда был готов обсудить тонкости и раскрыть «технические секреты» повседневной работы исторического лингвиста, обучить теоретическим основам сравнительно-исторического метода и обращению с конкретным языковым материалом тюркской семьи, что в моем случае потребовало большой работы практически с нуля. Кроме того, заражает огромным желанием заниматься наукой эпистемологический оптимизм Олега Алексеевича. Иногда приходится сталкиваться с таким подходом к сравнительно-историческому языкознанию, который подспудно предполагает, что все основные открытия в этой области уже совершены, а удел исследователей следующих поколений – мелкотемье. Отсюда проистекают сложности с мотивацией и даже соблазн оставить научную работу, особенно у начинающих исследователей. Мне в свое время удалось избежать такого искушения во многом именно потому, что общение с Олегом Алексеевичем научило находить серьезные противоречия в, казалось бы, незыблемых воззрениях на тот или иной предмет исследования; не принимать на веру традиционные интерпретации, подкрепляемые порой только силой авторитета, но не выдерживающие компетентной критики; воспринимать научную работу как большое приключение и, в некотором смысле, повседневное чудо. Олег Алексеевич является образцом ученого, который предан ценностям научной истины, а не околонаучной конъюнктуры, которая нередко влияет на нашу рабочую рутину, но, следует об этом помнить, зачастую противоречит задачам науки как таковой.

Коллеги и ученики поздравляют Олега Алексеевича со знаменательной датой, желают ему дальнейших крупных открытий, плодотворной работы, крепкого здоровья и благодарных читателей.

Сокращения

венг.	венгерский язык	пратунг.	пратунгусо-маньчжурский язык
кыпч.	кыпчакские языки	пратюрк.	пратюркский язык
общетюрк.	общетюркская ветвь тюркской семьи	слав.	славянские языки
прамонг.	прамонгольский язык	чув.	чувашский язык

**Библиография основных научных трудов О.А. Мудрака
(в области тюркологии и связанных с тюркологической проблематикой)**

1986

К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке // Вопросы чувашской фонетики и морфологии: сб. статей. – Чебоксары: НИИЯЛИиЭ. – С. 17–34. {On the palatalization of initial consonants in Chuvash // Issues in Chuvash phonology and morphology. – Cheboksary: Research Institute for Language, Literature, History, and Economics. – PP. 17–34.}

1989

Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – Ч. 1. – М. – С. 216–222. {Specific split developments of consonants in Chuvash // Linguistic reconstruction and the earliest history of the East. – Part 1. – Moscow. – PP. 216–222.}

1993

Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. – М.: Институт востоковедения РАН. {Historical correspondences between Chuvash and Turkic vowels: An attempt at reconstruction and interpretation. – Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.}

1994

Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка. (Историческая фонетика, морфология и интерпретация): дис. ... докт. филол. наук. – М.: Институт языкознания РАН. {Divergent languages and the problem of the reconstruction of a protolanguage. (Historical phonology, morphology and interpretation): Dr. Habil. Thesis. – Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.}

1997

Время, отрезки времени, сезоны // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука. – С. 67–86. {Time, periods of time, seasons // A historical-comparative grammar of the Turkic languages. Lexicon / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka. – PP. 67–86.}

Металлы, обработка металлов // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука. – С. 401–413. {Metals, metalworking // A historical-comparative grammar of the Turkic languages. Lexicon / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka. – PP. 401–413.}

2002

Булгарская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука. – С. 677–712. {Bulgharic group // A historical-comparative grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka. – PP. 677–712.}

Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука. – С. 713–737. {On the update of the classification of the Turkic languages based on linguistic statistical methods as applied to morphology // A historical-comparative grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka. – PP. 713–737.}

Якутская группа // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука. – С. 661–676. {Yakut group // A historical-comparative grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka. – PP. 661–676.}

2003

Преславская надпись дунайских болгар // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура: материалы междунар. конф. – Чебоксары, 4–6 октября 2001 г. – Чебоксары. – С. 66–72. {The Preslav inscription of the Danube Bulgars // The interaction between Uralic and Altaic lan-

guages. Language and culture: International conference proceedings. – Cheboksary, October 4–6, 2001. – Cheboksary. – PP. 66–72.}

Etymological Dictionary of the Altaic Languages. – Vol. 1–3. – Leiden. (Совместно с: С.А. Старостин, А.В. Дыбо).

2005

Заметки о языке и культуре дунайских булгар // Аспекты компаративистики 1. – М.: РГГУ. – С. 83–106. {Remarks on the Danube Bulghar language and culture // Aspects of Comparative Linguistics 1. – Moscow: RGGU. – PP. 83–106.}

Развитие тюркского *а в узбекском языке // Алтайские языки и восточная филология: Памяти Э.Р. Тенишева. – М.: Восточная литература. – С. 249–257. {The development of Turkic *a in Uzbek // Altaic languages and Oriental Philology: In memoriam E.R. Tenishev. – Moscow: Vostochnaya literatura. – PP. 249–257.}

2006

Очерк пратюркского языка-основы. Фонетика // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука. – С. 9–227. {A sketch of Proto-Turkic. Phonology // A historical-comparative grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language. The world-view of the Proto-Turks based on linguistic evidence / Ed. by E.R. Tenishev, A.V. Dybo. – Moscow: Nauka. – PP. 9–227.} (Совместно с: А.В. Дыбо).

2007

Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // Аспекты алтайского языкознания. Материалы Тенишевских чтений. – М. – С. 81–103. {An Avar inscription on a vessel from the Treasure of Nagyszentmiklós // Aspects of Altaic linguistics. Proceedings of the Tenishev memorial conference-2007. – Moscow. – PP. 81–103.}

Развитие сочетаний с */ в праалтайском языке // Аспекты компаративистики 2. – М.: РГГУ. – С. 337–352. {The development of clusters with */ in Proto-Altaic // Aspects of Comparative Linguistics 2. – Moscow: RGGU. – PP. 337–352.}

2009

Классификация тюркских языков и диалектов с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике. – М.: РГГУ. {Glottochronological classification of the Turkic languages and dialects based on a questionnaire on morphology and historical phonology. – Moscow: RGGU.}

Язык во времени. Классификация тюркских языков // Лекция, прочитанная 16 апреля 2009 г. в рамках проекта «Публичные лекции “Полит.ру”». – URL: <https://polit.ru/article/2009/04/30/mudrak/> {Language in time. A classification of the Turkic languages // Lecture given within the project «Polit.ru Public Lectures» on April 16, 2009. – URL: <https://polit.ru/article/2009/04/30/mudrak/>}

2010

Интерпретация инновативных изоглосс языков и диалектов кыпчакской подгруппы // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: материалы X региональной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. – С. 134–139. {An interpretation of innovative isoglosses in Kypchak languages and dialects // Current issues in the dialectology of the languages of Russia. Proceedings of the 10th regional conference. – Ufa: Institute for History, Language and Literature of the Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences. – PP. 134–139.}

Отражение тюркских шипящих в сарыг-югурском языке // Урал-Алтай: через века в будущее: материалы IV Всероссийской научной конференции. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. – С. 205–210. {The Sarygh-Yughur reflexes of Proto-Turkic postalveolar sibilants and affricates // Ural-Altay: through the Ages into the Future. Proceedings of the 4th all-Russian conference. – Ufa: Institute for History, Language and Literature of the Ufa Research Center of the Russian Academy of Sciences. – PP. 205–210.}

Ранние хазары с точки зрения этимологии // Хазары: миф и история. – М.–Иерусалим: Мосты культуры – Gesharim. – С. 374–389. {The early Khazars from an etymological perspective // The Khazars: myth and history. – Moscow–Jerusalem: Mosty kultury – Gesharim. – PP. 374–389.}

Тюркская надпись на Батеневском алтаре // Вопросы тюркологии. – № 1. – С. 21–35. {The Turkic inscription on the Bateni altar // Issues in Turkology. – No. 1. – PP. 21–35.}

2011

Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. – Чебоксары: ЧГИГН. – С. I–XIV. {Some notes on the orthography and phonology of «Sočinenija, pri-nadležašćije k grammatike čuvašského jazyka». – Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. – PP. I–XIV.}

Система окончаний причастия на *-r* у Махмуда Кашгарского и проблема непервых гласных глагольных основ // Диалектология, история и грамматическая структура тюркских языков: сборник материалов Международной тюркологической конференции, посвященной памяти академика Д.Г. Тумашевой. – Казань: Отечество. – С. 324–327. {The participial suffix *-r* in Mahmud al-Kashgari and the problem of non-first-syllable vowels in verbal stems // Dialectology, history and grammatical structure of the Turkic languages: Proceedings of the International Turkological conference dedicated to the memory of D.G. Tumasheva. – Kazan: Otechestvo. – PP. 324–327.}

2012

Поэзия у Махмуда Кашгарского как свидетельство тюркско-монгольских языковых контактов // Вопросы тюркологии. – № 2. – С. 7–46. {Poetry in Mahmud al-Kashgari as evidence for Turkic-Mongolic linguistic contacts // Issues in Turkology. – No. 2. – PP. 7–46.}

Место башкирского языка в кыпчакской подгруппе тюркских языков // История башкирского народа. – Т. II. – Уфа: Гилем. – С. 333–339. {The place of Bashkir within Kypchak Turkic // A history of the Bashkirs. – Vol. 2. – Ufa: Ghilem. – PP. 333–339.}

2014

Классы каузативов в тюркском глаголе // Вопросы тюркологии. – № 3. – С. 16–54. {Classes of causative verbs in Turkic // Issues in Turkology. – No. 3. – PP. 16–54.}

2015

К значению одного из клише в енисейских надписях // Российская тюркология. – № 2 (13). – С. 30–37. {On the meaning of one cliché in the Yenisei inscriptions // Russian Turkology. – No. 2 (13). – PP. 30–37.}

2016

Заметки по иноязычной лексике хазарско-еврейских документов // Хазарский альманах. – Т. 14. – М.: Институт славяноведения РАН. – С. 349–379. {Notes on foreign words in the Khazar-Jewish correspondence // Khazar Almanac. – Vol. 14. – Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences. – PP. 349–379.}

Рунические заметки // Доклад на круглом столе, посвященном 95-летию со дня рождения Э.Р. Тенишева, 26 апреля 2016 г. // {Runological notes // Talk presented at the round table dedicated to the 95th anniversary of E.R. Tenishev, April 26, 2016.}

2017

Об одной из «тюркских» волн кочевников на рубеже I тысячелетия // Доклад, прочитанный на Всероссийской научной конференции «Тенишевские чтения», 23 мая 2017 г. {On one of the migration waves of the «Turkic» nomads in the late 1st millennium AD // Talk presented at the All-Russian conference «Tenishev Readings», May 23, 2017.}

Основной корпус восточноевропейской руники // Хазарский альманах. – Т. 15. – С. 296–416. {The main corpus of East European runic inscriptions // Khazar Almanac. – Vol. 15. – PP. 296–416.}

Переключки именника болгарских князей // Доклад на XXV Международной тюркологической конференции «Дмитриевские чтения», посвященной памяти Д.М. Насилова. {Parallels for the Nominalia of the Bulghar khans. Talk presented at at the 25th International Turkological conference «Dmitriev Readings», dedicated to the memory of D.M. Nasilov.}

Печенежский материал Константина Багрянородного // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В.Т. Пашуто. Материалы конференции. – М.: Институт всеобщей истории РАН. – С. 175–181. {Pecheneg data in Constantine

Porphrogenitus // Eastern Europe in the Antiquity and the Middle Ages. Proceedings of the 29th Pašuto memorial conference. – Moscow: Institute of World History of the Russian Academy of Sciences. – PP. 175–181.}

2018

Актуальные проблемы современной алтаистики и тюркологии // «Ұлы Дала» III-ші халықаралық гуманитарлық ғылымдар форумының материалдары (бірінші бөлім). – Астана: «ҒЫЛЫМ» баспасы. – Б. 19–21. {Current issues in Altaic and Turkic studies // Proceedings of the 3rd international symposium «The Great steppe». – Astana: Ǵylym. – PP. 19–21.}

К вопросу о языке I Тюркского каганата // Доклад на Всероссийской научной конференции «Тенишевские чтения», 26–28 апреля 2018 г. {On the language of the First Turkic Khaganate // Talk presented at the All-Russian conference «Tenishev Readings», April 26–28, 2018.}

Распад пратюркской общности и формирование кыпчакской подгруппы тюркских языков // Кыпчакские языки Урало-Поволжья. – Астана: «ҒЫЛЫМ» баспасы. – Б. 48–106. // The breakup of Proto-Turkic and the formation of Kypchak Turkic // Kypchak languages of the Volga-Ural region. – Astana: Ǵylym. – PP. 48–106.}

Заключение: Периодизация этапов развития башкирского языка // Кыпчакские языки Урало-Поволжья. – Астана: «ҒЫЛЫМ» баспасы. – Б. 146–155. {Conclusion: The periodization of the history of Bashkir // Kypchak languages of the Volga-Ural region. – Astana: Ǵylym. – PP. 146–155.}

2019

«Карачаевский» и «ногайский» переводы молитвы «Отче наш» в записях Ю. Клапрота // Родной язык. – № 1 (10). – С. 41–64. {The «Karachay» and «Noghay» translations of the Lord's Prayer in J. Klapproth's materials // Rodnoy yazyk. – No. 1 (10). – PP. 41–64.}

Лексические заимствования культурной лексики как свидетельство миграций носителей карачаево-балкарского языка // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию создания ИЯЛИИ им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. – С. 140–144. {Borrowing of «cultural» vocabulary as evidence for migrations of the Karachay-Balkar speakers // Turkic linguistics in the 21st century: lexicology and lexicography. Proceedings of the international conference dedicated to the 80th anniversary of Ibragimov Institute of the Tatarstan Academy of Sciences. – PP. 140–144.}

2020

Печенежские имена и названия // Хазарский альманах. – Т. 17. – С. 119–143. {Pecheneg personal and place names // Khazar almanac. – Vol. 17. – PP. 119–143.}

2021

Проблема средневековых кыпчакских памятников. Кодекс Куманикус // Доклад на конференции «Тенишевские чтения-14», посвященной 100-летию со дня рождения д.ф.н., проф., чл.-корр. РАН Эдгема Рахимовича Тенишева (20 мая 2021 г.). {The problem of medieval Kypchak monuments: the Codex Cumanicus // Talk presented at the conference «Tenishev Readings-14», dedicated to the 100th anniversary of E.R. Tenishev (May 20, 2021).}

Литература

Савельев 2021 – Савельев А.В. Старочувашский памятник с различением датива и аккузатива // Урало-алтайские исследования. – 2021. – № 1 (40). – С. 77–100. {A.V. Savelyev. An Old Written Chuvash text with a dative–accusative distinction // Ural-Altai Studies. – 2021. – No. 1 (40). – PP. 77–100.}

СИГТЯ 1997/2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 1997 (второе, дополненное издание – 2001). {A historical-comparative grammar of the Turkic languages. Lexicon / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 1997 (second, extended edition in 2001).}

СИГТЯ 2002 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Региональные реконструкции / отв. ред. Э.Р. Тенишев. – М.: Наука, 2002. {A historical-comparative grammar of the Turkic languages. Regional reconstructions / Ed. by E.R. Tenishev. – Moscow: Nauka, 2002.}

СИГТЯ 2006 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э.Р. Тенишев, А.В. Дыбо. – М.: Наука, 2006. { A historical-comparative grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language. The worldview of the Proto-Turks based on linguistic evidence / Ed. by E.R. Tenishev, A.V. Dybo. – Moscow: Nauka, 2006. }

Schott 1841 – *Schott W.* De lingua Tschuwaschorum: dissertation / scripsit Guilelmus Schott, professor Berolinensis, regiae scientiarum academia socius. – Berolini, 1841.

**Oleg A. Mudrak as a Turkologist
(on the occasion of his 60th anniversary)**

A.V. Savelyev

Moscow

Alexander V. Savelyev – PhD in Philology, Research Associate at the Department of Ural-Altaic Languages of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, e-mail: a.savelyev@iling-ran.ru.

**КРАТКИЙ ОЧЕРК НАУЧНОЙ, УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ
И ОБЩЕСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГЕННАДИЯ ЕМЕЛЬЯНОВИЧА КОРНИЛОВА
(К 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Геннадий Емельянович Корнилов – крупный ученый-филолог с широким диапазоном научных интересов и достижений в различных областях лингвистики, снискавший в таком качестве известность в России и за рубежом.

Родился 19 марта 1936 г. в с. Ивано-Кувалат Зилаирского района Башкирской АССР в семье учителя. Не очень щедрое полугодное время, на которое пришлось детство Г.Е. Корнилова, характеризовалось важным с точки зрения социализации личности качеством: дети рано выросли и становились самостоятельными. Большое влияние на формирование интересов будущего ученого оказал, в частности, богатый живописный уголок родного края. Село располагалось в южной части Урала на Зилаирском плато. Дети слушали пение чудесных птиц и бегали за зайцами, следили за прыжками и полетами белок-летяг, обмирали от неожиданности, когда из кустов выбегала лиса. Так, во время общения с неисся-

каемой «кладовой природы» шло воспитание внимания, наблюдательности, находчивости, терпеливости, проявлялись первые натуралистические интересы, формировалось умение распознавать щедрые дары родного края, узнавать и постигать смысл названий и понятий, вначале простых, затем все более сложных.

С 1943 по 1949 гг. Геннадий учился в родной Ивано-Кувалатской семилетней школе, а седьмой класс завершил в с. Бердяш. В 1950–1953 гг. он обучается в Зилаирской средней школе. После получения аттестата зрелости его направляют в Ивано-Кувалатскую семилетнюю школу учителем немецкого языка. В августе 1954 г. Геннадий Корнилов после успешной сдачи вступительных экзаменов (он набрал 24 балла из 25 возможных) становится студентом первого курса филологического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького в г. Свердловске, который был открыт Декретом Совета народных комиссаров РСФСР 19 октября 1920 г. В годы его учебы в университете работали известные всей стране ученые-филологи: автор оригинального перевода гомеровских поэм П.А. Шуйский, основатель нового направления по проблемам истории родного языка (русского уральского говора) П.М. Пашковский, бессменный руководитель топонимических экспедиций, собиратель местных географических названий на Урале и смежных с ним территориях русского Севера и Западной Сибири А.К. Матвеев. Литературовед М.А. Батин активно изучает творчество П.П. Бажова, профессор В.Л. Кругляшова возглавляет фольклорные экспедиции.

Новая интересная студенческая жизнь закружила Геннадия Емельяновича в своем водовороте. Особенно он интересовался лексикографической работой. Преподаватели большое внимание уделяли проблемам методики собирания материалов. Молодого студента привлекли говоры уральской речи, которые сложились в тесных контактах с местными финно-угорскими и тюркскими наречиями. Юноша безмерно «влюбляется» в работы профессора Александра Константиновича Матвеева, который не только на лекциях, но и во время встреч со студентами обращает особое внимание на важное значение наблюдений за процессом взаимодействия языков. Когда в 1959 г. выходит монография А.К. Матвеева «Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала», особое чувство гордости переполнило Геннадия Емельяновича. В ежегодно проводимых студенческих научных конференциях Г.Е. Корнилов принимал самое активное участие в качестве докладчика по топонимике Урала, для чего он аккуратно составлял топонимические и лексические карточки и постепенно постигал азы ономастики.

Будучи студентом, Геннадий Корнилов не только успешно учился в университете, но и был заместителем председателя туристической секции, членом профбюро факультета. Как комсомолец трижды принимал участие в уборке урожая на целине (в 1956, 1957, 1958 гг.) в качестве командира отряда, за что Указом Президиума Верховного Совета СССР 5 октября 1958 г. был удостоен правительственной награды – медали «За освоение целинных земель». По окончании вуза вместе со студентами университета работал на Всесоюзной ударной комсомольской стройке – возведении Качканарского рудообогатительного комбината – ныне гордости отечественной индустрии редкоземельных металлов.

Еще одна особенность в биографии Г.Е. Корнилова. Будучи студентом, с сентября 1956 г. по август 1957 г. он работал учителем русского языка и литерату-

ного чтения в Кашкардовской семилетней школе Башкирской АССР, где рецептивно освоил башкирский язык. Затем на четвертом курсе во время педагогической практики снова работал учителем русского языка и литературного чтения Эманинской семилетней школы Башкирской АССР.

После получения диплома о высшем образовании он работал преподавателем литературы в средней школе № 86 г. Ташкента, где интересовался проблемами тюркологии и усиленно изучал узбекский, татарский, башкирский и другие языки.

В мае 1961 г. по приглашению Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР Г.Е. Корнилов прибывает в г. Чебоксары и становится младшим научным сотрудником этого института. В сентябре того же года успешно сдает вступительные экзамены в аспирантуру Чувашского педагогического института им. И.Я. Яковлева по специальности «Чувашский язык», а приказом ректора от 5 октября его зачисляют аспирантом и назначают научного руководителя – профессора Семена Петровича Горского.

Интересен факт, что Г.Е. Корнилов при поступлении в аспирантуру представляет в качестве реферата свои реальные научно-практические наработки – результаты полевых исследований, проведенных по собственной инициативе: «Материалы для характеристики вокализма и консонантизма чувашского говора села Бердяши Зилаирского района Башкирской АССР». Итак, плодотворная работа на конкретном языковом объекте и тесное слияние учебных и научных задач в студенческие годы под руководством профессора А.К. Матвеева принесли первые плоды в исследовательской работе будущего ученого. Реферат соискателя высоко оценил профессор С.П. Горский и вместе с тем высказал ряд обстоятельных замечаний и добрых пожеланий.

Аспирантские годы пролетели незаметно. За это время Геннадий Емельянович усердно работал в архивах г. Москвы, выезжал ежегодно в экспедиции вместе со студентами. Опубликовал три статьи по теме диссертации и еще три статьи были приняты для печати. К 1 октября 1964 г. он завершил диссертацию на тему «Опыт исследования по чувашской диалектологии и болгаро-чувашской топонимике» и успешно защитил ее в 1966 г. в г. Ленинграде.

После окончания аспирантуры Г.Е. Корнилов работает старшим научным сотрудником и заведующим отделом языка Чувашского научно-исследовательского института. В октябре 1968 г. он переходит на преподавательскую работу в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова в качестве доцента кафедры русского языка.

Геннадий Емельянович Корнилов является автором теории имитативов. Основные положения имитативики в значительной своей части публиковались в сборнике «Диалекты и топонимика Поволжья» (1977–1981) и вызвали отклик этимологов и специалистов сравнительно-исторического языкознания. В 1984 г. вышла монография «Имитативы в чувашском языке» (научным редактором и автором предисловия является профессор Н.А. Баскаков), в которой на основе данных чувашского языка и в сравнении с другими родственными и неродственными языками излагаются основные положения теории имитативов, раскрывается значение имитативики в установлении этимологии слов. Согласно этой теории, первичный (непроизводный или первично-производный) корень слова по

происхождению является имитативом. Последний является не единым сложным звуком, как полагали Н.И. Ашмарин и его предшественники, а наоборот, синтаксически членимым предложением (или даже минимальным текстом). Каждый звук, составляющий имитатив, являлся не фонемой, а идеофоном со статусом члена предложения (или понятийного компонента текста). Монография Г.Е. Корнилова «Имитативы в чувашском языке» привлекла внимание ряда маститых исследователей и ведущих специалистов в этой области лингвистики. Вышел ряд рецензий, среди которых можно отметить отзывы широко известного ученого М.Р. Федотова в журнале «Советская тюркология» (1984. № 6. С. 75–77), болгарского исследователя Юлии Кириловой в журнале «Съпоставително езикознание» (XII. 1987. № 4. С. 95–97), А.П. Хузангая – «Вопросы языкознания» (1987. № 6. С. 144–146) и др.

29 марта 1990 г. Г.Е. Корнилов на заседании Специализированного совета Д 004.07.01 при Институте языкознания им. Насими АН Азербайджанской ССР защитил докторскую диссертацию.

Геннадий Емельянович Корнилов положил начало новому направлению в отечественном языкознании – радикалогии (учение о корне и отымитативном происхождении человеческой речи). Она, по убеждению ее создателя, указывает основной путь преодоления этимологического примитивизма в теории и практике современных исследований. Автор считает, что языкознание без радикалогии напоминает ботанику, изучающую наземные части растений и игнорирующую корневую систему.

Большую научную и педагогическую деятельность Г.Е. Корнилов успешно совмещает с работой над созданием учебных пособий с огромным объемом редакционной правки, активной популяризацией знаний и просвещением населения. Их число превысило второй десяток, а в сотрудничестве с математиками А.В. Мерлиным и Н.И. Мерлиной было издано 20 методических работ по математике на родном чувашском языке для учащихся 1–5 классов и учителей школ.

Геннадий Емельянович со школьных лет активно сотрудничает с газетами. Он редактировал не только классную и общешкольную газеты, но, будучи студентом Уральского университета, продолжал это трудное, полезное и всеми уважаемое дело. Не забывал он об этой точке приложения сил и потом: на страницах республиканских газет «Советская Чувашия», «Чăваш Ен», «Чебоксарские новости», «Хыпар» публикации его всегда оригинальных статей вызывали значительный интерес читателей, которые по-новому открывали для себя, казалось бы, обыденные проявления бытования языка и речи.

Невзирая на занятость научными изысканиями и преподаванием, Г.Е. Корнилов придавал важное значение работе общеуниверситетского Ученого совета, членом которого он являлся в течение многих лет, экспертных групп, совещаний по линии министерства образования, высшей школы и науки Чувашской Республики, в редколлегиях многотиражной газеты «Ульяновец» и журнала «Вестник Чувашского университета».

Поражают энциклопедические знания Г.Е. Корнилова в самых разных областях. Он – истинный филолог, прекрасно знает классическую русскую и зарубежную литературу, обладает тонким поэтическим вкусом. С Геннадием Емельяновичем можно говорить на самые разные темы, он заражает своим интересом к

проблеме, увлеченностью, энтузиазмом, по всем вопросам имеет свою оригинальную точку зрения. Геннадий Емельянович – удивительный рассказчик, человек с большим чувством юмора, прекрасный лектор и оратор.

Отличительной чертой профессора Г.Е. Корнилова является его высочайшая, доходящая в хорошем смысле до щепетильности ответственность в отношении науки. Это качество, присущее ему, поистине можно назвать служением, когда саму деятельность и ее результаты определяют не авторитеты, а истина в конечной инстанции. Именно поэтому ученый никогда не был подвержен конъюнктуре, никогда не следовал модным течениям и тенденциям, но всегда шел своим путем.

Было бы неверно представлять добрейшего и жизнерадостного, излучающего оптимизм Г.Е. Корнилова суровым рыцарем науки, закованным в броню непрекаемых истин, невозмутимого и индифферентного к окружающим. Высокая требовательность к себе, коллегам и студентам сочетается в нем с доброжелательностью, доходящей порой до проявляемой в разумных пределах снисходительности. Трудное детство и непростые годы учения оставили в душе академика неизгладимый след, и он радеет о нуждах и потребностях студентов и аспирантов, стремясь по возможности улучшить их быт и условия обучения. Г.Е. Корнилов прекрасно понимает, что дело, которому он посвятил жизнь, продолжать им – будущим профессорам и академикам.

Студенческие годы запоминаются яркими событиями, значимыми вехами на пути обретения специальности и мастерства в ней, встречами и общением с однокурсниками, преподавателями. Несомненно, для многих выпускников филологического факультета (с 2015 г. – факультет русской и чувашской филологии и журналистики) одним из наиболее ярких впечатлений о годах обучения останутся встречи в аудиториях и во внеучебной обстановке с выдающимся ученым, замечательным собеседником, обаятельным и интересным человеком – профессором Г.Е. Корниловым.

Повествование о Геннадии Емельяновиче было бы неполным без рассказа о его научно-педагогической деятельности в формате ВАКа. Г.Е. Корнилов – член двух докторских советов. Если с советом по филологическим наукам не может быть никаких сомнений – кому как не энциклопедически подготовленному и не понаслышке знающему, что такое «большая наука», Г.Е. Корнилову решать участь претендентов на ученые степени и звания, – то его работа в докторском совете по отечественной истории, этнологии и антропологии заслуживает отдельного разговора. При включении ученого в состав данного совета были учтены его широчайшая научная эрудиция, позволившая ему подняться на уровень глубоких этнографических обобщений, и безупречная научная репутация исследователя-профессионала, способного не только осуществлять, но и квалифицированно оценивать научные изыскания, точно определять уровень их глубины и качества. Г.Е. Корнилов часто и всегда эффективно выступает в роли эксперта диссертационных исследований всех уровней. Его оценки всегда корректные и взвешенные, как правило, достоверные и обоснованные, в полной мере отражают сущность содержания и построение формы представленных работ. Под руководством Г.Е. Корнилова выполнено и защищено 10 кандидатских диссертаций.

Часто в разговорах возникает вопрос: «Кто такой ученый?» На самом деле ответ неоднозначный: с одной стороны, *ученый* обладает большим объемом зна-

ний. Если молодой человек много учился, запомнил и усвоил значительный объем информации, различных сведений, то он, несомненно, человек *знающий*. Но можем ли мы называть его ученым? Конечно, нет. Ученый – это состояние души, необходимость постоянного поиска ответа на неожиданно рождающиеся вопросы, желание «докопаться» до истины, как бы далека она ни была, и поделиться ею с грамотными и знающими современниками, равнодушными и заинтересованными.

Геннадий Емельянович всю свою сознательную жизнь посвятил добыванию новых знаний для народа и общества. Для этого он отдает все: не только щедрость души, но и немалые материальные средства. Многие коллеги пользуются его домашней библиотекой, которая, несомненно, является научной лабораторией ученого с большой буквы. Со школьных лет Г.Е. Корнилов не только собирал книги, но и сумел вдохнуть в них жизнь, постоянно используя их в своей работе. Для него они – друзья, живые собеседники, а не модный интерьер квартиры.

Профессор Г.Е. Корнилов не только ученый-фанатик, но и ученый-жизнелюб. Такое сочетание дано не каждому. Не жалея сил и времени, он отдает науке свою жизнь. В то же время, отдав должное науке, немало работает в саду, ходит на рыбалку, любит собирать грибы. Такое органичное совмещение, широкий круг интересов, непосредственное общение с природой дает исследователю возможность временного отключения от волнующей его в данный момент темы научных изысканий, повышает свежесть и эффективность восприятия нового и способствует возникновению инновационных научных идей.

У Геннадия Емельяновича замечательная семья: жена, Марина Григорьевна, верный друг и помощник, трое сыновей, состоявшихся в своем деле: Андрей Геннадьевич – кандидат экономических наук, доктор географических наук, профессор Белгородского госуниверситета; Михаил Геннадьевич и Александр Геннадьевич – замечательные врачи-хирурги. Геннадий Емельянович не только любящий муж и отец, но и любимый дедушка и прадедушка.

Стать ученым непросто. Нужно всю жизнь учиться и трудиться, уметь радоваться и ошибаться, быть в состоянии преодолевать свои ошибки и признавать возможные заблуждения, открывать и мучиться в непонимании, постоянном поиске истины. Но эти непростые, тернистые пути к знанию – не мучение или наказание, а сладкая истома всей жизни ученого. Эта работа необходима ему как воздух. Без творчества и постижения нет Жизни!

*Коллектив факультета русской и чувашской филологии и журналистики
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары*

Библиография основных трудов Г.Е. Корнилова

Актуальные межсемейные этимологии имен и апеллятивов – I // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Международного симпозиума / сост. и отв. ред. А.М. Иванова, Э.В. Фомин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – С. 76–78. {Actual interfamilial etymologies of names and appellatives – I // Language contacts of peoples of Volga region and the Urals: the proceedings of the 11th International Symposium / Comp. and ed. by A.M. Ivanova, E.V. Fomin. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 2018. – PP. 76–78.}

- Актуальные межсемейные этимологии имен и апеллятивов – II / Ашмаринские чтения: сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. – С. 6–8. {Actual interfamilial etymologies of names and appellatives – II / Ashmarin's Readings: the proceedings of the 11th International Scientific Conference. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 2019. – PP. 6–8.}
- Антифрейзер или о происхождении языков // Известия НАНИ ЧР. – Чебоксары. – 2002. – № 4. – С. 116–132. {Anti-Frazier or on the genesis of languages // Bulletin of the National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic. – Cheboksary. – 2002. – No. 4. – PP. 116–132.}
- Евразийские лексические параллели: учеб. пособие: в 2 ч. – Ч. 1. – К уточнению объема и характера болгаро-чувашско-венгерских лексических параллелей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1973. – 297 с. {Eurasian lexical parallels: A manual. In 2 parts. – Part 1. – On adjustment of extent and peculiarities of Bulgar-Chuvash-Hungarian lexical parallels. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 1973. – 297 p.}
- Имитативы в чувашском языке. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. – 184 с. {Imitatives in the Chuvash language. – Cheboksary: Chuvash publishing house, 1984. – 184 p.}
- Инверсионный «Алфавит чувашских мужских языческих имен» – 1: словарь. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2002. – 100 с. (соавтор: А.А. Леонтьева). {An inversive «Alphabet of Chuvash pagan male names» – 1: a dictionary. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 2002. – 100 p. (co-author: A.A. Leontiyeva)}
- Историко-этимологические исследования топонимии Чувашского Поволжья и смежных регионов // Известия НАНИ ЧР. – 1997. – № 1. – С. 67–82; – 1999. – № 2. – С. 67–81; – 2000. – № 3. – С. 144–175. {Historical and etymological research of toponymy of the Chuvash Volga region and its neighbor regions // Bulletin of the National Academy of Sciences and Arts of the Chuvash Republic. – 1997. – No. 1. – PP. 67–82; – 1999. – No. 2. – PP. 67–81; – 2000. – No. 3. – PP. 144–175.}
- Исторический словарь топонимов Симбирской губернии (1859–1913 гг.) / сост. Г.Е. Корнилов, М.В. Молниева, А.А. Обжогин. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – 288 с. {A historical dictionary of toponyms of the Simbirsk Governorate (1859–1913) / Comp. by G.Ye. Kornilov, M.V. Molniyeva, A.A. Obzhogin. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 2016. – 288 p.}
- К вопросу о залогах в чувашском языке. Пассив и рефлексив // Чувашский язык и литература. – Чебоксары, 1975. – С. 44–61 (Труды / НИИ при СМ ЧАССР. – Вып. 59). {To the matter of voice in the Chuvash language. Passive and reflexive voices // Chuvash language and literature. – Cheboksary, 1975. – PP. 44–61 (Works / Scientific and Research Institute under the Council of Ministers of the Chuvash ASSR. – Issue 59).}
- Каузативы и антикаузативы в чувашском языке // Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив. – Ленинград, 1969. – С. 238–259 (соавторы: А.А. Холодович, В.С. Храковский). {Causatives and anti-causatives in the Chuvash language // Typology of causative constructions: morphological causative. – Leningrad, 1969. – PP. 238–259 (co-authors: A.A. Kholodovich, V.S. Khrakovskiy).}
- О составе фонем и их аллофонах в системе диалектов чувашского языка // Вопросы языкознания. – 1964. – № 4. – С. 99–108. {To the list of phonemes and their allophones in the system of Chuvash dialects // Issues of linguistics. – 1964. – No. 4. – PP. 99–108.}
- О типах топонимов в агглютинативных языках // Вопросы языкознания. – 1967. – № 1. – С. 121–128. {On the types of toponyms of agglutinative languages // Issues of linguistics. – 1967. – No. 1. – PP. 121–128.}
- Об отымитативном происхождении языка: конспект лекции по общему языкознанию. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1991. – 12 с. {On the imitative nature of language: general linguistics lecture notes. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 1991. – 12 p.}
- Ономы в языке и речи // Actes du XI Congrès International des sciences onomastiques I. – Sofia, 1974. {Onomata in language and speech // Proceedings of the 11th International congress of onomastic sciences I. – Sofia, 1974.}
- Прямой и инверсионный словари комонимов Казанской губернии. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. – 708 с. (соавторы: С.В. Колесникова, А.А. Леонтьева). {Straight and reversed dictionaries of comonyms of the Kazan Governorate. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 2004. – 708 p. (co-authors: S.V. Kolesnikova, A.A. Leontiyeva)}

- Радикология: опыт манифестации // Известия АН ЧР. Гуманитарные науки. – 1993. – № 1. – Вып. 1. – С. 51–73; – 1996. – № 2. – С. 92–106. {Radixology: an attempt at manifestation // Bulletin of the Academy of Sciences of the Chuvash Republic. Humanities. – 1993. – No. 1. – Issue 1. – PP. 51–73; – 1996. – No. 2. – PP. 92–106.}
- Раритетные этимологии // Актуальные проблемы филологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти акад. М.М. Михайлова. – Чебоксары, 2005. – С. 35–40. {Some rare etymologies // Topical issues of philology: proceedings of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the memory of M.M. Mikhaylov. – Cheboksary, 2005. – PP. 35–40.}
- Словарь русских говоров Чувашской Республики. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 228 с. (соавторы: С.В. Колесникова, Л.В. Лотря). {A dictionary of Russian dialects of the Chuvash Republic. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 2003. – 228 p. (co-authors: S.V. Kolesnikova, L.V. Lotrya)}
- Топонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия): А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 1999 – № 1–2. – С. 86–95; – 2000. – № 1–2. – С. 147–160; – 2001. – № 1–2; – С. 158–175; – 2002. – № 1. – С. 164–186; – 2003. – № 1. – С. 192–210; – 2004. – № 1. – С. 116–150; – 2005. – № 1. – С. 140–192; – 2005. – № 3. – С. 238–243; – 2006. – № 1. – С. 207–227; – 2006. – № 3. – С. 232–234; – 2006. – № 4. – С. 438–448; – 2006. – № 5. – С. 125–132; – 2006. – № 6. – С. 235–242; – 2006. – № 7. – С. 137–143; – 2007. № 1. – С. 229–233; – 2007. – № 3. – С. 171–175; – 2008. – № 1. – С. 179–183; – 2008. – № 3. – С. 158–163; – 2008. – № 4. – С. 209–216; – 2009. – № 1. – С. 241–247; – 2009. – № 3. – С. 245–251; – 2009. – № 4. – С. 241–246; – 2010. – № 1. – С. 205–211; – 2010. – № 2. – С. 184–187; – 2010. – № 4. – С. 211–217; – 2011. – № 1. – С. 240–243; – 2011. – № 2. – С. 319–323; – 2011. – № 4. – С. 265–268. {Toponymy of the republics of the Volga region (Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia): the geographical names, beginning with A // Bulletin of the Chuvash University. – 1999 – No. 1–2. – PP. 86–95; – 2000. – No. 1–2. – PP. 147–160; – 2001. – No. 1–2; – PP. 158–175; – 2002. – No. 1. – PP. 164–186; – 2003. – No. 1. – PP. 192–210; – 2004. – No. 1. – PP. 116–150; – 2005. – No. 1. – PP. 140–192; – 2005. – No. 3. – PP. 238–243; – 2006. – No. 1. – PP. 207–227; – 2006. – No. 3. – PP. 232–234; – 2006. – No. 4. – PP. 438–448; – 2006. – No. 5. – PP. 125–132; – 2006. – No. 6. – PP. 235–242; – 2006. – No. 7. – PP. 137–143; – 2007. No. 1. – PP. 229–233; – 2007. – No. 3. – PP. 171–175; – 2008. – No. 1. – PP. 179–183; – 2008. – No. 3. – PP. 158–163; – 2008. – No. 4. – PP. 209–216; – 2009. – No. 1. – PP. 241–247; – 2009. – No. 3. – PP. 245–251; – 2009. – No. 4. – PP. 241–246; – 2010. – No. 1. – PP. 205–211; – 2010. – No. 2. – PP. 184–187; – 2010. – No. 4. – PP. 211–217; – 2011. – No. 1. – PP. 240–243; – 2011. – No. 2. – PP. 319–323; – 2011. – No. 4. – PP. 265–268.}
- Хрестоматия русских говоров Чувашской Республики. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. – 400 с. (соавторы: С.В. Колесникова, Л.В. Лотря). {A reader of Russian dialects of the Chuvash Republic. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 2003. – 400 p. (co-authors: S.V. Kolesnikova, L.V. Lotrya)}
- Этимология кононима Акаев юрт (Башкортостан) // News of science: Proceedings of materials the international scientific conference. Czech Republic, Karlovy Vary – Russia, Moscow, 30–31 August 2015 [Electronic resource] / Ed. by N.P. Nesgovorova, M.R. Jakimov, V.A. Gureva, O.L. Rybakovskij. – Electron. txt. d. (1 файл 8,1 MB). – Karlovy Vary: Skleněný Můstek – Kirov: MCNIP, 2015. – С. 281–292. – 1 elektr. otpt. drive (CD-ROM). {On etymology of comonym *Akayev yurt* (Bashkortostan) // News of science: Proceedings of materials the international scientific conference. Czech Republic, Karlovy Vary – Russia, Moscow, August 30–31, 2015 [Electronic resource] / Ed. by N.P. Nesgovorova, M.R. Yakimov, V.A. Guryeva, O.L. Rybakovskiy. – Electron. txt. d. (1 file 8,1 MB). – Karlovy Vary: Skleněný Můstek – Kirov: MCNIP, 2015. – PP. 281–292. – 1 elektr. otpt. drive (CD-ROM).}
- Этимология. Лингвистические исследования, критика и обобщения. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. – 232 с. {Etymology. Linguistic research, critique and synthesis. – Cheboksary: The publishing house of Chuvash State University, 2018. – 232 p.}
- Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия): А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 1. – С. 232–240; – 2012. – № 2. – С. 282–287; – 2012. – № 4. – С. 251–256; – 2013.

– № 1. – С. 152–158; – 2013. – № 2. – С. 183–187; – 2013. – № 4. – С. 230–235; – 2014. – № 1. – С. 118–125; – 2014. – № 3. – С. 84–89; – 2014. – № 4. – С. 161–165; – 2015. – № 2. – С. 165–173; – 2015. – № 4. – С. 247–251; – 2016. – № 2. – С. 199–206; – 2016. – № 4. – С. 211–219; – 2017. – № 2. – С. 229–235; – 2017. – № 4. – С. 279–285; – 2018. – № 2. – С. 245–252; – 2018. – № 4. – С. 265–271; – 2019. – № 2. – С. 69–77. {Ethnotoponymy of the republics of the Volga region (Bashkortostan, Komi, Mari El, Mordovia, Tatarstan, Udmurtia, Chuvashia): the geographical names, beginning with A // Bulletin of the Chuvash University. – 2012. – No. 1. – PP. 232–240; – 2012. – No. 2. – PP. 282–287; – 2012. – No. 4. – PP. 251–256; – 2013. – No. 1. – PP. 152–158; – 2013. – No. 2. – PP. 183–187; – 2013. – No. 4. – PP. 230–235; – 2014. – No. 1. – PP. 118–125; – 2014. – No. 3. – PP. 84–89; – 2014. – No. 4. – PP. 161–165; – 2015. – No. 2. – PP. 165–173; – 2015. – No. 4. – PP. 247–251; – 2016. – No. 2. – PP. 199–206; – 2016. – No. 4. – PP. 211–219; – 2017. – No. 2. – PP. 229–235; – 2017. – No. 4. – PP. 279–285; – 2018. – No. 2. – PP. 245–252; – 2018. – No. 4. – PP. 265–271; – 2019. – No. 2. – PP. 69–77.}

**A brief view of scientific, pedagogical and social work
of Gennadiy Yemeliyanovich Kornilov (to his 85th anniversary)**

The staff of the Faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism

I.N. Ulyanov Chuvash State University

Cheboksary

**А.М. МУРТАЗАЛИЕВ – ПЕРВЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ
ЛИТЕРАТУРЫ ДАГЕСТАНСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
(К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Исполнилось 70 лет со дня рождения Ахмеда Магомедовича Муртазалиева, известного ученого, доктора филологических наук, члена Российского комитета тюркологов при ОИФН РАН, заведующего отделом литературы ИЯЛИ ДФИЦ РАН и Центра по изучению литературного наследия поэта Расула Гамзатова

Ахмед Магомедович Муртазалиев родился 4 октября 1951 г. в селе Верхний Дженгутай Буйнакского района ДАССР. После службы в рядах Советской армии (1969–1971) работал на производстве. В 1978 г. окончил филологический факультет Дагестанского государственного университета, в 1990 г. – аспирантуру при Институте национальных проблем образования (г. Москва). В 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию «Изучение поэзии Расула Гамзатова в аварской школе», в 2007 г. – докторскую диссертацию «Литература дагестанской диаспоры Турции: генезис и художественное своеобразие». Доктор филологических наук. В 1980–1991 гг. работал методистом, заведующим кабинетом родных языков и литератур Дагестанского института усовершенствования учителей, в 1991–

2000 гг. – старшим научным сотрудником Дагестанского научно-исследовательского института педагогики им. А.А. Тахо-Годи. С 2000 г. по настоящее время работает в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. В 2001 г. был избран на должность заведующего отделом литературы, с 2005 г. по настоящее время по совместительству заведует центром по изучению литературного наследия Р. Гамзатова. За период работы в Институте А.М. Муртазалиев проявил себя квалифицированным научным сотрудником и организатором научного процесса в отделе и центре. Основные направления научной деятельности: история дагестанской и аварской литературы, словесной культуры дагестанского зарубежья, дагестанско-турецкие межкультурные и межлитературные связи, проблемы текстологии и др.

А.М. Муртазалиев является основоположником нового направления в дагестанском литературоведении – литературы дагестанского зарубежья. В течение ряда лет он успешно занимается исследованием проблем возникновения, формирования и современного состояния дагестанской литературной диаспоры за рубежом, в частности в Турции. Исследования А.М. Муртазалиева вносят серьезный вклад в освещение истории и теории дагестанских литератур вводом в научный оборот ранее неизвестных материалов, представляющих общекультурные ценности народов Дагестана.

На протяжении многих лет Муртазалиев А.М. работал над темой «Литература дагестанской диаспоры за рубежом», которая требовала знания иностранных языков и была связана с трудностями поисковой источниковой базы и длительными командировками за рубеж (Турция).

В 2006–2008 гг. участвовал в коллективном гранте «Дагестан в контексте русско-европейских и русско-восточных историко-культурных связей XVIII–XX вв.».

Руководство коллективной темой «История литератур народов Дагестана», составление статей для энциклопедического справочника «Дагестан», участие в федеральной программе «Интеграция», в рамках которой прочитан спецкурс «Литература дагестанского зарубежья» на кафедре иранской и турецкой филологии ДГУ, разработка учебно-методической литературы для национальной школы, составление «Русско-турецкого словаря филологических терминов», редактирование «Турецко-аварско-русского словаря» (Стамбул), издание библиографического справочника «Писатели дагестанского зарубежья» – все это является только лишь некоторыми страницами из научной деятельности А.М. Муртазалиева.

Муртазалиев А.М. постоянно принимает участие в подготовке и проведении Международных Гамзатовских чтений «Белые журавли» – символ печали и вечной памяти.

По результатам исследований А.М. Муртазалиевым издано более 300 научных трудов и публикаций, в числе которых наиболее значительными являются статьи, опубликованные в Анкаре, Стамбуле, Баку, Владикавказе, Грозном, Москве, Магасе, Майкопе, Тюмени, Тобольске, Черкесске. Выступал с докладами на различных международных, всероссийских и региональных конференциях.

А.М. Муртазалиев является обладателем двух грантов: РФФИ (2013) и Главы Республики Дагестан (2019).

А.М. Муртазалиев состоит членом ученого совета ИЯЛИ им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН, Дагестанского научно-исследовательского института педагогики

им. А.А. Тахо-Годи, входит в состав редакционной коллегии Вестника Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. Член Российского комитета тюркологов при Отделении историко-филологических наук Российской академии наук (РАН). Член Общественной редакции журнала «Евразийские исследования» Каратекинского университета (Турция).

Заметный вклад А.М. Муртазалиев в развитие школьного образования республики. Он автор учебников по аварскому языку для 5, 8–9 классов, по аварской литературе для 9 класса.

А.М. Муртазалиев принимает активное участие в общественной жизни республики: является членом Совета при Главе Республики Дагестан по развитию гражданского общества и правам человека.

***Абдуллабекова Умсалимат Багаутдиновна**
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук*

***Алишина Ханиса Чавдатовна**
доктор филологических наук, профессор, почетный член АН РТ,
директор Центра тюркологии ТюмГУ*

**Библиография основных трудов А.М. Муртазалиева
(в области тюркологии и связанных с тюркологической проблематикой)**

- Турецкие источники о Мухаммад-Амине // Мухаммад-Амин и народно-освободительное движение народов Северо-Западного Кавказа в 40–60 гг. XIX века. Сборник документов и материалов / Сост. А.В. Магомеддаев. – Махачкала, 1998. {Turkish sources on Muhammad-Amin // Muhammad-Amin and people's liberation movement of folks of the North-Western Caucasus in 1840s–1860s. A compendium of documents and materials / Ed. by A.V. Magomeddadayev. – Makhachkala, 1998.}
- Основные принципы художественного перевода произведений Якуба Занкиева // Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири: тюркские народы». – Тобольск–Омск: ОмГПУ, 2002. {The main principles of literary translation of Yakub Zankiyev works // Proceedings of the 4th Siberian symposium «Culture heritage of peoples of Western Siberia: the Turkic peoples». – Tobolsk–Omsk: The publishing house of Omsk State Pedagogical University, 2002.}
- Тема мухажирства в дагестанских письменных источниках второй половины XIX века // Вестник кафедры литератур народов Дагестана и Востока. – Махачкала, 2002. – Вып. 2. {The phenomenon of Muhajirun in written sources of Dagestan of the second half of the XIXth century // Bulletin of the Chair of literatures of peoples of Dagestan and Orient. – Makhachkala, 2002. – Issue 2.}
- Творчество Мурад-бея Мизанджи (Х.-М. Амирова) в контексте литературы дагестанской диаспоры Турции (вторая половина XIX – начало XX века). – Махачкала: Издательский дом «Эпоха», 2004. – 318 с. {Murad-bey Mizandzhi's (Kh.-M. Amirov's) work in the context of literature of Dagestan diaspora in Turkey (second half of the XIXth – beginning of the XXth century). – Makhachkala: «Epocha» Publishing house, 2004. – 318 p.}
- Национальное литературоведение: история и современность // Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы вчера, сегодня, завтра. – Махачкала, 2004. {The national literary studies: history and modernity // G. Tsadasa Institute for Language, Literature and Art studies: yesterday, today, tomorrow. – Makhachkala, 2004.}
- Писатели дагестанского зарубежья. Библиографический справочник. – Махачкала: Издательство «Эпоха», 2006. – 102 с. {Writers of the Dagestani foreign diaspora. A bibliographical handbook. – Makhachkala: «Epocha» Publishing house, 2006. – 102 p.}

- Инонациональные традиции в духовной поэзии Омархаджи Зиявудина Дагестани // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2006. – № 23. {Foreign national traditional in spiritual poetry of Omarhaji Ziyavudin Daghestani // Bulletin of Daghestani scientific centre of the Russian Academy of Sciences. – 2006. – No. 23.}
- Восток и Запад в исторических судьбах дагестанской культуры, Гамзатов Г.Г., Шихсаидов А.Р., Магомедов А.Д. и др. // Словесная культура Дагестана: логика формирования, опыт тысячелетия. – Махачкала, 2006. – С. 152–230. {The East and the West in historic destinies of the Daghestani culture, G.G. Gamzatov, A.R. Shikhsaidov, A.D. Magomedov *et al.* // The verbal culture of Daghestan: the basics of formation, the experience of chiliar. – Makhachkala, 2006. – PP. 152–230.}
- Литература дагестанской диаспоры Турции: вторая половина XIX – XX в. – Махачкала, 2006. – 389 с. {Literature of the Daghestani diaspora in Turkey: second half of the XIXth – XXth centuries. – Makhachkala, 2006. – 389 p.}
- Поверните мою голову к Кавказу, Джафер Бардас. – Ялова (Турция), 2006. – На турец. и авар. яз. {Turn my head to the Caucasus, Cafer Bardas. – Yalova (Turkey), 2006. – In Turkish and Avar.}
- Литература дагестанской диаспоры Турции: генезис и художественное своеобразие: дис. ... докт. филол. наук. – Махачкала, 2007. – 373 с. {Literature of the Daghestani diaspora in Turkey: genesis and artistic peculiarity: Ph.D. thesis. – Makhachkala, 2007. – 373 p.}
- Историческая и социально-культурная характеристика дагестанской диаспоры Турции (вторая половина XIX – начало XX века) // Горизонты современного гуманитарного знания. Сборник статей к 80-летию академика Г.Г. Гамзатова. – Москва, 2008. – С. 754–761. {Historical and socio-cultural features of the Daghestani diaspora in Turkey (second half of the 19th–the beginning of the XXth century) // Horizons of modern humanitarian knowledge. A compendium of articles dedicated to the 80th anniversary of Academician G.G. Gamzatov. – Moscow, 2008. – PP. 754–761.}
- Писатели дагестанского зарубежья. Библиографический справочник. – Махачкала, 2012. {Writers of the Daghestani foreign diaspora. A bibliographical handbook. – Makhachkala, 2012.}
- Дагестанско-турецкие литературные связи // Истоки. Традиции. Типы контактов. – Махачкала, 2012. {The Daghestani-Turkish literary ties / A.M. Murtagaliev // Origins. Traditions. The types of contacts. – Makhachkala, 2012.}
- Поэзия Расула Гамзатова в турецких переводах (из опыта Мухамада Расиха Саваша) // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2012. – № 1. – С. 54–60. {Poetry of Rasul Gamzatov in Turkish translation (from the experience of Muhamad Rasih Savash[Mehmet / Mehmed Rasih Savaş]) // Bulletin of G. Tsadasa Institute for Language, Literature and Art studies. – 2012. – No. 1. – PP. 54–60.}
- Влияние турецкого языка на изменение в речи анатолийских аварцев // Актуальные проблемы современной филологии. Материалы Научно-практической конференции. – 2013. – С. 102–106. {The influence of Turkish on changes in speech/spoken language of the Anatolian Avars // Topical issues of modern philology. Proceedings of the Fundamental and Applied Sciences Conference. – 2013. – PP. 102–106.}
- Поэзия Расула Гамзатова в турецких переводах // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. – 2013. – № 4. – С. 79–85. {Poetry of Rasul Gamzatov in Turkish translations // Bulletin of G. Tsadasa Institute for Language, Literature and Art studies. – 2013. – No. 4. – PP. 79–85.}
- Османские архивы о Дагестане // Вестник Ингушского НИИГИ им. Ч.Э. Ахриева. – Магас, 2018. – № 4. – С. 48–53. {The Ottoman Archives and Daghestan // Bulletin of the Ingush Scientific Research Institute for Humanities named after Ch.E. Akhriyev. – Magas, 2018. – No. 4. – PP. 48–53.}
- Муртазалиев А.М., Мухамедова Ф.Х., Набигулаева М.Н. Восточные (турецкие) заимствования в поэзии Махмуда из Кахабросо // Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). – Тамбов: Грамота, 2018. – № 6. – Ч. 1. – С. 33–36. {A.M. Murtagaliev, F.H. Mukhamedova, M.N. Nabigulaeva. The Eastern (Turkish) borrowings in the poetry of Mahmoud from Kakhabroso // Philological Sciences. Philology. Theory & Practice. – Tambov: Gramota, 2018. – No. 6. – Part 1.}
- Книга Р. Гамзатова «Мой Дагестан» на турецком языке: проблема адекватности художественного перевода, Ф.Х. Мухамедова // Мир науки, культуры, образования. – 2019. – № 1 (74). – С. 446–448. {The book of R. Gamzatov «My Daghestan» in Turkish: the issue of adequacy of the literary translation, F.Kh. Mukhamedova // The world of science, culture, and education. – 2019. – No. 1 (74). – PP. 446–448.}

**A.M. Murtazaliev – the first researcher of literature
of Dagestan abroad
(to his 70th anniversary)**

U.B. Abdullabekova, Kh.Ch. Alishina

Makhachkala, Tyumen

Abdullabekova Umsalimat Bagautdinovna - PhD in Philology, Researcher Institute of Language, Literature and Art named after G. Tsadasa Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

Alishina Khanisa Chavdatovna - Doctor of Philology, Professor, Honorary Member of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Director of the Center of Turkology of TSU

НЕКРОЛОГИ

АЙДЕР МЕМЕТОВ¹ **(22.03.1944 – 27.01.2022)**

Ушел из жизни доктор филологических наук, профессор, основатель факультета крымскотатарской и восточной филологии, заведующий кафедрой восточной филологии Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, заслуженный работник народного образования Украины Меметов Айдер Меметович.

Айдер Меметов – основатель научной школы крымскотатарского языкознания, автор множества монографий, школьных учебников, научных статей. В марте ему должно было исполниться 78 лет.

¹ По просьбе редакции некролог составила Селендили Лемара Сергеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп) ФГАОУ ВО КФУ им. В.В. Вернадского.

За заслуги в сфере образования и науки А.М. Меметов:

1990 г. – награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Узбекистана;

1995 г. – присвоено почетное звание «Заслуженный работник народного образования Украины»;

2003 г. – лауреат премии Верховного Совета АРК за монографию «Лексикология крымскотатарского языка»;

2006 г. – лауреат премии им. В.И. Вернадского;

2008 г. – награжден грамотой Национальной академии педагогических наук Украины;

2009 г. – награжден орденом «За заслуги III степени».

Профессор А.М. Меметов имеет звания академика Крымской академии наук, академика Международной академии информатизации, академика Международной академии «Достояние».

А.М. Меметов – член редколлегии научного журнала ВАК РФ «Ученые записки КФУ им. В.И. Вернадского. Филологические науки»; член редколлегии научного сборника «Булат Сулейманов – основоположник литературы сибирских татар», г. Тюмень; член экспертного совета по целевому конкурсу проектов междисциплинарных исследований 2016 г. «Крым в истории, культуре и экономике России»; член регионального экспертного совета Российского государственного научного фонда в Республике Крым; член экспертного совета РГНФ, г. Москва; член экспертного совета при Госсовете Республики Крым по присуждению грантов молодым ученым и премий студентам и аспирантам; член Российского комитета тюркологов, г. Москва; член редакционного совета научного журнала «Российская тюркология», г. Москва.

Научная школа крымтатарологии и востоковедения, основанная Айдером Меметовым, занимается исследованием актуальных проблем грамматического строя крымскотатарского языка, его истории, диалектов, стилистики. Особое место занимает формальное и прикладное описание проблем крымскотатарского языкознания, сопоставительный анализ грамматической структуры крымскотатарского и славянских, романо-германских языков. Кроме того, ведется изучение проблем филологии стран Ближнего и Среднего Востока (турецкий, арабский, персидский языки).

История научной школы начинается в 1990 г. с открытия на филологическом факультете Симферопольского госуниверситета (позже Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, ныне Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского) отделения крымскотатарского языка и литературы, а позже – факультета крымскотатарской и восточной филологии. Реализация идеи создания научной школы стала возможной только в 1992 г. в связи с переездом Айдера Меметова – первого доктора филологических наук по крымскотатарскому языкознанию – на свою историческую Родину в Крым.

С 2009 по 2013 гг. – Айдер Меметов возглавил Научно-исследовательский центр истории, языка и литературы крымских татар им. Бекира Чобан-заде. Наряду с подготовкой педагогических кадров для школ и вузов Крыма А.М. Меметов создал ряд учебников по крымскотатарскому языку с 5 по 11 классы включительно, которые регулярно переиздаются. За 47 лет своей педагогической дея-

тельности им подготовлено более двух тысяч учителей крымскотатарского языка и литературы, которые работают в сфере народного образования, а также в средствах массовой информации.

За годы научно-образовательной деятельности Айдером Меметовым было написано более 150 научных трудов: монографий, учебников и учебных пособий, словарей и научных статей. Профессора Айдера Меметова и его труды знают далеко за пределами Крыма. Учениками А. Меметова опубликовано около 400 научных статей в журналах ВАК Украины, Азербайджана, Турции, России, в базах РИНЦ и EBSCO, реализовано более 45 научных проектов при финансовой поддержке различных фондов: Сороса, Карнеги, ГФФИ Украины, РГНФ, издано 10 монографий, защищены 14 кандидатских диссертаций, 1 докторская диссертация.

В нашей памяти Айдер Меметович Меметов навсегда останется светлым, добрым и ярким человеком, талантливым ученым и творческой личностью, безмерно любившим свой народ и свою малую родину Крым.

Приносим свои искренние соболезнования родным и близким Айдера Меметовича.

*Коллектив Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского*

ПАМЯТИ НИНЫ МИХАЙЛОВНЫ КИНДИКОВОЙ¹
(18.02.1953 – 14.01.2022)

На 69-м году ушла из жизни Нина Михайловна Киндикова, известный российский ученый, педагог, доктор филологических наук, профессор Горно-Алтайского государственного университета. Нина Михайловна родилась в с. Талда Онгудайского района Республики Алтай (РА). Она училась в Куладинской восьмилетней, затем – в областной национальной средней школах. В 1977 г. окончила алтайское отделение историко-филологического факультета Горно-Алтайского государственного педагогического института. В 1979 г. Нина Михайловна получила приглашение на работу в Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы в качестве младшего

¹ По просьбе редакции некролог составила Ойноткинова Надежда Романовна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник ИФЛ СО РАН.

научного сотрудника сектора литературы. В 1983 г. она поступила в аспирантуру Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва) и в 1987 г. защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук под руководством д. ф. н., профессора Н.С. Надъярных по теме «Традиции и новаторство современной алтайской лирической поэзии». С 1979 по 1997 гг. Нина Михайловна работала в Институте гуманитарных исследований и Горно-Алтайском филиале московского Института национальных проблем образования МО РФ. В 1993 г. Нина Михайловна была приглашена на кафедру алтайского языка и литературы Горно-Алтайского государственного университета (ГАГУ) на должность доцента для чтения лекций по истории алтайской литературы, методике ее преподавания и проведения спецкурсов по проблемам художественного и научного перевода. В 2001 г. Н.М. Киндикова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук в ИМЛИ им. А.М. Горького РАН по теме «Алтайская лирика: этно-эстетический генезис, поэтика, искусство перевода». В 2005 г. ей было присвоено звание профессора. Будучи преподавателем кафедры алтайской филологии и востоковедения, она активно сотрудничала с Научно-исследовательским институтом алтаистики им. С.С. Суразакова. В академическом издании «История алтайской литературы» ею подготовлен раздел «Алтайская литература XX века». Являлась руководителем ряда проектов по республиканской программе «Развитие алтайского языка»: подготовка учебного пособия «История алтайской литературы», словаря литературоведческих терминов на алтайском языке.

Н.М. Киндикова внесла весомый вклад в развитие науки и образования Республики Алтай. В журналах и научных сборниках ею опубликовано более 300 статей. Основные теоретические разработки опубликованы в 13 монографиях. К числу основных относятся монографии: «Эволюция образной системы в алтайской лирике» (1989), «Раздумья об алтайской литературе» (1992) в соавторстве, «Поэтика современной алтайской лирики» (1994), «Алтайская литература в новом прочтении» (1998), «Алтайская литература в контексте тюркоязычных литератур Сибири» (2001), «Проблемы алтайской лирики. Генезис. Поэтика. Искусство перевода» (2003), «Алтайская литература: проблемы и суждения» (2008).

За многие годы научно-педагогической деятельности она проявила свои организаторские способности. Пунктуальность, деловитость и энергичность ее не остались незамеченными. Обладая задатками лидера, смелого и творческого человека, готового брать на себя ответственность, она стала руководителем авторских коллективов, работавших над «Словарем литературоведческих терминов» (2006) на алтайском языке, изданием «Истории алтайской литературы» (2008) в двух частях на алтайском языке, а также учебно-методических пособий, программ и учебников для школ Республики Алтай и для вузов Сибири, России. Она является соавтором «Истории алтайской литературы в 2-х книгах» (2004), энциклопедического словаря «Литературы народов России. XX век» (М.: Наука, 2006), учебного пособия «Литература народов России. Под ред. Р. Хайруллина, Т. Зайцевой» (М.: ИНФРА, 2016).

Н.М. Киндиковой проведена серия научно-практических конференций по проблемам художественного перевода, а также по исследованию судьбы и литературного наследия алтайских писателей. В поле научных интересов исследова-

теля входили проблемы взаимодействия алтайской литературы с литературами других тюркских народов. Достаточно обратить внимание на названия изданных сборников: «Тюркоязычные литературы Сибири: проблемы художественного перевода» (2004), «Перевод тюркских литератур Сибири: теория и практика» (2005), «Взаимоперевод национальных литератур: сохранение этнокультурных особенностей» (2014), «Судьба и наследие репрессированных: взгляд из будущего» (2010), «Судьба и наследие писателей фронтовиков: взгляд в биографию» (2015). Исследования ученого по вопросам периодизации тюркских литератур Сибири, в том числе алтайской, получили высокую оценку в научной среде и внесли неопределимый вклад в развитие алтайского литературоведения.

Как постоянный член Экспертного совета при Министерстве образования, науки и молодежной политики, член терминологической комиссии при Правительстве Республики Алтай Нина Михайловна имела активную позицию по развитию алтайского языка. Совместно с другими авторами она разрабатывала концепцию развития национальных школ Республики Алтай (1993), в которой был выработан стандарт образования по литературе в национальных школах. Н.М. Киндикова является автором 4 учебников, 5 хрестоматий для алтайских школ, ею разработаны школьные программы по алтайской литературе по ФГОС нового поколения, а также подготовлены УМК по алтайской литературе для 8 и 11 классов и составлена хрестоматия «Алтайская литература» (2007) для русскоязычных учащихся РА. За создание комплектов учебников, учебно-методических пособий, оригинальных авторских образовательных программ и практическое использование их в учебном процессе Н.М. Киндикова получила Благодарственное письмо Министерства образования Российской Федерации (2003).

Ученый-литературовед вела большую общественную работу, принимала активное участие в деле сбора и пропаганды памятников алтайской литературы. Ее заслуги в области науки, культуры и образования высоко оценены Правительством Республики Алтай. Была награждена Почетными грамотами Эл-Курултай РА (1996, 2003) и Почетными грамотами Министерства образования и науки РА за многолетнюю работу по созданию методических пособий, программ, учебников по алтайской литературе (2003, 2005), Почетной грамотой Министерства образования Республики Тыва (2013), Благодарственным письмом Министерства образования Российской Федерации (2003). В 2006 г. Н.М. Киндиковой присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля науки РА», «Заслуженного работника высшего профессионального образования РФ» (2006). Имя ученого достойно вошло в энциклопедии: «Сибирь в лицах» (Новосибирск, 2001), «Люди эпохи XX века» (Горно-Алтайск, 2002).

Н.М. Киндикова осуществляла большую научно-методическую работу в районах Республики Алтай, являлась постоянным консультантом, востребованным учителями. Охотно делилась опытом с молодыми преподавателями, учителями РА в рамках лекционных и семинарских занятий при ИПКиППРО РА. Нина Михайловна заботилась и о смене, она заложила основу научной школы «Типологическое исследование истории и культуры тюрко-монгольских народов», под ее руководством защищены 3 диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, проводили исследования магистранты и студенты факультета алтаистики и тюркологии. Как одна из ведущих специалистов по алтайской

литературе, она много раз выступала официальным оппонентом кандидатских и докторских диссертаций, являлась членом специализированных диссертационных советов по защитах кандидатских и докторских диссертаций в Абакане, Улан-Удэ, Якутске, членом Российского комитета тюркологов (г. Москва), входила в редколлегии научных журналов «Филология и человек» (г. Барнаул), «Центр Азии» (г. Семипалатинск), «Центрально-Азиатские исследования» (г. Кызыл).

Нужно отметить и другие виды научной деятельности Н.М. Киндиковой, как, например, чтение лекций не только в родном университете, но и в вузах других регионов: для преподавателей и студентов Стерлитамакского филиала Башкирского госуниверситета, Тувинского госуниверситета, для ученых ТИГИ, ХакНИИЯЛИ, лекций для башкирских стажеров Горно-Алтайска, а также для сотрудников НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова, Института повышения квалификации и переподготовки профессиональных работников образования РА.

Прекрасные профессиональные и человеческие качества, принципиальность и требовательность к себе, доброжелательность, порядочность и честность, педагогический и научный таланты позволили Нине Михайловне заслужить уважение со стороны учеников, коллег и всего научного сообщества. Ушла из жизни видный ученый, замечательный педагог, добрый и отзывчивый человек. Научное наследие Нины Михайловны навсегда останется частью российской и мировой тюркологии. Светлая память о ней, талантливом исследователе, посвятившем всю свою жизнь сохранению алтайского языка и изучению литературы малочисленных народов Сибири, будет жить в сердцах ее многочисленных учеников, коллег и единомышленников.

*Сотрудники Горно-Алтайского государственного университета,
Института филологии СО РАН,
НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И СТРУКТУРА ЯЗЫКА

- Абдина Р.П.* (Абакан). Проблема лингвистической лакунарности в межкультурной коммуникации (на примере безэквивалентной лексики хакасского языка).....5
- Есипова А.В.* (Новосибирск), *Норманская Ю.В.* (Москва). Архаические графико-фонетические особенности в первых православных памятниках на шорском наречии (на материале книги «Указание пути в Царстве Небесное...») 12
- Напольнова Е.М.* (Москва). Употребление турецких указательных местоимений в художественном тексте (на материале романа О. Памука «Снег»)32
- Нурмухаммедов А.* (Ашхабад). О взаимоотношении сингармонизма и словесного ударения (на материале туркменского и некоторых других языков)46

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОР

- Маничкин Н.А.* (Москва). Скрытые дети Евы: новые материалы по народной демонологии Средней Азии58

ИСТОРИЯ НАУКИ, ДОКУМЕНТЫ

- Псянчин Ю.В.* (Уфа). История изучения лексики коневодства в башкирском языкознании68
- Хаджиева Т.М.* (Москва). Из научного наследия известного тюрколога Б.В. Чобан-заде79

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

- Алпатов В.М.* (Москва). Федор Дмитриевич Ашнин (к 100-летию со дня рождения)94
- Алишина Х.Ч.* (Тюмень). Академик Тумашева воздвигла памятник языку сибирских татар (к 95-летию со дня рождения ученого)..... 101
- Псянчин Ю.В.* (Уфа). Дж.Г. Киекбаев – первый доктор филологических наук из числа башкир (к 110-летию со дня рождения)..... 113

АРХИВНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

- Валеев Ф.Т.-А.* Сибирские татары122
- Тумашева Д.Г.* Диалект-основа 132

ЮБИЛЯРЫ ЭТОГО ГОДА

- Олег Алексеевич Мудрак как тюрколог (к 60-летию ученого) 136

Краткий очерк научной, учебно-педагогической и общественной деятельности Г.Е. Корнилова (к 85-летию со дня рождения).....	163
А.М. Муртазалиев – первый исследователь литературы дагестанского зарубежья (к 70-летию со дня рождения).....	172

НЕКРОЛОГИ

А.М. Меметов.....	177
Н.М. Киндикова	180

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- R.P. Abdina* (Abakan) Problem of linguistic lacunarity in intercultural communication (the case of non-equivalent vocabulary of the Khakass language).....5
- A.V. Esipova, Yu.V. Normanskaya* (Moscow). Archaic graphical and phonetic features of first Orthodox monuments [of writing] in Shor (based on the data of the book «Indication of the Way into the Kingdom of Heaven...»).....12
- E.M. Napolnova* (Moscow). The using of Turkish demonstrative pronouns in a literary text (based on O. Pamuk's novel «Snow»)32
- A. Nurmuhammedov* (Ashkhabad). On interrelation of vowel harmony and word stress (a case study of the Turkmen language and some other languages).....46

LITERATURE AND FOLKLORE STUDIES

- N.A. Manichkin* (Moscow). Eve's hidden children: new materials on folk demonology of Central Asia58

HISTORY OF SCIENCE, DOCUMENTS

- Yu.V. Psysanchin* (Ufa). Horse breeding vocabulary of the Bashkir language: history and current status.....68
- T.M. Khadzhiyeva* (Moscow). From the scientific inheritance of B.V. Choban-zade, a famous turkologist79

IN MEMORIAM

- V.M. Alpatov* (Moscow). Fyodor Dmitriyevich Ashnin (to his 100th anniversary)94
- Kh.Ch. Alishina* (Tyumen). Academician Tumasheva made a monument to the language of Siberian Tatars (to her 95th anniversary).....101
- Yu.V. Psysanchin* (Ufa). Dzh.G. Kiyekbayev: the first doctor of philology among Bashkirs (to his 110th anniversary)113

ARCHIVES

- F.T.-A. Valeyev. Siberian Tatars122
- D.G. Tumasheva*. The stem dialect132

ANNIVERSARIES

- Oleg A. Mudrak as a Turkologist (on the occasion of his 60th anniversary)136
- A brief view of scientific, teaching, pedagogical and social activities of Gennadiy Yemeliyanovich Kornilov (to his 85th anniversary)163

A.M. Murtazaliev – the first researcher of literature of Dagestan abroad (to his 70th anniversary).....	173
--	-----

OBITUARIES

A.M. Memetov	177
N.M. Kindikova	180

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Российская тюркология» просит авторов руководствоваться приведенными ниже правилами. Статьи, оформленные по иным техническим параметрам, не соответствующие тематике журнала, а также представленные без соблюдения норм русского литературного языка, к публикации не принимаются и возвращаются авторам без рассмотрения.

Общие положения

Журнал «Российская тюркология» выходит 4 раза в год (каждое полугодие сдвоенными номерами) и печатает материалы, основанные на результатах неопубликованных (авторы гарантируют) гуманитарных исследований. Исключение может составить идентичная статья автора, опубликованная: а) в нецентральной научной печати (не Москва и Санкт-Петербург, а также не в журналах, аттестованных в системах Scopus, WoS и подобных – Новосибирск, Томск), б) за границей на иностранном языке. При этом автор обязан дать полную ссылку на эту первичную статью. Статьи в журнал «Российская тюркология» принимаются по рубрикам:

- ◆ Структура и история языка
- ◆ Дискуссии и обсуждения
- ◆ Языковые связи
- ◆ Ономастика
- ◆ Культурология
- ◆ Литературоведение
- ◆ Фольклористика
- ◆ Сообщения и обзоры
- ◆ История науки, документы
- ◆ Рецензии и аннотации
- ◆ Персоналии
- ◆ Некрологи

Основным требованием к публикуемым материалам является их соответствие научным критериям:

- ◆ актуальности
- ◆ проблемности
- ◆ научной новизны
- ◆ доказательности
- ◆ фактологической обоснованности.

Редакционная коллегия оставляет право отбора материалов для публикации. Все статьи проходят двойное слепое рецензирование. Журнал не является гонорарным.

Журнал с 2020 г. издается только в электронной версии. Журнал индексируется в РИНЦ и находится там в открытом доступе, также, как он находится в открытом доступе на сайте Российского комитета тюркологов: <http://www.turcologica.org> и на сайте Института языкознания РАН <https://iling-ran.ru/web/ru/publications/journals/rt>.

Представление статей

Авторские оригиналы – текст статьи на русском языке, краткая аннотация к нему и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках, название статьи на английском языке – должны быть отправлены в электронном варианте по адресу: gosturcology@yandex.ru с безличным обращением «Уважаемая редакция».

Объем статьи – от 0,7 до 1 а.л. (28 тыс. – 40 тыс. знаков с пробелами), включая список литературы, аннотации и постраничные сноски.

Файл со статьей должен быть назван следующим образом: «**Иванов И.И. Статья для РТ**»

Текст должен отвечать следующим требованиям

Нумерация страниц сквозная. Номер страницы указывается внизу страницы по центру.

Параметры страницы – А4, поля для всех сторон – 2 см, ориентация – книжная.

Шрифт – **Times New Roman (14 пт)**, межстрочный интервал – полуторный, абзацный отступ – 0,75 см по всему тексту. Все заголовки (название статьи, список литературы, аннотации и пр.) вводятся полужирным шрифтом и располагаются по центру. Дополнительные буквы к стандартным алфавитам русского и английского языков берутся из касс Юникода.

Тире среднее (не заменять дефисом!), с двух сторон отделяется пробелами: –

Между числами (для обозначения временного периода, страниц в издании и т.п.) ставится среднее тире без пробелов, например: 1941–1945 гг. Века обозначаются римскими цифрами, например: XIX–XXI вв. Кавычки внешние – «ёлочки», внутренние – “лапки”. Пропуски в цитатах обозначаются многоточием в угловых скобках: <...>.

Букву «ё» использовать только в смысловоразличительных случаях.

При применении другого оригинального шрифта для написания текста на национальном языке примеры необходимо давать курсивом, а шрифт должен быть прислан вместе со статьей.

Все примеры на национальных языках должны иметь переводы на русский язык. Значения слов, словосочетаний и переводы даются в марровских кавычках (‘марровские кавычки’).

Заголовок статьи набирается прописными буквами с выравниванием по центру.

Фамилия автора набирается после заголовка по центру полужирным курсивом (инициалы стоят впереди).

На следующей строке после фамилии светлым курсивом указывается город.

К заголовку статьи, если требуется для отчетности, дается ссылка в конце страницы, где можно указать о финансовой поддержке исследования.

К фамилии автора дается еще одна ссылка в конце страницы со сведениями об авторе: ФИО – полностью, должность и место работы, ученая степень и звание, личный e-mail.

Специальные символы набираются шрифтом **Symbol**. При употреблении сложных или авторских символов, статью необходимо прислать также и в формате **pdf**, а также, возможно, и нестандартный шрифт. *Ссылка* приводится внутри текста в квадратных скобках; напр.: [Малов 1951: 430]; в случае необходимости *постраничные сноски* должны вводиться в виде верхнего индекса и иметь сквозную нумерацию по всему тексту.

Список литературы дается в конце статьи и оформляется по приведенным ниже образцам.

Итак, еще раз кратко о порядке расположения материала статьи:

Название на русском языке

ФИО автора; нижняя ссылка – сведения об авторе на русском языке: фамилия имя отчество – полностью, место работы и должность, ученое звание

Город

Резюме на русском языке

Ключевые слова на русском языке

Текст статьи

Литература

Название на английском языке

Имя, фамилия автора, город на английском языке

Резюме на английском языке (Summary)

Ключевые слова на английском языке (Key words)

Сведения об авторе (авторах) на английском языке

Список литературы вводится заголовком *Литература* – полужирным курсивом. Приводится без нумерации в алфавитном порядке сокращенного обозначения источников по названию или фамилии автора и году издания прямым шрифтом; далее через **среднее тире** курсивом фамилия и инициалы автора, затем прямым шрифтом полное название труда и выходные данные.

Для книг – фамилии и инициалы всех авторов, полное название книги, через среднее тире место издания, двосточие, издательство, год издания, том или выпуск.

Для периодических изданий – фамилии и инициалы автора (всех авторов), название статьи, через две косые линии – название журнала (или сборника), через среднее тире год издания, том, номер, первая и последняя страницы статьи.

ВНИМАНИЕ: С 2019 года вводятся дополнительные правила по оформлению литературы согласно европейским требованиям: литература на русском языке остается на первом месте по отношению к иностранной; сразу после названия дается перевод этого названия на английский язык в фигурных скобках; также необходимо перевести на английский язык данные о месте и годе издания. В настоящем номере журнала по таким принципам оформлены все статьи.

БУДЕМ РАДЫ СОТРУДНИЧЕСТВУ С ВАМИ!

Данный номер журнала
подготовлен редакционной группой в составе:

Выпускающий редактор: *З.Н. Экба*
Технический редактор: *О.А. Алексеева*
Редактор-переводчик: *А.В. Шаров*
Компьютерная верстка: *В.Ю. Гусев*
Дизайн обложки: *Ф.Н. Латыпова*